

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

1991

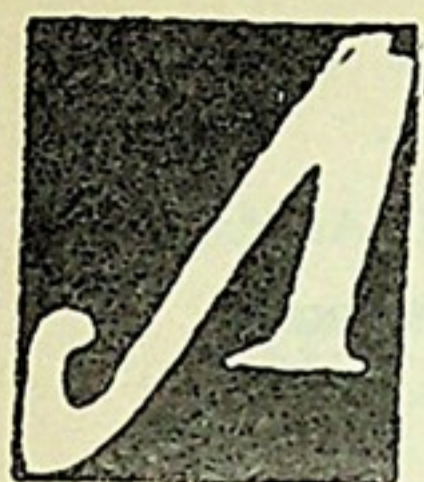
10.335 /
1991 / 4

2

საქართველოს
წიგნების კავშირი

1991

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Орган Союза писателей Грузии

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

- ГРИГОЛ АБАШИДЗЕ. Обезлюдевший аул.
Рассказ. Перевод Левана Беджизати 3
- КАРЛО КАЛАДЗЕ. Стихи. Перевод Ильи
Фонякова 17
- ГРИГОЛ РОБАКИДЗЕ. Змеинная рубашка. Ро-
ман. Продолжение. Перевод Камиллы
Коринтэли 19
- КАМИЛЛА КОРИНТЭЛИ. Стихи 113
- ДЖЕМАЛ ТОПУРИДЗЕ. Два рассказа из ар-
хива писателя. Перевод Д. Робакидзе 117
- ИСАК МЕГРЕЛИШВИЛИ. Стихи. Перевод
Натана Баазова 146

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- АКАКИЙ БАКРАДЗЕ. «Укрощение литерату-
ры». 151

2

Издательство «Самшобло», Тбилиси
Журнал выходит с июня 1957 года

ПОЛЕМИКА

ГЕОРГИЙ ПАЙЧАДЗЕ. Открытое письмо Фа-
зилю Искандеру 174

ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ

РЭМ ДАВИДОВ. «Жертвовать всем, даже жиз-
нью, для блага отечества» 180

ИСКУССТВО

АЛЕКСАНДР ЧХЕИДЗЕ. Пиросмани глазами
Пикассо 201

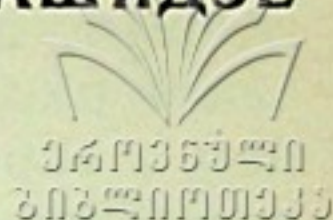
Диалог: ГЕОРГИЙ ШХВАЦАБАЯ, МИ-
ХАИЛ БУЯНОВ — «Скульптура всегда
человечна» 205

КОНТАКТЫ

АНДЖЕЙ ФУРИЕР. «Польский дом» в Тиф-
лисе 211

НЕКРОЛОГ 223

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ 179

ОБЕЗЛЮДЕВШИЙ АУЛ

(РАССКАЗ ФРОНТОВИКА)

Человек может исходить всю землю вдоль и поперек, побывать во многих своеобразных, неповторимо красивых местах, восхититься ими — а потом их позабыть: не отложатся они навсегда в его воспоминаниях... Но если к виденному добавится, тесно переплетется с ним какой-нибудь случай, взгорячивший душу и разум, — тогда оно никогда не сотрется в его сердце и до самой смерти будет вновь и вновь вставать перед глазами...

Кистинские села я впервые увидел во время войны.

Ну, что было трудного в том, чтобы взять и заглянуть в красочный уголок, который находится совсем близко? Всего-то подобрать в дорогу палку покрепче, закинуть за спину рюкзак — и перейти по горе в пограничные с Хевсурети и Тушети аулы. Однако жизнь моя прошла так, что не довелось мне изведать жажды странствий, и не было повода, который подтолкнул бы меня и заставил побывать в тех краях.

И вот, надо же было такому случиться: чтобы повидать поселения наших ближайших соседей — ингушей-кистинов, мне сначала пришлось оказаться за две с половиной тысячи километров от Грузии. Я попал в их аулы в военное лихолетье, в короткий отпуск после ранения, — и при таких обстоятельствах, что никогда они не забудутся и не дадут покоя памяти.

* * *

Придя в себя после операции, я увидел в палате эвакогоспиталя еще одного тяжелораненого. Это был полковник кистин Касбулат Тутаев. Пока я лежал без сознания, ему тоже сделали сложную операцию.

Мы вместе выздоравливали — и все больше сбли-

жались друг с другом. И скоро крепко подружились. Живым, веселым оказался он, Касбулат Тутаев, увлеченно рассказывавший мне о своих земляках, о затерянном в горах родном ауле, стариках-родителях и множестве братьев и сестер.

Касбулат окончил вуз в Москве, затем, взявшись за квалификационную работу, избрал ее темой ингушский фольклор — и там же, в Москве, блестяще защитил диссертацию.

Вернувшись в отчий край, он работал редактором местной газеты до начала войны и в первые же ее дни ушел на фронт добровольцем. Там ему присвоили звание политрука. И стал крепыш-горец не только словом своим, но и делом — боевым мужеством и самоотверженностью — примером для всего полка. Но услышал я об этом, ясно, не от него — об этом говорили поблескивавшие на его гимнастерке звезда Героя и ордена.

Очнувшись после операции и едва пошевелив головой, Касбулат потребовал обратно свое личное оружие. Пистолет и ваши личные вещи спрятаны надежно, ответили ему. Но Касбулат очень разволновался — и не успокоился, пока оружие наконец не вернули. Увидев снова револьвер с посеребренной рукояткой, Касбулат страшно обрадовался, глазами попросил положить его у изголовья и лишь после этого затих.

Револьвер был старой работы, рукоятка изрядно почернела от времени, — такие уже почти вышли из употребления, и я не мог понять, почему он так дорог полковнику, которому было доступно не только наше, но и трофейное немецкое оружие.

Позже Касбулат доверительно и гордо сообщил мне:

— Его моему отцу Сталин подарил — еще в гражданскую...

И попросил медсестру дать мне револьвер.

Я взял его — и благоговение охватило меня самого.

На рукоятке было выведено:

«Рамазану Тутаеву — от И. Сталина».

Проникшись еще большим восхищением и уважением, я бережно вернул револьвер.

— Мой отец еще много и другого оружия хранит — в память о гражданской войне! Над постелью у него са-

бля висит — Орджоникидзе подаренная! Ох, какая волнующая на ней надпись! Но самое дорогое — этот револьвер! Куда отец ни отправлялся — всюду его с собой брал и берег пуще глаза.

Как все горцы, отец всегда был суров, стоек, редко поддавался чувствам и проявлял любовь к детям. А когда провожал меня, отвел в сторону, вложил мне этот револьвер в руку и произнес надтреснутым голосом: «Дарить дареное — не дело это. Да еще подарок такого человека!.. Но, коль сам я для войны уж не гожусь, грех допускать, чтобы такое оружие в бездействии ржавело! Отныне — твое оно, и носи же его с честью, как я пронес!»

Видно было, старик мой хотел уж при проводах-то быть мягче, ласковее со мной, но превозмог себя и сам почувствовал — прощание получилось у него высокопарное, сухое... Горько улыбнулся, затем вдруг крепко обнял меня и, чтобы удержаться от рыданий, сразу же откинулся назад, повернулся и пошел...

На фронте перебивало у меня немало разного оружия, но с этим револьвером я никогда не расставался! Несколько ранений получил, и всякий раз, когда терял сознание, в голове успевало промелькнуть: только бы он не достался кому другому, тем более врагу, только бы не потерять его!..

В госпитале времени было в досталь, и мы заполняли его разговорами. Я рассказывал Касбулату о Грузии, он мне — о кистинской стороне; оба расхваливали свои родные края и, истосковавшись по ним, раз за разом заканчивали рассказы тем, что брали один с другого слово: едва оказавшись после госпиталя в отпуске, по очереди поехать друг к другу в гости!

Нам хотелось подстегнуть время, а оно и так пролетело быстро... Мы с Касбулатом вышли в отпуск по ранению и, как и было условлено, решили посетить родные места друг друга.

Договорились, что сперва поедem в Ингушетию — и не только потому, что на пути в Грузию кистинские аулы были по дороге.

Уже давно Касбулат почему-то не получал писем с родины. И, ничего не зная о том, что сейчас с его

близкими, он жил одним стремлением—как можно скорее попасть домой!

В долгий путь мы отправились на «виллисе» Касбулата.

...Когда спустя неделю мы, усталые, достигли предгорий Северного Кавказа и вдохнули воздух родных кряжей, впервые за все эти дни ободрились, воспрянули духом. Вдали уже проступали очертания Кавказского хребта — и они наполняли наши сердца неизъяснимым, ни с чем не сравнимым ликованием!..

Ночь перед тем, как преодолеть последний из отрезков пути, отделявших нас от дома Касбулата, — самый желанный, самый долгожданный — мы провели в какой-то районной гостинице. Наутро, хорошо выспавшиеся, мы быстро покончили с завтраком и выехали.

Вначале дорога тянулась по равнине, и мы летели на полной скорости, нигде не задерживаясь.

К полудню впереди показался город.

— А вот и наша столица! — радостно возвестил Касбулат. — Конечно, если ее с теми городами сравнить, что мы с тобой на этой войне перевидали, она с селцо покажется. Но сам знаешь — всяк кулик свое болото хвалит... Это уж точно! Да и как ни верти — центр автономной республики, главный город сразу двух братских народов!

А город становился все ближе, больше, выделялся все четче и ярче.

— Красив! — вырвалось у меня.

— Да, красавец! А климат и вода просто райские! Только мои старики в нем все равно не прижились... Отец после революции здесь зампреда ревкома был, так и двух лет не выдержал — раз топнул ногой и махнул назад в свой аул... А потом его как-то председателем республиканского потребсоюза избрали — и вновь еле до конца срока дотянул. Быть избранным повторно, само собой, отказался категорически и зарекся с той поры оставаться в городе надолго. Не стерпел городского шума и толкотни и предпочел им тишину и уют нашего аула!..

— Чему удивляешься? Так и в Грузии: жителю гор очень трудно от них отвыкнуть! И у нас, бывало, окончит грузин-горец Петербургский или пусть даже Гей-

дельбергский университет, вернется на родину — и вместо того, чтобы в Тифлисе делами по своей специальности заниматься, убежит обратно в горы, наденет чабаний выворотный кожух и на всю жизнь останется там овец пасти!..

— Слышал я схожее об одном вашем большом писателе. Как же его звали?..

— Казбеги... Александр Казбеги...

— Точно, Казбеги... Его и на наш язык переводили. Об ингушах и чеченцах тепло писал...

— С большой любовью и пониманием! Он с искренним сочувствием описал борьбу горских народов за свободу, и благодаря ему и грузинские читатели полюбили кистинских воинов как своих героев!

Машина подкатила к перекрестку; Касбулат на мгновение задумался, затем сбавил скорость и, крутанув руль вправо, повернул в сторону от города.

— Если ты согласен, то давай прямо в село! Попали бы в город — так в обком пришлось бы заехать, друзей-знакомых проведать, а уж они бы сегодня не отпустили! А меня ох как домой тянет, просто невмочь!

Касбулат улыбнулся, остановил машину и взглянул на меня, ожидая ответа.

— Да что же ты? Поехали быстрее! — поторопил я его. — Конечно, не время сейчас в город заезжать! Я в твой аул не меньше тебя рвусь!

— Ну, тогда поднажмем! — обрадовался Касбулат. — А то в горах дороги плохие, лучше до сумерек успеть!

Он снова дал газ, последняя низина осталась позади, и вскоре мы стали взбираться все выше и выше в горы.

Револьвер лежал возле Касбулата на сиденье. С самого выхода из госпиталя Касбулат ни на минуту не забывал о нем, а изредка, снимая портупею и пояс, клал его рядом с собой. И с начала нашей поездки револьвер, как правило, занимал свое постоянное место в машине.

— Путь неблизкий. Порой и впотьмах добираться приходится. Кто знает, на что и на кого напорешься... — произнес Касбулат. И больше об этом не заговаривал.

Дорога была безлюдной, лишь очень редко попадались отдельные путники. Над аулами царила стран-

ная тишина. Не вился дым над крышами, нигде не было видно скота, и даже собачий лай не разносился.

Поначалу Қасбулат огибал аулы, не подвезжая к ним вплотную, — там, где это позволяла дорога. Но потом стал тулиться к ним, и все теснее, зачастую удлиняя этим путь... А они были по-прежнему пусты, лишь местами встречались один-два человека на аул, но ни на ком не было ни высоких папах, ни кинжалов... — и мужчины, и женщины одеждой куда больше походили на жителей равнин, чем на коренных горцев.

Безлюдность и тишина настораживали, страшили...

Радость исчезла с лица Қасбулата, в его глазах засела тревога; насупившись и умолкнув, он навалился на руль и мчал вперед.

Обуянный боязнью чего-то непонятного, что тяжело и грозно надвинулось на нас, притих и я.

Омытая водопадами ухабистая дорога была все такой же трудной. А Қасбулат уже не объезжал выбоин и кочек, даже не искал мелководья в речках — бросал машину на глубокий брод и вновь с воем и грохотом гнал ее напрямик через рытвины и колдобины, по щебню, булыгам и сброшенным обвалами камням.

Когда мы еще лежали в госпитале, Қасбулат не уставал расхваливать дорогу из центра республики в его аул, которая, по его словам, была образцовой для этих мест и которую по инициативе его отца провели в первые послереволюционные годы.

Но сейчас, с каждым новым подъемом, эта дорога становилась все хуже. Мы пролетали по утлым мостикам, перекинутым над стремнинами, порой одно колесо зависало в воздухе... я жмурил глаза и потом, опять оказываясь в безопасном месте, не мог себе объяснить, что спасло нас на этот раз... По такой дороге так не мчался бы и пьяный шофер! Но Қасбулат уже не думал ни о себе, ни обо мне и был охвачен только одним желанием: поскорее добраться до родного очага и увидеть, какая же его постигла беда, — предчувствие которой, давно снедавшее его, он тщетно пытался скрыть.

Дорога пошла зигзагами по лесу. Несколько раз слышался звон копыт. Я успел увидеть призраками мелькнувших за деревьями всадников в бурках. А однажды они пронеслись совсем рядом, и из-под копыт

полетели на дорогу комья грязи. Ушедший в себя Касбулат и не взглянул в их сторону, похоже было, конский цокот даже не дошел до его ушей, — еще ниже пригнувшись к рулю, он ничего не слышал...

Мы выехали из леса, и глазам открылось изумительное зрелище: большой аул палубными ярусами гигантского морского корабля перекинулся через ущелье; словно огромные соты, испещренные ячейками переходивших один в другой домиков, уступами расстилались по склону... И со всех четырех сторон село окружали вытянувшиеся в небеса горы.

Мы вышли из машины и всмотрелись в аул. Еще с появлением его я бросил взгляд на Касбулата, лицо которого тотчас прояснилось, едва он увидел родной аул...

— Вот мой дом! — Касбулат вскинул руку в направлении одного дома с большой верандой. — Оттуда все ущелье как на ладони! — Он довольно улыбнулся и снова пристально взгляделся в аул.

Прошло какое-то время... Чем дальше мы оглядывали аул, тем больше наша радость меркла, вновь уступая место страху и предчувствию чего-то недоброго...

В крупноячеистых сотах ничто не проявляло признаков жизни — не шевелилось, не издавало звуков... Над ними пролегла исполненная какой-то жуткой тайны тишина, и, хотя заходившее солнце еще всюду светило, нас все сильнее обдавало пугающей стужей пустоты.

Лицо Касбулата изменилось вновь...

Без слов мы сели в машину и спустились к аулу. Быстро проехали по узким проулкам... Ниоткуда не донеслось ничего — ни собачьего лая, ни детского крика...

Касбулат нажал на клаксон. Резкий призывный звук, сплошной и протяжный, повис над онемевшим аулом, но и на него никто не отозвался.

Мы еле взобрались на первой скорости по ступенчатому подъему и затормозили у небольшого двора, обнесенного местами обвалившейся каменной оградой.

Касбулат выпрыгнул из машины и обвел взглядом прилепившиеся друг к другу ближние дома. А затем внезапно рванулся — и побежал вдоль них.

Я медленно зашагал следом за ним.

Подвернув ногу, Касбулат с трудом взбежал по

лестнице одного из домов, ухватился за перила веранды и закричал:

— Ма-ама!

Никто не ответил.

Собравшись с силами, Касбулат толкнул дверь и бросился внутрь... Я поднялся на веранду и увидел: он потерянно бродил по пустой комнате... Потом он вышел, пошатываясь, и снова вонзил взгляд в аул...

— Оте-ец!! Ма-ать!!

Касбулат кричал уже не так зычно, но горы разносили его обреченный голос по всей округе и не давали ему слабеть. Далеко за аул качнулось эхо, но откликнуться по-прежнему было некому...

Касбулат еще долго звал братьев, сестер... А потом, не помня себя, стал перебегать с террасы на террасу, с веранды на веранду, из дома в дом, испуганно заглядывая в каждый... Так он обежал чуть ли не весь аул, а затем встал на веранде дома, стоявшего выше остальных:

— Лю-ди-и!!

Сдавленно прокричав это, Касбулат упал на колени... Я подбежал к нему, постоял рядом, а затем и сам молча опустился на землю возле него, обхватил его плечи и притянул к себе... Оба замерли...

Так мы пробыли долго. Потом Касбулат схватился за голову руками и беззвучно затрясся...

— Вы кто такие? — вдруг услышали мы.

Четверо молодых конных кистинов направили на нас стволы автоматов. Пятый спешился и приближался к нам; по груди его стлалась огромная черная борода, рассеченная бровь непрерывно дергалась.

— Кто вы? — кистин повторил вопрос и остановился поодаль.

Еще влажные глаза Касбулата словно приросли к кистину — он сразу узнал его.

— Заурбек!! — воскликнул он и вскочил.

Раскинув руки, оба бросились навстречу друг другу и обнялись. Касбулат вжался головой в грудь кистина и снова заплакал, колотя его ладонями по плечам. Потекли слезы и из глаз Заурбека; он уперся подбородком в затылок Касбулата, и его рассеченная бровь задергалась еще сильнее.

Беззвучно выплакавшись, они сели на камни. Конники с увлажнившимися глазами опустили автоматы и тоже спешили.

Касбулат жалобно посмотрел на Заурбека и ломким голосом спросил:

— Где... люди?.. Что случилось с аулом?

— Согнали всех... Нас и чеченцев... Выселили...

— Выселили?? Да за что?!

— А ни за что... — тихо ответил Заурбек, и лицо его еще больше нахмурилось. — Обвинили народы наши: пособничали, мол, врагу, Сталину и родине изменили!.. Пригнали войска, объявили — правительство, мол, так-то вот и так постановило... А затем в одночасье на машины всех от мала до велика погрузили и куда-то повезли... Далеко...

— А мои старики?.. Братья, сестры?..

— Вместе со всеми... Разом всех увезли... Говорят, в Казахстан...

— И... сейчас все они там?

— Там... те, кто на этом пути от зноя, холода да пули уберегся...

— А вы? Вам-то как удалось остаться?

— Сбежали мы. С грузовика, что на полном ходу мчал, прямо над обрывом и спрыгнули... Вот те, кто не разбился и кого пуля не догнала, — мы то есть, — с той поры в лесу и прячемся...

Касбулат стоял, потупившись; лицо его было блее мела, нижняя губа подрагивала.

— А отец твой... с нами вместе он с борта спрыгнул и... разбился в ущелье насмерть...

Касбулат словно переломился пополам... и снова стиснул голову руками... И через какое-то время выпрямился, выдохнув, произнес:

— Куда ж ему было, в его-то возрасте, с машины на ходу прыгать!..

— Отговаривали мы его. Да не послушался... Бежать хотел, чтоб потом до Москвы добраться: до Сталина, дескать, дойду, он про нашу беду наверняка не знает, все ему расскажу — он и поможет... Прости, наивный у тебя отец был, как ребенок... Дескать, такого зла даже Чингисхан с Тамерланом не причиняли, а Сталин — сам малого народа сын, всю жизнь за осво-

лестнице одного из домов, ухватился за перила веранды и закричал:

— Ма-ама!

Никто не ответил.

Собравшись с силами, Касбулат толкнул дверь и бросился внутрь... Я поднялся на веранду и увидел: он потерянно бродил по пустой комнате... Потом он вышел, пошатываясь, и снова вонзил взгляд в аул...

— Оте-ец!! Ма-ать!!

Касбулат кричал уже не так зычно, но горы разносили его обреченный голос по всей округе и не давали ему слабеть. Далеко за аул качнулось эхо, но откликнуться по-прежнему было некому...

Касбулат еще долго звал братьев, сестер... А потом, не помня себя, стал перебегать с террасы на террасу, с веранды на веранду, из дома в дом, испуганно заглядывая в каждый... Так он обежал чуть ли не весь аул, а затем встал на веранде дома, стоявшего выше остальных:

— Лю-ди-и!!

Сдавленно прокричав это, Касбулат упал на колени... Я подбежал к нему, постоял рядом, а затем и сам молча опустился на землю возле него, обхватил его плечи и притянул к себе... Оба замерли...

Так мы пробыли долго. Потом Касбулат схватился за голову руками и беззвучно затрясся...

— Вы кто такие? — вдруг услышали мы.

Четверо молодых конных кистинов направили на нас стволы автоматов. Пятый спешился и приближался к нам; по груди его стлалась огромная черная борода, рассеченная бровь непрерывно дергалась.

— Кто вы? — кистин повторил вопрос и остановился поодаль.

Еще влажные глаза Касбулата словно приросли к кистину — он сразу узнал его.

— Заурбек!! — воскликнул он и вскочил.

Раскинув руки, оба бросились навстречу друг другу и обнялись. Касбулат вжался головой в грудь кистина и снова заплакал, колотя его ладонями по плечам. Потекли слезы и из глаз Заурбека; он уперся подбородком в затылок Касбулата, и его рассеченная бровь задергалась еще сильнее.

Кон-
маты и
818 21101333

Беззвучно выплакавшись, они сели на камни. Конники с увлажнившимися глазами опустили автоматы и тоже спешили.

Касбулат жалобно посмотрел на Заурбека и ломким голосом спросил:

— Где... люди?.. Что случилось с аулом?

— Согнали всех... Нас и чеченцев... Выселили...

— Выселили??. Да за что?!

— А ни за что... — тихо ответил Заурбек, и лицо его еще больше нахмурилось. — Обвинили народы наши: пособничали, мол, врагу, Сталину и родине изменили!.. Пригнали войска, объявили — правительство, мол, так-то вот и так постановило... А затем в одночасье на машины всех от мала до велика погрузили и куда-то повезли... Далеко...

— А мои старики?.. Братья, сестры?..

— Вместе со всеми... Разом всех увезли... Говорят, в Казахстан...

— И... сейчас все они там?

— Там... те, кто на этом пути от зноя, холода да пули уберется...

— А вы? Вам-то как удалось остаться?

— Сбежали мы. С грузовика, что на полном ходу мчал, прямо над обрывом и спрыгнули... Вот те, кто не разбился и кого пуля не догнала, — мы то есть, — с той поры в лесу и прячемся...

Касбулат стоял, потупившись; лицо его было блее мела, нижняя губа подрагивала.

— А отец твой... с нами вместе он с борта спрыгнул и... разбился в ущелье насмерть...

Касбулат словно переломился пополам... и снова стиснул голову руками... И через какое-то время выпрямился, выдохнув, произнес:

— Куда ж ему было, в его-то возрасте, с машины на ходу прыгать!..

— Отговаривали мы его. Да не послушался... Бежать хотел, чтоб потом до Москвы добраться: до Сталина, дескать, дойду, он про нашу беду наверняка не знает, все ему расскажу — он и поможет... Прости, наивный у тебя отец был, как ребенок... Дескать, такого зла даже Чингисхан с Тамерланом не причиняли, а Сталин — сам малого народа сын, всю жизнь за осво-

бождение угнетенных отдал, и уж он-то как вмешается...

— Неужели... сам Сталин?! — Касбулат осекся, словно не позволил себе договорить...

— Ты — весь в отца! — Заурбек зло ударил себя кулаком по ноге. — Да на решении, по которому нас выселили, подпись самого Сталина же и стоит! А про тебя — видать, в награду за такую веру! — особо было сказано: Герой Советского Союза Касбулат Тутаев имеет право проживать, где пожелает!..

— Ну... спасибо за такую милость!.. — проговорил Касбулат, и его губы скривились в горькой усмешке.

Помолчали. Затем Заурбек оглядел меня.

— А товарищ твой откуда?

— Грузин он, из Тбилиси...

— Гурдж? — Заурбек нахмурился. — Гурджи тоже в изгнании этом участвовали... И при Шамиле поработителей наших на нас вели...

— Не говори так, он-то при чем? — крикнул Касбулат.

Опять наступила тишина.

— Как же вы теперь? Где укрываетесь, что едите? — спросил Касбулат.

— В лесу прячемся... Тех, кто нас сгонял, подкарауливаем, а как встретим... — Заурбек перешел на кистинский. Я понял: разговор зашел о таком, что чужому знать не следовало. Встав, я медленно отошел от кистинов.

Я обходил аул, смотрел, пересиливая себя, на пустые и холодные, как склепы, дома и клял судьбу, заставившую меня увидеть это...

Заурбек велел своим парням расстелить на веранде дома Касбулата скатерть и разложить еду. Уже смеркалось; где-то раздобыли и зажгли фитиль в плошке, и тускло мерцал его одинокий огонек — единственный во всем ауле, который поглотила тьма...

Касбулат не притрагивался к пище. Не шел кусок в горло и мне. И мы оба налегли на водку... По щекам кистинов снова катились слезы и капали в араку, которую мы пили из маленьких рогов...

Фляга с аракой опустела. Заурбек и его спутники встали, попрощались с нами, вскочили на коней и с места понеслись в опор, исчезли в ночи. Какое-то время еще был слышен частый цокот копыт, подобный звону стремительной горной реки, потом и он стих.

— Ты отдохни здесь, — и Касбулат подвел меня к старой тахте в кунацкой, — а я лягу на веранде.

Найдя где-то протершийся коврик и уже обгрызанную мышами мутаку, он положил их на тахту.

— Уж извини — отец мой гостей не так принимал, но... — Касбулат беспомощно махнул рукой, пожелал мне спокойной ночи и вышел.

Уставшему и в то же время взбудораженному, какую уж там спокойную ночь мне предстояло провести!..

Я курил папиросу за папиросой, вглядывался в затянутый паутиной потолок и тщетно пытался найти ответы на мучившие меня вопросы.

Сколько раз мы с Касбулатом говорили о героической борьбе Шамиля! При всяком упоминании о мудром имаме он преисполнялся гордостью и вновь и вновь возбужденно повторял:

— Представляешь? Пригоршня горцев не побоялась сразиться с громадной империей! Наверное, Шамиль и сам не осознавал, какая силища перед ним! Небось только потом, когда его пленили и везли в глубь России, по бескрайним просторам, понял, с каким гигантом воевал!

Более тридцати лет не складывал Шамиль оружия перед царем, а после того, как был побежден, самодержец не решился или не захотел предать его суду и поквитаться с ним, а уж мысль о том, чтобы изгнать верные Шамилю народы Кавказа из родных мест и переселить их, и в голову не пришла такому жестокому императору, как Николай I. Так что же: то, что даже свирепый царизм счел невозможным, неприемлемым для собственного достоинства, в наше время, выходит, может учинить руководитель социалистического государства?! Получается, заблуждался Касбулатов отец, бывший соратником Сталина и боготворивший его?.. Но неужели тот, кто создал «союз нерушимый республик

свободных», его вождь, мог бы совершить подобное злодеяние? Допустим, и среди горцев появились свои предатели, свои власовы, но за преступления они сами же и должны быть в ответе — но никак не безвинные народы, выходцами из которых они были!..

Однако поговаривают, Сталин в ярости не различает правды и кривды, правого и виноватого... Заодно с виновными карает и невиновных — для того, мол, чтобы внушить страх людям, искоренить в них саму возможность двурушничать, изменить ему, и дабы в будущем они, запуганные, и думать не смели о том, чтобы перечить, просто возразить ему, тем более в чем-то выступить против него...

Нет, — тут какая-то величайшая, страшнейшая ошибка, недоразумение! Конечно же, бедняга Рамазан был прав: Сталин не знает о случившемся, иначе не допустил бы этого!

Но, с другой стороны, без ведома и разрешения Сталина столь серьезный шаг никто не рискнул бы сделать!

И одно предположить невозможно, и другое...

Но, может, Сталин болен? Не выдержал такого напряжения, нечеловеческой нагрузки — и как раз в то время, когда его жизнь и здоровье больше чем когда-либо нужны стране, ее народам, их будущему?!

Я подумал это — и вздрогнул. Упаси боже! — трижды произнес я про себя и сразу же вспомнил позавчерашнюю передачу радио.

Вечером в гостинице Касбулат включил громкоговоритель, и мы услышали короткое выступление Сталина. Оно было пронизано непоколебимой уверенностью в победе! Сталин говорил приподнято и убедительно, в речи его не ощущалась не то что болезнь—даже малейшая утомленность.

Сталин кончил говорить — и Касбулат бурно захлопал в ладоши.

— Видишь, какой четкий и неоспоримый анализ?! А? Да что бы мы делали, если б не он? Ведь Гитлер отнюдь не ограничился бы порабощением и переселением одних русских — он бы и такие небольшие народы, как наши, согнал с родной земли и, может быть, запросто заселил ими какую-нибудь африканскую пу-

стыню! Это счастье наше, что у нас есть Сталин! —
воодушевленно восклицал окрыленный услышанным
Касбулат.

Помнит ли он сейчас свои слова? Как жаль его —
не щадившего жизни для родины и для Сталина в то
время, когда ставшую смыслом этой жизни убежден-
ность одним росчерком пера разрушил тот, чьему делу
отдал все Рамазан! И для сына Рамазана любовь к это-
му человеку, верность ему сделались первейшим жиз-
ненным призванием, оправданием собственного суще-
ствования!..

Кто знает, какой пламень пылает сейчас в душе
Касбулата! Ведь для него насильственное переселение
чеченцев и ингушей — не только трагедия его народа.
Этим Сталин вдребезги разбил и его личную веру —
в то, чему он радовался с отроческих лет, чем был сча-
стлив, чем дышал и во имя чего ныне отчаянно дерется
с фашистами!..

Каким же будет гнев его — гнев, которым обер-
нутся святая и вероломно попранная вера, восторг и
преклонение!..

Неужели Сталин и впрямь мог вот так, одним ма-
хом уничтожить веру в Сталина же?!

Было далеко за полночь, а сон ко мне все не шел.

Похоже было, не мог или не хотел заснуть и Кас-
булат; временами до меня долетал его глухой кашель.
А подо мной все скрипела старая, с расшатавшимися
ножками тахта.

Наконец усталость взяла верх; меня сморило, и,
окончательно изведясь, я провалился в сон...

Меня разбудил звук выстрела. Я вскочил и рванул
рукой пистолет.

По небу разливалась заря. Светало.

— Касбулат!! — крикнул я — и весь обратился в
слух.

Никто мне не ответил. Вновь воцарившаяся после
выстрела тишина не предвещала добра...

— Касбулат! Касбулат! — выкрикивал я и поспе-
шно одевался.

С пистолетом в руке я выбежал на веранду — и
у меня потемнело в глазах...

Касбулат лежал на полу в луже крови.

Я кинулся к нему, рухнул на колени и впился в него взглядом. Остекленевшие, стальные зрачки Касбулата смотрели куда-то вдаль. Я схватил его за плечи, — оно тоже похолодело, пульса не было.

— Касбула-ат!! — закричал я изо всей мочи и в отчаянии завертел головой. Из груди Касбулата еще сочилась кровь. Наверное, он лег одетым... Я расстегнул ему до конца ворот, повернул его... На полу под гимнастеркой уже загустевала лужица натекшей крови. А отверстие от пули было наверху, против самого сердца, — одной хватило, чтобы оборвать жизнь такого богатыря!..

Поблизости по-прежнему никого не было, я все еще лихорадочно и бессильно оглядывал округу... И вдруг в глаза мне бросился белый конверт, он лежал на скамье у изголовья Касбулата, на видном месте, — как я его сразу не заметил!.. На конверте крупными буквами было написано: «Москва. Кремль. И. Сталину». Я протянул было к нему руку — и тут же отдернул ее, словно от горячего: внезапно мне представилось, как я увижу, прочту в письме все мысли, что терзали меня ночью!..

И лишь отойдя, я увидел рядом с Касбулатом револьвер с блестящей серебряной рукояткой... На ней играли лучи восходившего солнца, и в них до рези в глазах сверкала надпись «Рамазану Тутаеву — от И. Сталина».

Перевод Левана БЕДЖИЗАТИ

Каштановый лес

Каштановый лес... Мы замедлили шаг.
Тот лес никогда позабыть не смогу я:
Когда б не желанный его полумрак,
Наверное, не было бы поцелуя!

Был нежен и тонок твой девичий стан,
А робкий твой взгляд и сегодня мне снится:
Так чуть приоткрывшийся спелый каштан
Лукаво глядит сквозь колючки-ресницы.

Мы были вдали от придирчивых глаз,
Но я огляделся и вздрогнул нежданно:
И справа, и слева с деревьев на нас,
Прищурясь, глядели, глядели каштаны!

Я не забуду...

Я не забуду этот сладкий страх
И глубину девического взгляда,
И нежный палец на моих губах:
«Молчи, поэт, не надо слов! Не надо!»

Но как любовь мы в сердце утаим?
Она молчанье вынесет едва ли!
И губы, встретившись, зарифмовали
Мое дыхание — с твоим.

Охотнику

Охотник, не спеши! Не вскидывай ружья,
Чтоб следом за тобой не выстрелил и я!

Все тропки мне в лесу, 'все тайны покажи,
Но от жестокого соблазна удержи.

Не вскидывай ружья — а лучше просто глянь,
Как пьет у родника доверчивая лань.

Не вскидывай ружья! Смотри: бедняжку вдруг,
Как будто шаг шагнув, прикрыл могучий бук.

Не вскидывай ружья! То, что увидел глаз,
Добычей лучшей пусть останется для нас.

И встретим мы рассвет над родником Важа.
И будет жизнь чиста, прекрасна и свежа...

Перевод Ильи ФОНЯКОВА

Змеиная рубашка

РОМАН

КАШАНСКИЙ КОВЕР

... un baiser ma turait
si la bauté n'était la mort...

Малларме, «Иродиада»

Лавки. Прилавки. Ларьки.
Словно шатры или ковчеги.
Проходы узкие и извилистые.
Лавки без конца.

Огромнейший муравейник. Карнавал тысяченожек.
Небосвод лишь проглядывает изредка: будто лавки
заслонены большим зонтиком. Солнца боятся.

Казвинский базар скорее лабиринт. Войти легко.
А выйти? Но кому нужно выйти?! И зачем!

Глазу любо опьянение.

То же, что в Хамадане -- (или еще изобильнее?).

Изюм. Оливки. Миндаль. Фундук. Орех.

Фисташки сырые и фисташки жареные.

Хурма. Абрикосы знаменитого сорта — «ахджанабад». Шербет.

Курага — «tostachms»: «солнечное яйцо».

Крупный ширазский гранат:

откусывают, сосут — и пурпур разливается по губам.

Ткани бесчисленные: шелка, шелка — и парча разная.

Вакханалия красок и оттенков.

Продолжение. Начало см. в № 1, 1991 г.

Чаша. Кувшины керамические. Кувшины медные.
Расписные. Чеканные.
Позумент. Шнуры крученого шелка. Тесьма. Галуны.
Канитель серебряная и золотая.
Ковры. Паласы. Циновки. Полсти, кошмы.
Хоросанские клинки. Сабли Шах-Аббаса.
Мечи. Щиты. Кольчуги. Стрелы. Луки.
Седла. Ремни. Уздечки. Подпруги.
Тысячи и десятки тысяч разных разностей.
Персидское резюме изделий.
Там и сям — лаваша:
точно свежесоленые шкуры.

... ..
Арчибальд Мекеш рассматривает лавки.

От столбика к столбику протянута веревочка. Большой сундук. Подле сундука меняла сидит. Потянет веревочку сюда — потянет обратно. В сундуке деньги всевозможные, различнейшие. Серебро и золото. Сундук укрыт занавесками. Старинные серебряные монеты — пластины. Их не разменивали — их отдавали целиком. Мелкие монеты — «шах» — с просверленной дырочкой — нанизаны на шнурок. Глаза менялы устремлены на них, как на волшебные четки.

Рядом навьюченный осел.

Серебром и золотом навьючен?..

Разве не могут украсть? Вору отсекут руку.

Мекеш останавливается возле одной из лавок.

Сидят антиквары. Тотчас узнаешь иудейские профили. Если посмотреть сзади — бросаются в глаза уши: желтовато-вялые, как гриб-опенок. Это — персидские евреи.

Где не встретишь евреев!

Вездесущность Бога способны постигнуть лишь евреи.

Они сидят перед ящиками. В ящиках — драгоценные камни во множестве.

Один из торговцев полирует жемчужины — словно Барух д'Эспиноза, шлифовщик алмаза.

Он тоже философски смотрит на драгоценность.

Сначала Мекешу (как каждому вновь пришедшему) — протягивают саблю: обязательно.

Сабля Шах-Аббаса: обязательно.

Шах-Аббас сам был саблей разящей. Достоинство сабли в Персии измеряется именем Шах-Аббаса. Это лучше всех чувствует, вероятно, грузин.

Сталь хоросанская:

это тоже «обязательно».

Мекеш проверяет клинок.

А «Барух Спиноза» — тот, что полирует жемчужины — маленькими глазками рассматривает незнакомца: может он заплатить много или нет.

«Может», — улыбаются наметанные глаза.

Барух открывает ящик. Теперь радуются губы.

«Мерварид»: плод света — жемчуг.

«Zemegoud»: изумруд. Безусловно египетский?!

«Ишэд ширак»: ночной факел — лал.

Арчибальд Мекеш не выдерживает ни улыбки маленьких глаз, ни радости тонких губ. Да и кто выдержит?!

Покупает изумруд.

Барух потирает руки.

Приговаривает: «египетский! египетский!»

Поодаль, в крохотной лавчонке, сидит маленький человечек и листает книгу. Книга — точно обращена к Аллаху. Лицо маленького человечка — иероглиф, поросший мхом. Сухие пальцы двигаются почтительно и осторожно.

В углу — Коран в пестром кожаном переплете.

Тут же — «Гюлистан» Саади. «Шах-Намэ» Фирдоуси. Газели Хафиза. Множество других книг других поэтов.

От пожелтелых, заплесневелых страниц — ароматы:

розы Ширази

соловья Ирана

Вис и Рамина

пронзительной песни

миндалевидных глаз

длинных ресниц.

Рядом миниатюры. На миниатюрах: целомудренная дева и влюбленный юноша. При нем — лук и стрелы. Фон — мелкие красные листочки на молодой траве цвета мха.

Арчибальду Мекешу слышится позвякивание бубенцов.

Он оглядывается — работают украшения для каравана.

Отливают бубенцы, выделывают поводи.

Как-то вдруг появляется и караваньеро — ведет верблюдов.

Головы химер глядят печальными человеческими глазами.

В глазах — растерянность.

Созерцающим пустыню претит лабиринт муравейника.

Караваньеро примеряет верблюдам бубенцы.

Сперва один. Потом другой. Проверяет тональность бубенцов на верблюжьей шее — (караван музыкой одолевает пустыню).

Караваньеро тщательно подбирает бубенцы.

Головы химер покачиваются, как колышущиеся колосья.

Лавки наполняются фантастическими тенями.

... ..

Суета. Шум. Вопли. Крики.

Кто-то продает то ли розовую воду, то ли розовое масло.

Чтобы получить один золотник розового масла необходимо несколько тысяч роз. Но ведь Шираз — огромный розовый сад.

Идут уличные плясуны. Останавливаются возле лавок, и начинается действие.

Поодаль — бой баранов: рыжего и черного.

Там же — скорпион и фаланга сражаются насмерть. Они внутри огненного кольца: чтобы ни один не смог убежать.

Фаланга скачет. Скорпион ползет за ней.

Фаланга останавливается перед чертой огня.

Скорпион бросается на нее и жалит. Фаланга издыхает.

Скорпион убегает. Но кругом — огненное кольцо.

Тогда скорпион взмахивает хвостом и вонзает ядовитое острие себе в голову.

Скорпион покончил с собой.

Страх взмывает над шумом.

Потом: опять суета и опять шум.

Шума не слышат только играющие в шахматы.

Они словно погрузились в нирвану — смотрят зачарованно на шахматную доску.

Там же и продают шахматы.

Фигурки из кости. Фигурки иных шахмат из простой кости, иных — из слоновой. И все — различных форм, различных цветов. Чаще всего — красного.

Рядом с игроками в шахматы торгуют перьями и бумагой. Переписчики переписывают прошения, сидя за низенькими столиками, — неподвижные, точно египетские сcribes (хороший почерк в Персии — богатство).

... ..

Шум. Гомон людской окутывает и объятых флегмой шахматистов, и сcribes с томными глазами.

Повсюду — «куллах» — (персидские шапки).

Там и сям — «амтаме»: чалма.

На ногах — «гиве»: белые облегающие сапоги тонкой кожи.

На теле — «аба»: плащ без рукавов. Цвета песка или вина, или — мха.

В толпе иногда промелькнет женщина.

На голове — «чадур» — длинное покрывало черное.

На лице — «рубенд» — белая вуаль прозрачная с дырочками для глаз.

Гомон нарастает. Толпа кружит.

В персидской массе время от времени попадают и чужеземцы: русские солдаты либо земгусары, либо — сестры милосердия.

Арчибальд Мекеш плутает в толпе.

Внезапно он останавливается. Видит: в углу некто разглядывает саблю. Тот человек тоже взглядывает на него. Арчибальд вздрагивает. Они меряют друг друга глазами: словно борцы, которые нравятся друг другу. Мекеш опускает голову. Шум толпы нарастает. Незнакомый юноша куда-то исчезает.

Что творится с Мекешем?

Персидский базар порой рождает видения.
Лучше возвратиться домой.

... ..

Дом глинобитный.

Серый куб, поржавленный солнцем.

Улица пыльная. Ограда высокая. И тоже глинобитная.

Калитка не узорчатая: заглядывать во двор неприлично.

Никаких украшений снаружи.

В доме множество комнат. Почти каждая — с застекленной галереей. В середине — большая зала. В зале — бассейн с фонтаном. Одна стена залы — стеклянная от пола до потолка. Стекла маленькие, разной формы, разноцветные: красные. Синие. Зеленые. Три камня господствуют в Персии: бирюза, лал, изумруд.

Залу продолжает широкая терраса. Терраса выходит в сад. Сад — как розарий. Из плодов больше всего — вишня. Сад окружают тополя: тонкостанные стражи, взметнувшиеся ввысь.

... ..

Арчибальд Мекеш входит во двор словно одурманенный.

Перед глазами его — образ незнакомого юноши.

Мекеш занимает две комнаты. Комнаты завешаны кошмами. Кошмы ночью поднимают и днем опускают: ночью комната наполняется прохладой, днем укрыта от зноя. Комната хранит прохладу, как пещера. Вы выходите наружу — вас палит зной. Входите в комнату — словно в прохладный ручей.

Арчибальд Мекеш входит в комнату возбужденный.

Убранство простое. На стене ковер, на полу — ковер. На тахте — ковер. Полсти и шали. В углу — письменный стол.

На тахте восседает Таба Табай и рассматривает саблю.

— О-о, Арчибальд!

— Солнце да сияет вам, Таба-хан.

— Если будет воля Всевышнего...

На столе портрет отца... Лицо спокойное: сдерживаемая страсть.

Таба Табай рассматривает саблю. Бормочет:

— Сталь хоросанская...

— Должна быть хоросанская...

— Где вы ее раздобыли?

— Мне завещал ее отец.

— Старинная...

— Ее выковали несколько столетий назад...

— Много жарких сердец охладила она, верно...

— Много.

— Сталь хоросанская...

— И причастилась Хоросану...

— Кто??

— Сабля.

— Причастилась Хоросану?!

— Такова ее «участь»...

Таба Табай испытующе смотрит на Мекеша.

Молчание: в этом случае — как неприкасаемая грань.

... ..

Кошма колышется: та, что снаружи занавешивает дверь. Просовывается сухощавая желтая рука. Вор, что ли?.. Нет: в Персии и ночь не соблазнит человека на воровство.

Завеса приподнимается на высоту одного алаби¹. Входящий, вероятно, опасается как бы в комнату не ворвался зной. Коши² он оставляет за порогом. На ногах остаются красные грубошерстные носки.

Вспугнутой тенью проходит по ковру. Через правую руку у него перекинут втрое сложенный ковер.

— Мир тебе, Хасан!

— Мир вам! Слава Аллаху!

Прикладывает к груди правую руку — точно дубовый лист плотный. Наклоняет голову. Хасан деликатен. Арчибальд встречает его приветливо:

¹ Старинная грузинская мера длины, употреблявшаяся до принятия метрической системы, немногим более метра.

² Коши — обувь без задников, распространенная на Ближнем Востоке, в Закавказье.

— Как поживаешь, Хасан?

— Хорошо... слава Неодолимому...

Пришедший воздевает руку. Прямые длинные пальцы — словно газыри. Холеные ногти: удлиненные, подточенные, хной крашенные. Злобность ястребиного носа смягчают спокойные глаза. Длинная борода выкрашена хной. Время от времени газыри пальцев прочесывают бороду.

— Принес обещанное?

— Вот!

И — точно на руке не ковер — младенец грудной, осторожно опускает его на пол и расстиляет.

— Настоящий «кашан»...

— Настоящий... — подтверждает Таба Табай.

Хасан расправляет на полу ковер. Величина его — семь алаби на пять. Арчибальд и Таба Табай опускаются на колени, рассматривают.

— Шелковый...

— О да, «хали ибришум»!..¹

Они встают. И снова смотрят на ковер.

Удивление: ковер необычного рисунка.

Хасан догадывается, чем они удивлены.

— Повесьте на стену... лучше видно будет.

Таба Табай быстро вешает ковер на стену.

И опять они созерцают его в удивлении.

Зеленая, цвета квакши древесной, трава. Там и сям — словно солнечные листья. Местами: крупные беловатые пятна. Посреди: стройная серна с профилем нежней луны и изящнейшим изгибом шеи. Рядом с ней: юная дева, застенчивая, тоже томная, как луна. Левая рука ласкает шею серны, глаза устремлены куда-то... не юношу ли ожидают солнцеликого?.. Отрываешь глаз от серны и девы, и по обе стороны — двое юношей с луком и стрелами. Оба жаждут пленить деву?..

Таба Табай наслаждается.

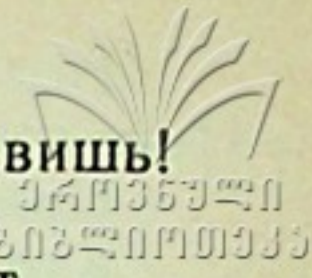
Арчибальд изумлен.

— Какая красота!..

— Шедевр!

Хасан стоит в стороне и улыбается. Так улыбается араб, когда напоказ выводит жеребца необъезженного.

¹ Хали ибришум -- ковер шелковый (перс.).

Таба Табай оборачивается к Хасану:

— Хасан! Рассчитаемся завтра. Ковер оставишь!

— Хорошо, господин.

Хасан склоняет голову. Прощается. Уходит.

Арчибальд не может отвести взор от ковра.

— Поразительно по сочетанию красок и оттенков.

— Такой ковер годами ткут...

— Как?!

— Ткет целая семья. На это уходит два-три года.

Кто-то один подбирает краски. Другой рисует узор. Третий создает композицию. Совещаются. Сочиняют. Творят.

— Словно нитками сказку рассказывают.

— А разве это не сказка? Взгляните еще раз!

И оба снова разглядывают ковер.

— Меня удивляет одно... Этот ковер не похож на другие.

Мекеш задумывается.

Таба Табай продолжает:

— Персидский ковер обыкновенно пестрый...

— А этот: рисунок контурный...

— Как редкостная персидская миниатюра.

— Да, здесь определенная картина...

— На других коврах все больше торжество красок и линий...

— Там не увидишь ничего конкретного...

— Да, как видение, навеянное гашишем...

— Как цвета иранских скал...

— Иранские горы — видение гашиша...

— Персидский ковер — опьянение этих гор...

И снова молчание, снова созерцание...

Арчибальд Мекеш восхищен.

— Этот ковер — видение: врезавшийся в галлюцинацию, или — вырезанный из галлюцинации...

— Понимаю: такой ковер, вероятно, ткут иногда сами горы...

— Потому и столь редкостен такой ковер...

— Безусловно...

Снова любуются, наслаждаются, пьют глазами красоту.

... ..

Потом приходит другой гость. За ним еще кто-то.
Потом еще. И так — в течение целого дня.

Приносят: кто саблю. Обязательно Шах-Аббаса.

Кто — медные чаши разнообразные.

Кто — персидскую парчу.

Кто — персидскую миниатюру.

Кто — перстень с геммой.

Кто — драгоценные камни:

изумруд. Лал. Гиацинт. Бирюзу.

Кто — слоновую кость.

Кто — старинные монеты.

Кто — медальон.

И так — без конца...

Арчибальд Мекеш разглядывает каждую вещь. Ис-
коса посматривает на Таба Табай. В его неподвижном
взоре читает — каково достоинство каждой вещи. По-
купает.

... ..

Солнце словно задерживает время. Остальное —
ничто.

Остро одиночество в пору захода солнца.

Аллан растянулся на полу, притворяется спящим.
Порой вздрагивает: сновидения, что ли.

Арчибальд Мекеш один.

В глазах его все еще — промельк тени незнако-
мого юноши.

Порой тень эта колыхнет одиночество.

Эту ли тень чувствует Аллан...

Арчибальд взглядывает на калитку.

Дог вскакивает и с лаем несется во двор.

Арчибальд выходит следом и останавливается на
террасе.

В воротах сияние — Ольга. Она ласково встречает
дога. Дог встает на задние лапы: словно хочет обнять
шею красавицы.

Арчибальд наслаждается:

в эти секунды Ольга и вправду Диана Жана Гу-
жона — стройная, тонкостанная. Она идет и несет в
себе сладострастный жар Иранского плоскогорья. И са-
ма она обожжена этим жаром. Шершавые листья солн-
ца словно прошлись по ее груди и рукам.

Как зрелая полуденная нива, когда пробегает по

ней ветерок — изгибается, колышась, — так медленно приближается к Арчибальду полное страсти тело женщины.

УДК 82(07)
ББК 84.001.01

Он вводит ее в комнату.

На тахте — кашанский ковер.

Ольга стягивает с головы белый плат и отбрасывает его в сторону.

Солнце и в волосах оставило свои горячие листья.

Ольга останавливается перед ковром.

Шепотом — про себя:

— Какой красивый!..

— Это тебе...

Его слова обжигают ей плечи.

Женщина — как подкошенная — падает на ковер.

Нога за ногу — так повисает на ветке налитая гроздь.

Юноша смотрит на женщину, обуреваемый желанием.

Видит: тело ее — словно осколок океана. Океана, который не знает, что такое часть или доля. Тело — словно жемчуг океана, хранящий его шум.

Это тело распростерто на тахте.

Юноша видит: глаза расширяются, зрачков не видеть. Вода «земрода» замутилась и затуманилась. Ноздри — как висок звериный, рассеченный надвое.

Юноша уже не видит — только вдыхает.

Ее грудь волнуется дыханием земли — когда растрескавшаяся от зноя, ждет она дождя. Или — уже напоенная влагой, ждет, когда взрыхлит ее плуг.

Юноша садится на тахту.

Женщина замерла.

Юноша — надтреснутым голосом:

— Помнишь слова Иродиады у Малларме?

— Перед зеркалом?

— Да!

— Помню... Кажется, так:

«Поцелуй убил бы меня,
если бы красота не была смертью».

Губы говорят или тело?!

Теперь молчит и тело. Юноша вдыхает.

Звериный слух улавливает дальний шум.

То не шум ли океана, хранимый жемчужиной?

Тело женщины наливается страстью.

— Тебя поцелуй не убьет...

Женщина не слушает более. В объятиях юности тело ее словно наполняется хлынувшим потоком женского естества всего ее пола.

Извиваются далекие инстинкты.

В глазах женщины —

тысяча глаз:

все — затуманенные.

Аллан тихо рычит —

ревность?

...На Иранском плоскогорье

солнце

запуталось в сетях...

КРОВЬ БОРЦА

Кровь есть жизнь и страх.

Грузинская поговорка

Арчибальд Мекеш приподымает завесу. Выходит на террасу. Таба Табай ушел. Арчибальд ждет Ольгу. Глядит в сад и думает: сердце этого сада открыто для Ольги. Мысль заканчивается улыбкой: словарь влюбленных — - наибеднейший.

Он смотрит на часы. Почему она не идет! Он нетерпелив?..

Но его движения не проявляют нетерпения.

И это тоже унаследовано им от отца.

Снова смотрит на часы. Ольга запаздывает. Вдруг — стук калитки. Сердце настораживается, но тут же сникает: солдат с запиской. От Ольги?!

Мекеш читает записку. Она не может прийти, ее не освободили. В словах скрытая тоска по свиданию, хотя ведь только вчера она была здесь. Но влюбленные не знают «вчера».

Арчибальд Мекеш выходит в сад. Прогуливается.

Что это за песня?.. Арчибальд — сплошной слух. А-аа, опять та песня, которую он услышал возле Абгерма. Чуждая... и знакомая: старинная грузинская песня.

Песня доносится из сада, который неподалеку.

Арчибальд надевает шапку. Идет, как сомнамбула.
Где же рефлекс?!

საქართველოს
საბავშვო ლიტერატურის
ცენტრი

... ..

В саду наскоро сооружены навесы. В их тени — накрытые столы. Кого только тут нет? «Союз городов», «Красный Крест», «Лига наций», «Земгусары» и сестры милосердия.

Праздник, что ли, какой.

Арчибальд усаживается за уединенный столик.

Осматривается.

Русские. Литовцы. Поляки. Греки. Осетины. Грузины. Армяне. Больше всех — русские. Больше них — грузины. Больше грузин — армяне.

Профили: от Ассаргадона — до Карапета.

За одним столиком сидят грузины.

Поют и пьют тосты.

— Слово Петридзе! — провозглашает тамада.

— Не Петридзе, а Петрици! — перекрывает тамаду чей-то иронический голос.

Вдруг кто-то третий, услышав «Петридзе» то ли «Петрици», вскакивает. Сухощавый человек бледнеет. Тонкий нос как бы заостряется, ноздри расширяются. Лицо — точно сычуг, которым заквашивают сыр. В стремящихся книзу уголках губ залегла печаль. На печаль, как на кончик шампура, нанизана странная улыбка. Волосы черные. Глаза налиты кровью и поблескивают — точно зрелый красный перец. Впалая грудь дышит, как осевшая крышка. Весь он дрожит, как в лихорадке. Сухощавый человек на первый взгляд будто жалок. Но он поднимается — и гордость пробегает по его, так похожему на сычуг, лицу.

И стоит он, как взведенный курок:

— Да, Петрици! Моя фамилия Петрици!

— Философ, верно?¹ — поддевает его второй. Слог «са» особенно насмешлив.

— Оставь ты его, Бога ради, — шепчет второму третий.

— Не то если уж он заведется...

¹ Иоанэ Петрици — известный грузинский философ (XI—XII вв.).

Кто-то, не выдерживая, смеется громко.

— Да, да, Петрици! Петрици! — повторяет сухо-щавый человек.

— Знаем, что ты Петрици... — теперь смеется еще кто-то.

— Не слишком ли много этого «трици»?! — бросает кто-то в сторону.

Смех перерастает в хохот.

— Это спросите у другого стола! — говорит кто-то, указывая на стол армян.

— Что-о-оо?!

Грубый вызов.

— Наш Петрици все твердит «трици»... Не вашего ли он племени, батоно Чишмаритов?

Вскакивает коротышка, высокомерно задирает голову, причем, впечатление такое, будто голова эта пришита. Он расправляет плечи и принимает вызывающую позу. Нос нависает, как белый гриб, на носу пенсне. Сквозь пенсне видны выпученные глаза цвета черного инжира.

— Вы бросьте эти разговорчики!..

— Вам, может, фамилия не нравится, батоно Чишмаритов? — не отстает грузинский стол.

Снова смех и хохот.

— С кем вы меня сравниваете, шалопаи?! — кричит рассвирепевший Петридзе.

— С кем тебя сравнивать, на что ты похож!.. — нападает на него Чишмаритов.

Шум. Переполох. Выпады с обеих сторон.

Персы-прислужники, точно ищейки, наблюдают за столами: если завяжется драка — как-нибудь спасти бутылки и тарелки.

Шум усиливается.

Петридзе выкрикивает какие-то имена.

Чишмаритов орет: пустите меня!

Арчибальд Мекеш оборачивается и смотрит в сторону. И видит — приближается высокий молодой человек. «Это он!» — который мелькнул на базаре. Незнакомец, в свою очередь, задерживает на нем внимательный взгляд.

Раздаются возгласы: «Вамех! Вамех! Вамех!»

Вновь пришедший с улыбкой подходит к столам.

— Что тут у вас происходит?

— Ничего... Петрици и Чишмаритов повздорили. Вамех оглядывает обоих. И обоих — ласково. Столики успокаиваются.

Затем незнакомец подходит к Чишмаритову. Приветствует его. Кладет ему руку на плечо. Взвинченный Чишмаритов стихает.

Вамех идет обратно к грузинскому столу.

— Что случилось, Серго? — спрашивает он Петридзе.

— Саргис, а не Серго!

Петридзе все еще горячится.

— Не Саргис, а Саркис!..

— Этого недоставало нашему «Трици»!..¹

Хохот. Гомон.

— Ах вы, мерзавцы, и имя мое коверкаете?! — кричит в запальчивости Петридзе.

Чишмаритов вскакивает снова, готовый к перепалке. Петридзе тоже готов к бою! Но пришедший подхватывает его, поднимает на руки и подкидывает, словно ребенка. Потом опускает на землю и расцеловывает.

Петридзе смягчается:

— Ну что ты за человек, Вамех!

И слезы выступают у него на глазах. Он умолкает, пристыженный.

Вамех подсаживается к столу.

И снова: тосты и песня.

... ..

Арчибальд Мекеш глаз не сводит с пришедшего: тому лет двадцать семь. Как он ходит! — пластичной движений напоминает Аллана. Роста примерно такого же, как и Арчибальд. Галифе — на восточный лад. На ногах — желтые ботфорты. Такие ноги Арчибальд впервые увидел возле Абгерма. Бедра узкие. Тонкую талию подчеркивает френч, подогнанный под грузинскую одежду. Грудь широкая с разлетом округлых плеч. Руки сильные и ловкие.

¹ Саргис — грузинская огласовка имени, Саркис — армянская; звуко сочетание «трици» само по себе ничего не значит, но воспринимается уничижительно.

Пауза перед тостом.

Внезапно Вамех взглядывает в сторону Арчибальда.

Взгляд Мекеша жесткий. Но почему же он опустил голову.

Не выдержал? Нет...

Может быть, что-то другое.

Высокий лоб иберийский. Орлиный нос. Глаза: медового цвета с серым отливом. Губы: как у ребенка. Речь спокойная и уверенная.

Арчибальд Мекеш сдерживает дыхание. Вдруг он шевельнулся: глаза встретились с теми глазами — и он увидел промельк того пламени... пламени, который порой таится в золе...

И внезапно — тень!..

С уст Мекеша готово сорваться слово... слово, произнести которое может лишь только «сын».

Но — руки впиваются в стол и, готовое сорваться с уст, слово задыхается произнесенным.

Или сам он задыхается?

Теперь настораживается пришедший. Брови встрепенулись и губы дрогнули. Взглядом соперника меряет он чужестранца.

... ..

— Песня! Песня!

— А ну, азарпеша!

— Тост за Вамехом!

Пируют. Кутят. Поют.

Лишь один человек не кутит и не пирует в этом саду.

Песня захватывает и другие столы.

За столом у армян — тари. Кто-то играет удивительно. Потом тари умолкает и кто-то другой берет дайру. Подкинув ее вверх, подносит к уху и, будто у него свинка, отчаянно вопит — поет баяти¹.

«Руставели больше уже нет у нас, кто за это ответит!

Встань, поднимись, Тамар-царица! Тебя оплакивает...»

¹ Баяти — жанр ближневосточной песни.

Внезапно вскакивает Петридзе:

— Кто спрашивает этого несчастного о Руставели или о царице Тамар?! О, история!

Поющий умолкает.

Опять вызов: словно взведенный курок.

Вамех успокаивает Саргиса.

Противоположный стол тоже утихомиривается.

За грузинским столом громко провозглашают тост:

— Выпьем за то, что армянин в Персии по-грузински поет персидский баяти!

— Хорошее сочетание, клянусь твоей жизнью! — замечает кто-то.

Снова смех и снова хохот.

Чишмаритова не могут удержать. Он стучает рукой по столу и орет осипшим голосом:

— Это уже наглость! Это уже невозможно терпеть!..

Шум и угрожающие движения.

За армянским столом сидит какой-то косматый тип: то ли осетин, то ли мусульманин. Высокий, здоровый. С первого же взгляда видишь: в нем страшная сила. Лицо — точно морда овчарки, что сторожит овечью отару.

За грузинским столом не могут сдержать смех.

Косматый великан медленно поднимается и, точно сейчас залает, оглядывает грузинский стол. Глаза злые.

Со всех столиков сейчас смотрят на него.

В одном углу сидят женщины.

(Столкновение двоих обычно бывает яростнее, если наблюдает третий. Не будь третьего, столкновение вообще может и не произойти).

Осетин или магометанин медленно поводит плечами и с вызывающей насмешкой смотрит на грузинский стол.

Грузинский стол распалается, как лошадь, только что выведенная из реки на солнцепек.

Возможно, пауза этим и кончится?

Нет: глаз третий — подзадоривающий.

И с грузинского стола несется:

— А этому чучелу чего надобно?

Снова смех. Снова хохот.

Верзила вдруг стучает по столу кулачищем. Кулак — как рука боксера в кожаной перчатке. Стол с

треском ломается и падает. Персы-прислужники стремглав бросаются спасать уцелевшие бутылки и тарелки.

Верзила орет, выкатив бешеные глаза:

— Ну, я вас р-разделаю!..

Арчибальд Мекеш смотрит только на Вамеха.

Вамех окаменевший. Мускулы напряжены.

Петридзе вот-вот вскочит. Вамех его уже не останавливает. Почему? Он не знает. Какой-то зуд ощущает он в теле.

В это время раздается голос Петридзе:

— У сидящих за тем столом есть история. А ну, спросите эту овчарку, что за ним есть?

— К черту твою историю, и тебя заодно!.. — несетя в ответ, верзила протягивает огромные руки: — Вот что у меня есть!

— Есть или нет — это еще вопрос!

— Голову вам размозжу вашей «историей»!..

— Что ж, попробуй!

— А вот и попробую! Или ваш Вамех тебя защитит?

Пауза. Теперь уж должно что-то произойти.

«Некто» взглядом меряет Вамеха.

Вамех бровью не шевельнет. Берет яблоко, подкидывает. Пистолетный выстрел — яблоко разлетается на две половины. Вамех опять неподвижен. Лицо веселое. Но опытный глаз заметит, что веселость чересчур уж веселая.

Арчибальду нравится стремительность и сдержанность юноши.

А верзила не унимается.

— Он только фокусничать и умеет!

Вамех атакует его пронзительным взглядом. Весь напрягается. (Издали доносится осколок музыки).

— Прошу вас замолчать... —

Вамех приподнялся, как гончая.

— Что? Замолчать?! —

падает ругательство, как обезглавленная собака.

Но верзила не успевает закончить:

Вамех срывается с места и в мгновение ока влетает верзиле мощную затрещину. Верзила рычит, как раненый медведь.

061135940
111010330

Схватка.

Атакует верзила. Образуется круг.

Вамех — как арабский жеребец необъезженный.

Замахнулся верзила — Вамех отскочил в сторону.

Кулак просвистел мимо.

Замах силен чрезвычайно — потеряв равновесие, сам верзила покачнулся и растерялся. Вамех пользуется мигом замешательства. Атакует верзилу. Наносит удар сокрушительной силы.

Верзила ошалеваает, глаза его мутнеют.

Арчибальд Мекеш смотрит на Вамеха:

взор Вамеха ясен и пронзителен, как у сокола.

Волнение Арчибальда спадает.

За грузинским столом ликование.

Верзила впадает в ярость. Брызжет слюной. Нападает вновь. Замахивается еще сильнее. Вамех отскакивает в сторону и удар обрушивается на столб. Столб трескается, крыша строения прогибается.

Верзила пьянеет от собственной силы.

Злоба распаляет его. Кровь приливает к глазам.

Вамех наготове, как занесенная лапа тигра.

Ничто не ускользает от его взора.

(Что это за переполох? Один нападает на другого — там же, рядом. Почему? Никто не понял причины...)

Верзила задыхается от ярости.

Но надежды не теряет:

все равно в конце-то концов он одолеет противника.

Он бросается вперед, как несомое взбешенной рекой бревно, и налетает на противника со страшным ожесточением. Удар и на этот раз приходится мимо.

Сила замаха перетягивает замахнувшегося. Верзила едва удерживается на ногах и рычит.

В это время — словно нарочно:

другая пара дерущихся врезается в круг верзилы и Вамеха. Случайно?

Верзила бросается в атаку. Вамех уворачивается от удара. Верзила снова атакует. Вамех бьет. Верзила снова пытается ударить и снова Вамех отскакивает в сторону.

Но внезапно вторая пара дерущихся бросается под

ноги Вамеху. Вамех оступается и падает на одно колено. Верзила пользуется моментом. Он вот-вот нанесет сокрушающий удар... но френч чужеземца летит в сторону, и Арчибальд Мекеш стремительным прыжком, как стальная пружина, бросается на верзилу.

Шум. Смятение.

Верзила теперь нападает на чужеземца — яростно, остервенело.

Но — великолепный удар боксера, и громадное бревно брякается наземь.

Переполох. Возгласы. Крики.

Вамех на ногах и готов продолжать бой.

Арчибальд Мекеш на его стороне.

Оба желают одного и того же: чтобы ни один не оказался втянут в общую драку.

Переполох усиливается.

Кое-кто даже выхватывает револьвер.

Запах смерти веет невдалеке.

Но тут с громовым лаем мчится Аллан. Он видит своего хозяина окруженным и с наскока разрывает круг разъяренных противников. Сейчас он швырнет двоих-троих на землю — но хозяин окликает его: «Аллан!». Дог останавливается как вкопанный. Хотя и рычит свирепо.

Присутствующие разевают рты.

Никому не пришло в голову выстрелить в дога.

Арчибальд и Вамех меряют друг друга испытующим взглядом. В глазах — странная радость.

Чужеземец представляется:

«Арчибальд Мекеш».

ХАЛИБСКАЯ СТАЛЬ

Халибская сталь умеет распалиться.

Георгий Саакадзе

На террасе прохлада.

Таба Табай сидит — неподвижный, как змея на песке.

В гамаке — Ольга.

34135320
3030000000

Саргис Петридзе рассматривает саблю.

Арчибальд рисует Таба Табай.

Персиянин, то ли индус, то ли египтянин, словно созерцает «Руах элохим». Нос. Губы. Борода. Во всем — черты личности. И сам — личность; однажды на свет явленная. Все бытие — близкое и осязаемое. И все же — уходящее в далекую даль. Бытие, где-то отлитое — или переплавившееся.

В полдень, когда солнце ярится — конь кувыркается в знойной неподвижности.

Но Таба Табай — не конь. Он — нечто иное. Человек и призрак. Личность и тень. Лицо и маска. От всего отстранившийся: быть может, для того, чтобы узреть творца всего сущего.

«Руах элохим»: шепчет иногда про себя художник. Неподвижную маску колыхнут внезапно глаза цвета серы. Такие глаза останавливают змею на горячем песке.

Художник присматривается.

Он должен нарисовать портрет индивидуальный.

Но портрет должен быть отстранен от всего близкого. Задача сложная и почти невозможная. А невозможность распаляет художника.

Работа становится интересной.

Художника охватывает азарт.

— Арчибальд, что было с тобой в саду? — слышит он голос Ольги, смягченный любовью. Хотя в ее улыбке и проскальзывает ирония.

— Я и сам не знаю...

— Как?!

— Ольга! Ты помнишь вечер в Лозанне?

— Помню!

— Что заставило сказать тебя это?

— Я и сама не знаю...

— Как так?..

— Будто во мне говорил кто-то другой...

— Теперь ты понимаешь, что со мной случилось?

— В какой-то степени...

— И во мне будто действовал кто-то другой.

«Во мне... кто-то другой»... слово найдено. Женщина скорее находит нужное слово. Художник бледнеет.

Саргис Петридзе все рассматривает саблю.

Надпись на сабле удивляет его.

- Господин Арчибальд! Откуда эта сабля?
- Я купил ее в Хамадане...
- А вы знаете, что на ней написано?
- Нет... не знаю...
- «Ирубакидзе»...
- Что-о?!
- Это фамилия древнегрузинского княжеского ро-

да.

Арчибальд Мекеш бессмысленно уставился на палитру с красками.

— А как она попала в Хамадан? — спрашивает, приподнявшись, Ольга.

Саргис Петридзе вдохновляется:

- Казвин однажды был взят грузинами...
- Но Хамадан?
- И через Хамадан проходило грузинское войско — на пути к Багдаду.

— Когда?

— Во времена монголов.

— Ирубакидзе... — повторяет про себя Таба Табай.

Ольга обращается опять к Саргису Петридзе.

— Этот род и сейчас существует?

— После монголов его уж нет.

Арчибальд Мекеш смотрит будто бы на Таба Табай. Но его взгляд устремлен в глубь веков.

Ольга не отстает от Петридзе:

— А что произошло с ним потом?

— Он разделился надвое: на Чолакашвили и Макашвили. Чолаки и Мака были братья.

— На какие фамилии он разделился? — язык едва повинуется Арчибальду Мекешу.

— На Чолакашвили и Макашвили.

— Вы часом не нездоровы ли, господин Арчибальд? — спрашивает его Таба Табай.

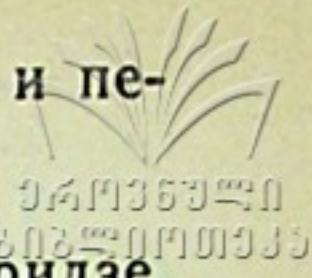
— Нет... перемена настроения в процессе рисования дело обычное.

Художник продолжает работу. Хотя и чувствует, что сердце его — где-то далеко отсюда.

Теперь саблю рассматривает Ольга.

— Красивая...

— Можно мне взглянуть? — это Таба Табай.

Саргис Петридзе берет саблю из рук Ольги и передает ее Таба Табай.

— Сталь хоросанская...

— Нет... сталь халибская, — возражает Петридзе.

— Халибская?.. А что это — халиб? — голос Мекеша, слегка взволнованный.

— Халибы — древнейшее грузинское племя. Это племя владело тайной выплавки стали. Халибам ведома была и особая ковка этой стали.

— Да... Я слышал... — шепчет как бы про себя персиянин — то ли индус — то ли египтянин.

— Какого века может быть она? — спрашивает Ольга.

— Двенадцатого.

— А по каким признакам?

— «Почерк» надписи. Такими буквами писали в двенадцатом веке. Великая Тамар тоже писала так. Поглядите на эти буквы: они переплетаются, как тонкие ножки саранчи.

Петридзе возвращает саблю Ольге.

Ольга разглядывает ее с бóльшим вниманием.

Арчибальд Мекеш садится.

Слышится тихий голос Таба Табай: «отдохните».

Аллан приближается к хозяину. Ласкается.

В ушах художника звучат лишь эти слова: «Ирубакидзе»... «Чолакашвили»... «Макашвили»... «халиб»... «Тамар Великая»... «двенадцатый век»... «нашествие монголов»...

Слова — как могучие противники...

Какой маленький и беспомощный перед этими словами крепковейший Арчибальд Мекеш!

Пауза. Ольга возвращает саблю Саргису Петридзе.

— Вы влюблены в историю Грузии.

— Она обжигает и красива... потому.

— А у других не «обжигает и красива»?

Саргис Петридзе — сплошной пафос.

На высохшем растении порой остается росток. Растение — уже не растение. И не почва. Но на безжизненном стебле затерялся росток жизни. Для истории?.. Росток живет прошлым — минувшим.

Саргис Петридзе — пафос этого ростка.

Ольга повторяет свой вопрос:

— У других история не «обжигающая и красива»?

— Нет.

Таба Табай оживляется. Разглядывает Петридзе — словно впервые видит.

Арчибальд Мекеш опустил голову. Боится посмотреть на Петридзе? Лицо маньяка, пылающее пафосом, и вправду страшно.

Ольга иронической улыбкой встречает его «нет».

Петридзе продолжает, хотя его никто не просит:

— Нет!.. Ну-ка укажите мне другую историю, такую же обжигающую и красивую?.. Из Малой Азии идет дева. Ее стан воспламенил бы многих юношей. Она презрела всех. Она несет учение Христа. Он, Христос, — ее незримый жених. Она идет, не ведая — куда. Идет, как по наитию, и приходит в Иберию. Иберийская земля утишает ее жар. Родник освежает тело. Деве полюбились виноградники. Она просвещает народ и дарует ему крест... Разве это не обжигающе, не прекрасно?

...Но — потерпите!..

...Может быть, такая обжигающая и такая прекрасная история произошла и в другом месте? Но существовала ли где-либо еще такая история?..

...Из обрезков лозы дева сотворяет крест. Крест у других народов — либо каменный, либо железный, либо деревянный. Всегда сухой и бесплодный. Здесь же крест — из лозы. А ведь лоза есть лик: земли — почвы — жизни. У других народов крест — символ муки и наказания. У нас крест — свет и радость.

...Но погодите! Это еще не все...

Дева перевязывает обрезки лозы прядью своих волос. Слово рану перевязала лозе — лозе, которая льет слезы. Крест, скрепленный прядью девичьих волос. Покажите мне образ более обжигающий и более прекрасный. Крест из ветвей лозы... А ведь волосы девы тоже символ: женственности — девичества — материнства.

...Нет! крест других бесплоден. Наш крест — плодоносный и полный жизни.

...Тот крест и ныне покоится в тбилисском Сиони¹.

¹ Патриарший собор.

Лицо маньяка светится.

... ..

Сухой сычуг превращается в светоносца.

Гаснет улыбка Ольги.

Глаза Таба Табай недвижны. Кажется, он хочет взором просверлить маньяка.

Арчибальд Мекеш ниже опускает голову. На руки наваливается страшная тяжесть. Он взволнован.

Пауза — невыносимая.

Петридзе окаменел. Взор устремлен вверх.

Таба Табай обращается к нему — вкрадчиво, мягко:

— Если бы вы рассказали мне еще об этом... более пространно...

— Когда вам угодно!..

Пауза.

Арчибальд поглаживает Аллана.

Вдруг Аллан забеспокоился. Навостряет уши.

Выглядывают — по двору идет Вамех.

Аллан поднимается. Он готов залаять, но юноша ласкает его, и дог тотчас начинает ластиться к нему.

Мекеш встает. Идет навстречу. Вамех каждому пожимает руку, Ольге — целует.

Мекеш попеременно смотрит то на дога, то на Вамеха. Будто сравнивает обоих. Удивительное сходство в движениях, в поступи. Биология, рафинированная тысячелетиями. Но удивительнее другое: дог не рычит на вошедшего, встречает его, как хозяина. Или чует в юноше непосредственность зверя?.. Ему, вероятно, все дается легко — Вамеху.

Он обращается к Саргису:

— Саргис или Саркис... Петрици или Петридзе... верно? Позавчерашняя история — твоя вина.

— В этом я никому не уступлю!

В голосе маньяка — детская серьезность.

— Ты просто помешался на исторических именах и фамилиях.

— История — это имя и фамилия. Я должен быть правым в истории. Вне этого нет спасения.

Детская серьезность переходит в пламенный пафос.

Таба Табай теперь удивленно смотрит на Петри-
дзе.

— О-о, Саргис! Ты уже оправдан и в истории и
всюду...

И двадцатисемилетний мужчина кладет руку на
плечо сорокалетнему.

Арчибальд Мекеш наблюдает. Ирония? Нет. Дер-
зость? Нет! Фамильярность? Нет. Может быть, маньяк
чувствует это? Нет, напротив: маньяк смягчается и
глаза, сверкающие раскаленными угольями, влажнеют.

Вамех смеется.

— Я уверен — он рассказывал вам о Грузии.

Улыбка — Мекеша, Ольги, Таба Табай.

— Держу пари: рассказывал и о кресте из лозы.

Улыбка исчезает.

Мекеш смотрит на него. Насмешка? Нет. Охлажде-
ние пафоса хладнокровием? Нет. Может быть, маньяк
это чувствует? Нет.

И тогда Саргис произносит тихим голосом:

— Ты все должен высмеять...

— Нет... нет, мой Саргис!..

И двадцатисемилетний мужчина похлопывает по
спине сорокалетнего маньяка.

Последний еще более размягчается.

Мекеш изумлен.

Вамех обращается теперь к Ольге — радушно, при-
ветливо:

— Как поживаете?

— А вы? Когда ждете вызова?

— От кого?

— Да от этого...

— От овчарки?

— Да, да!

Вамех смеется.

— Ха-ха-ха! Мы уже помирились!

— Как?!

Удивлены все, кроме Петридзе.

— Мы и покутили вместе. Бедняга: он, правда, ов-
чарка, но — не кусается. Славный парень. У него доб-
рое сердце...

Вамех треплет по голове Аллана:

— Если бы не он, один из нас был бы мертв.

Мекеш опять сравнивает дога и юношу. Звериная непосредственность в обоих. Нет, такие вправду могут так помириться.

Таба Табай размышляет вслух:

— Вы хорошо поступили.

Саргис опять рассматривает саблю.

Вамех замечает саблю и вмиг загорается:

Подходит к Саргису. Берет у него из рук саблю. Упирает острие сабли в пол, сгибает ее. И — резко отпускает. Сталь звенит. «Отличный звон», — говорит он.

Затем вытягивает руку, держа саблю горизонтально. Прищурив один глаз, смотрит вдоль лезвия сабли.

— Как стрела, — говорит он.

Затем, держа эфес правой рукой, левой берется за кончик острия и сгибает ее пополам. Резко отпускает правую руку — и сталь выпрямляется, как натянутая струна.

Потом зажимает в зубах кончик острия. Раскачивает саблю туда и сюда. В его глазах — блеск стали.

Потом отходит в сторону, тренированной рукой со страшной силой взмахивает саблей. Слышен звук рассекаемого воздуха и звон стали.

— Вот это да! — произносит он восторженно.

Так араб осматривает скакуна иноземной породы.

Мекеш думает: «Доброму коню — такой вот всадник».

Вамех все любит саблей.

Ольга нарушает его сосредоточенность:

— Нравится?

— Великолепная!

— Дарю вам! — раздается голос Арчибальда.

Вамех вдруг смутился, оробел. Двадцатисемилетний мужчина превратился в семилетнего ребенка. Сник. Опустил голову.

— Примите этот дар на память!

— Благодарю!.. — выговаривает с трудом, захлестнутый тайной радостью. Вертит саблю в руках.

— Она очень подходит вам.

Это Ольга старается разрядить напряженность.

— Вашего врага рассеку надвое!

Уверенность возвращается к Вамеху. Теперь он, по-

игрывает саблей с присущей ему непринужденностью.

Пауза.

Петридзе встает, собирается уходить.

— Господин Мекеш! Урок по грузинскому языку завтра должен быть готов. Я суровый учитель.

— «Суровый»?!

Вамех раздражается смехом.

— Добрый... — корректирует Мекеш.

Вамех продолжает:

— Эгей, Саргис! Не Ирахшанда ли тебя ждет?

Таба Табай при звуке этого имени оживляется.

Саргис слегка обижен:

— Вечно ты со своими шутками...

— Прости меня, Саргис... это у меня так получилось... ну ты же знаешь.

— Знаю... У тебя все получается «так»...

Вамех обнимает маньяка, поднимает и подкидывает, как ребенка. Потом ставит на землю и целует.

Саргис тает. И уходит с опущенной головой. Его радость всегда со слезами.

— Хороший человек бедняга Саргис...

Слова Вамеха словно бы провожают Саргиса.

Таба Табай встает. Проходит в комнату.

Вамех — за ним.

Таба Табай созерцает ковер.

Вамех замечает на столе портрет. Берет его в руки. Вглядывается.

Бледнеет.

И с поразительной поспешностью — входящему в двери Мекешу:

— Господин Арчибальд! Чей это портрет?

— Это один грузинский князь...

— Его фамилия?!

— Я не знаю...

— Откуда он у вас?

— Мне завещал отец... вероятно, это был его друг...

Вамех смотрит ему прямо в глаза — словно противнику.

Воля и взгляд Мекеша тверды. Но он чувствует: взгляда Вамеха ему не выдержать. Взгляд Вамеха сильнее? Нет. Мекеш знает единственный взгляд наисиль-

нейший: это взгляд Таба Табай. Холодны и пронзительны его глаза.

А в этих глазах — тепло и спокойствие. глядишь в исток ручья.

И Мекеш обманывает эти глаза.

Как же не замутиться истоку ручья?!

— Друг? Отца?! — с каким-то сомнением переспрашивает Вамех и снова смотрит на него в упор. В его взоре — в глубине — искорка недоверия.

Мекеш улавливает это. Теряется, опускает голову.

С террасы доносится голос Ольги. Арчибальд выходит.

Таба Табай все созерцает ковер.

Вамех не сводит взор с портрета.

Арчибальд возвращается.

— Вас спрашивает солдат, — говорит он Вамеху.

Все трое выходят.

У перил террасы навытяжку стоит солдат.

Вамех обращается к нему:

— Готово?

— Готово!

— Сколько?

— Четыре.

— Все арабские?

— Так точно, арабские!

— Зачем вам столько лошадей? — спрашивает

Ольга.

— Мы должны прогуляться.

— Кто «мы»?

— Мы все.

Арчибальд удивлен. Он чувствует, что этому человеку никто не сможет отказать.

Все соглашаются. И уходят.

— Одну секунду!..

Вамех возвращается в комнату и опять берет в руки портрет.

ИРУБАКИДЗЕ

Арчибальд Мекеш лежит. В головах сидит Ольга. Она проводит рукой по его лбу. Кольцо на безымянном

пальце. В кольце — огромный, с бычий глаз, изумруд. На изумруде — профиль римлянки.

Ольга чувствует необычное состояние юноши. Она обнажает грудь — две упругие розы Шираза. В древности ваятель с таких грудей отливал жертвенные чаши. Юноша горячими устами приникает к чашам: утолить жажду? Но странное настроение подавляет его, и он снова опускает голову на подушку, слегка раздраженный.

Женщина угадывает его дурное расположение. Целует в лоб и уходит. Лучше пусть побудет в одиночестве, — думает она. Но, может быть, в женщине «женское» (только лишь «женское»!) ощутило неясную боль. Ольга сама не может разобраться.

Мысли юноши сплавляются в единый металл. Этот металл — «отец». Не время, и не пространство. Не какой-либо предмет. И не Ольга. Не Вамех. И не Таба Табай. Никто и ничто не занимает его. Все существо заполнилось цельным металлом. Этот металл есть «отец».

Юноша встает. Проходит в угол комнаты. Открывает чемодан. Извлекает ларец — матово-красный. На ларец наклеен кусок плотного пергамента. На пергаменте по-английски написано:

«Открой ларец тогда, когда,
как металлом, будешь исполнен единой мыслью».

Юноша изучает ларец. Сколько раз брал он его в руки?! В Лондоне. В Париже. В Лозанне. На средиземноморском берегу, на вилле Уорвоора. В Хамадане. Нигде не осмелился открыть. Неужели «это» выпадет на долю Казвина?

Невольно он оборачивается к столу. Оттуда на него глядят светло-карие глаза отца. И глаза эти велят: открой. Решительным движением он раскрывает ларец. Внутри — толстый пакет. На нем по-грузински написано: «Ирубакидзе».

Юноша читает фамилию, и вспоминается ему халибская сталь. Он разворачивает пакет. Множество пергаментных рукописей. Почерки разные. Преобладает один: твердый и четкий.

Он читает. Мало что понимает. И стоит, как в забытьи. Он растерян.

Входит Саргис Петридзе.

Арчибальд Мекеш не дает ему даже поздоровать-
ся:

— Господин Саргис! Я хочу поверить вам тайну.
Уверен — вы ее сохраните.

— Клянусь крестом Святой Нино, Богоматерью Хахульской, памятью Тамар, переломленной саблей Саакадзе!

— Клятва не нужна! Видите пергамент? Скажите мне, что в нем.

— Позвольте-ка!

Глаза маньяка загораются. При виде желтого пергамента он и сам словно желтеет. Он зрит древнегрузинский шрифт, и «пафос уцелевшего ростка» вспыхивает вновь. Читает сперва молча, про себя. Затем вслух — Мекешу. Лицо-сычуг загорается пророческим огнем.

«575 год от Рождества Христова. Месяц июль. Представился князь Ирубак Ирубакидзе. Род его вышел из Халдеи. Слово «Ирубак» — халдейского корня. Должно обозначать «древесный сук». Именно — дерева дзелквы. Сам князь никому о том не рассказывал. Лишь немногие знали: сук этот — огонь дерева. Порой взъярится кряжистый сук — и загорится. Дерево сгорает и испепеляется. Огонь, вспыхнувший в нем, не перекидывается на другие деревья. Князь сложения был могучего. Глаза его были прекрасны. Нос — орлиный. Лоб — открытый и высокий. Губы — тонкие и прямые: девические и вместе с тем — жесткие. Глаза — черноты змеи, в воде таящейся. Глядел — в сторону. На человека взирал сбоку, искоса: мимо него — подозрительным взглядом. Был просвещенный. Знал тайные учения. В частности — Моисея и Пифагора. Любил более Моисея. Был горяч духом и нежен сердцем: как и Моисей. Знал языки: еврейский и греческий. Любил более еврейский. Говаривал часто: к Господу только на еврейском и можно обращаться. Улыбки его не видали годами. Но если улыбался — озарял все вокруг, дитяте уподоблялся. Слез на его глазах никто не видел. Но рассказывали: случалось, ребятишки в щелочку заглядывали в его комнату. И видели: плачет князь. Такое бывало в пору великой радости. Слагал князь стихи.

Воспевал Моисея. Говаривал не однажды: нет зрелища, светлее Синая. Нет страсти более пылкой, чем та, что разбила скрижали заповедей. Нет страдания народа сильнее, чем сорок лет скитаний в пустыне. Нет проклятия, страшнее проклятия Израиля. Нет предвидения, прозорливее завета Мессии. Часто вспоминал он ярость Моисея и проклятие: «Израиль изменил своему Богу — и да развеется он четырьмя ветрами небесными». И добавлял: «перед смертью смягчилось сердце Моисея, и сказал он: Взгляните на Израиль! Когда придет время, вечность явит вам пророка, мне подобного. В уста его вложит слово, и он возвестит вам все, что велит ему вечность». Под конец и смерть его вспоминал и говаривал: «нет печали острее, чем печаль от невозможности узреть землю обетованную. Нет человека более одинокого. Нет смерти страшнее: Моисей словно исчез». Стихи князь читал вслух. Некоторые и сейчас помнят наизусть отрывки: записей не сохранилось. Любил багряных кобылиц, приведенных из пустыни. Если охватывал его гнев, садился в седло и мчался прочь — боялся собственной горячности. Человек он был добрый. Ненавидел ложь. Посреди груди было у него родимое пятно: отметина солнца. Семейное клеймо, — говорил он. Любил цвета: желтый—синий—красный. Больше—желтый. Любил квакшу древесную, что после дождя, взобравшись на дерево, славит Господа своим криком-кваканьем. Любил созерцать, как рогатая змея снимает рубашку на горячем речном песке. Любил большой полдень. Но и боялся его. Умер в час, когда солнце останавливается — медлит над головой: уснул под огромным дубом».

...

Арчибальд переводит дыхание.

Саргис — словно умалишенный.

— Второе... —

звучит голос юноши.

Саргис читает:

«Во времена св. Григола Хандзтэли жил некто Ирубакидзе. По имени Радаме. Муж сложения могучего. Горячий. Сокрушающий все преграды. Жену имел красавицу. Однажды преследовали его враги. Радаме

и жена его на конях неслись во весь опор. Жена была тяжела. И вот уж неважноту ей более мчатся, «Убей меня!» — говорит она мужу. «Что ты!» — отвечает тот. «Лучше мне умереть, чем оказаться в руках врагов». — «Но что потом?!» — «Ты спасешься». Радаме колеблется. Слышен дальний топот копыт. Муж выхватывает кинжал, поражает ее и, раненную, бросает в реку. Мчится дальше. Враги продолжают преследование. Но он спасся. Проходит время. Радаме докладывают: рана жены была несмертельной, рыбаки спасли ее. Возрадовался Радаме. Устроил пир на берегу Черного моря. Приезжает жена. Увидев ее, Радаме вскрикивает страшно (ведь предал ее однажды!). Чует сердцем — рок настиг его. Вскрикивает на белого жеребца. Проносясь мимо жены, на скаку кидает ей кольцо. Бросается вместе с жеребцом в волны и погибает. Жена ошеломлена сперва, потом, опомнившись, бросается вслед за ним»...

— Повремените немного...

Арчибальд не в силах сдержать волнение.

Саргис раскален.

— Теперь читайте другое...

Саргис читает.

«Во время чумы пришел в Иберию св. отец Иованэ — монах со Св. Афона. И узрел на родине: зависть—недоверие—распри. Уязвилась душа его. Говорят — и проклятие сорвалось с уст. И отправился он обратно на Афон. Там узнал: в Испании тоже есть грузины. Поехал он повидать их. Прознал про то некий князь Ирубакидзе. Отправился тоже в Испанию. Возжелал облобызать стопы св. Иованэ. Дорогой узнал, что отец Иованэ с середины пути возвратился обратно. Но Ирубакидзе охватила неодолимая жажда увидеть Испанию. Отправился туда. И потом лишь поехал на Афон. В Грузию не вернулся...»

Арчибальд Мекеш задыхается.

Саргису Петридзе изменяет голос.

С трепетом берет он другую тетрадь.

Читает.

«У некоего князя Ирубакидзе была кобылица багряная, присланная в дар из пустыни. Князь горяч был и горд. Хотя душою нежен и кроток. На кобылице, кро-

ме него, никто не ездил. Случилось так, что сама великая Тамар попросила у него лошадь. Князь побледнел лицом. Никто не понял: от радости или от огорчения. Отослал ей кобылицу. На другой день привели ее назад. Передали князю благодарность Тамар. Князь побледнел. Никто не понял, с веселья то или от гнева. Отправил кобылицу с посланными обратно. Удивилась Тамар. Велела передать князю: как принять мне это — как подарок или как непочтительность. Князь ответил: как решит сердце царицы...»

С Арчибальда Мекеша спадает тяжесть.

По лицу Саргиса Петридзе крадется улыбка.

Он берет следующую тетрадь.

Читает.

«Год 1250. Месяц вина¹. Случилось удивительное: Грузию полонили монголы. Все покорились им. Не покорился только Карду Большой: потомок великого князя Ирубак Ирубакидзе. Карду был другом Саргиса Джакэли Цихисджварэли. В его княжестве покоился крест из лозы. Монголы подступили к княжеству. Карду оказал сопротивление. На сторону Карду перешел военачальник монголов. Говорят, понравилась ему Лалла — дева, посвященная Св. Нино. Монголы пуще разъярились. Осатанел Мангу-хан. Изувечил изменившего военачальника. Гиммир, сын Карду, пропал. Изменник выдал тайну Тасис-кари². Карду разгневался страшно. Снялось все княжество. Идут неведомо куда. Подошли к пропасти. Карду закричал отчаянно. Его слезы увидел маленький ребенок. Он убегает и находит святой крест из лозы. Приносит крест беглецам. Все дивятся. И вдруг — на глазах зазеленела, зацвела лоза, и вот, гроздь на кресте!.. Вострепетали беглецы в небесном восторге. И видится им въявь: Гиммир скачет к ним на багряном коне. Вскрикивают и в проп...»

— Не продолжайте!

Кричит Арчибальд Мекеш.

Саргис, весь дрожа:

— Только приписка...

¹ Месяц вина — октябрь древнегрузинского календаря.

² Тасис-кари — совр. Ташикари, местность между Хашури и Боржоми, имевшая стратегическое значение.

— Читайте.

Он читает.

«На груди Карду, посреди, — пятно: знак солнца. Ребенок Лаллы — от Карду. Гиммир не погиб. Ныне зовут его Лашари»¹...

Молчание. Пустота.

Арчибальд Мекеш, словно пораженный солнечным ударом.

Саргис Петридзе таращится полными слез глазами. Руки его дрожат.

Полчаса проходит в безмолвии. Потом Арчибальд поворачивается и без слов, жестом велит Саргису читать другой пергамент.

Саргис берет рукопись. Читает.

«В XIV веке жил некий князь Ирубакидзе. Муж горячий и добросердый. Обликом и нравом похожий на того, старого Ирубакидзе. Писал стихи. Сохранилось одно из них — «Наложница Ирубакидзе». Любил князь Моисея и Пифагора. На груди, посередке, и у него было родимое пятно: отметина солнца. Говаривал князь: род его — от семени солнца: горячий, как солнце, светлый, как солнце, яростный, как солнце, правдивый, как солнце. Когда почувствовал князь приближение смерти, вышел на балкон. С балкона открывалась бескрайняя долина. Иссиня-зеленое озеро цветущей кукурузы плескалось в той долине. Заходящее солнце проливало пурпурные лучи в темнеющие глубины озера. Ирубакидзе учуял смерть свою — и со стены вдруг упала сабля. Раскололась надвое халибская сталь. Ирубакидзе ощутил нечто странное — будто в нем переломился хребет рода. Перед смертью в бескрайний простор выкрикнул страшные слова — слова халдейские: «огнь оплодотворяющий». И в мгновения те в конюшне вздыбилась красная кобылица. Оборвала привязь и выбежала вон. Видит князь, что лошадь разгорячена и знает — погибнет она. За кобылицей помчалась наложница князя: черкешенка, медноволосая красавица. Заарканила ее. Вскочила на неоседланную кобылицу и по-

¹ Лашари, Лашарский крест — и поныне главная святыня в Пшави (Восточная Грузия).

скакала к реке. Поле льет на нее иссиня-зеленый свет, солнце — багрец. А распущенные волосы ее медные — точно след падающей звезды. Видит это Ирубакидзе и наслаждается последним своим зрелищем. Настанет время — в веках будут петь меня! — восклицает он. Медноволосая вместе с кобылицей разбиваются в пропасти. Ирубакидзе падает, сраженный...»

— Не продолжайте! — кричит Арчибальд Мекеш.

Саргис — весь дрожа:

— Всего лишь приписка.

— Читайте.

Саргис читает: «было у Ирубакидзе два сына: Мака и Чолака»...

— Повторите!

— Мака и Чолака.

— Мака и Чолака...

— Вы помните, я говорил уж вам: от них пошли Макашвили и Чолакашвили.

— Макашвили...

Что-то вскрикнуло в памяти Арчибальда.

Молчание. Пустота.

Арчибальд Мекеш — словно пораженный солнечным ударом.

Саргис Петридзе горячечными глазами ловит призраки.

Руки его дрожат.

Проходит в безмолвии полчаса — или более.

Арчибальд спрашивает:

— Неужели не сохранилось стихов?

— Они должны быть здесь.

Саргис ищет. Находит.

— Читайте.

Саргис читает.

**Влажная трава льнет к твоему телу,
Прозрачное платье высвечивает твои бедра,
И высокой упругой грудью
Ты скользишь по зеленым дворам,
Холеным ногтем ковырнешь початок —
И початок молочный**

К груди твоей ластится...
Целует тебя шершавый лист кукурузы,
Твое тело налито солнцем и страстью,
И, как пантера,
Ты ищешь любовника,
Который
тебя
укротит...
Вижу тебя и знаю: в мышцах твоих —
Семена моей страсти.
Я к тебе потянусь... отвернешься,
Разбитая жаждой звериной,
И убежишь...
За тобой устремлюсь...
Белые колени зовут —
Я твоя, я твоя, приходи же в объятия!
Догоню. Твои бедра пылают...
Я схвачу тебя на руки
И швырну на большую давилню —
Чтобы телом твоим раздавить
Тяжелые зрелые гроздья...
Но глаза — но глаза —
О, глаза! .
В них неверность волны и стремительность ящерицы!
Тысяча женщин, и все — прелюбодейки!
Если ты гуляющая девка бесстыжая,
Жаждешь юношей чуждых и чуждых —
Ты — не моя. Ты — ничья.
Хотя никогда не отказываешь.
Знай: твою волю сломлю,
Выпью залпом вино твое янтарное
И волос твоих рыжими волнами
Привяжу тебя крепко
К хвосту кобылицы...
Но глаза — но глаза —
О, глаза!
И вот ты — Мадонна — святая, пречистая!
Что мне делать с тобой, наложница ненасытная?!
Тихая и сладостная,
Стелешься предо мной.
Чтобы снова бы стали мы парой.
Улыбкой эламеянки, как вуалью, меня обовьешь...

Я смягчусь, и остынет мой гнев.
Как клинок, вознесу тебя к солнцу,
Клинок Ирубакидзе,
И еще раз тебя,
Замершую гроздь,
Поцелуями
Исполосую...

... ..
Арчибальд Мекеш переводит дух.
Саргис Петридзе тоже оживляется.

— А это что еще за тетрадь?

— Это новая тетрадь...

Арчибальд узнает почерк отца.

— Читайте...

Саргис читает.

Арчибальд — сплошной страх.

... ..

«Я, Тамаз Макашвили, беглец из Грузии. Пишу последнее слово. Я тоже Ирубакидзе. Наш род в этом столетии обосновался в Кахети — в Икалто. Тяжелый недуг порастил его — эпилепсия и помрачение рассудка. Отец мой переселился в Имерети, близ Саирме. Несчастье последовало за ним и туда. И умер он, достигнутый злым недугом. Моя мать скончалась в родах. Четыре брата и три сестры моих умерли. Из них: один брат пал в схватке с врагом, второй сорвался в пропасть вместе с лошадыю. Одну из сестер убил муж, другую свел в могилу наш недуг. Сам я потерял троих сыновей и двоих дочерей. И моя жена тоже погибла в родах — дав жизнь сыну. Вот я один, с четырехлетним сыном на руках. Вырождение подступило ко мне. Я продал отчее имение, оставив за собой лишь дом со двором и церковью. Отправился в Европу. Там я учился в юности. Был у меня друг тех времен — лорд К-рт. Сына я забрал с собой. Имя его — Арчил — я изменил на «Арчибальд». Фамилию мою — «Макаши», как меня называли, изменил на «Мекеш». Печаль и здесь терзала меня. Печаль неизъяснимая. Затосковал я по Грузии. Захотел вернуться. Но не решился. И в конце концов поручил сына другу — он позаботится о нем.

Я же отправляюсь в Басконию — Страну Басков. Если поправлюсь — увидаю сына. Гложет меня тоска по Грузии. Сердце вспоминает прекрасную Н...»

Оба неподвижны. Оба — в слезах.

— А это что же?!

Саргис берет небольшой сверток.

Развязывает его. Внутри — пласт земли.

Удивление.

— Покидающие Грузию увозили с собой частицу ее земли.

Саргис убегает, взволнованный.

Что утишит рыдания Арчибальда!..

ОГНЬ ОПЛОДОТВОРЯЮЩИЙ

Есть огонь оплодотворяющий.

Халдейский сказ

Сегодня он не может работать над портретом.

На западе — большие ворота города — каменные. Ребятишки гонят стадо. Стадо медленно ползет и несет с собой наполненность, умиротворенность.

Арчибальд Мекеш идет на прогулку.

Созерцает стадо. Он и сам наполнен, как это стадо.

Но умиротворенность?..

Огонь таится под золой. Это лишь снаружи — зола и пепел. Удивительно имя огня — «Ирубакидзе».

Память клеймят незнакомые слова и деяния:

Ярость Радаме. Переселение в Испанию. Гордость — любовь — к светлой Тамар. Экстаз Карду. На всем этом отметины умиротворения большого Ирубакидзе и крика Ирубакидзе последнего.

В характере: пылкость — и нежность. Горение и одержимость.

И всюду — «отец».

Чье имя огненными подковами обжигает мозг.

Такие горячие подковы были, верно, у коня Тэмур-ленга.

Он проходит мимо дворца Сипа-салари.

Сегодня в этом дворце больница «Союза городов».

Просторный двухэтажный дом каменный, окруженный садом. Вокруг, на квадратную версту: высокая ограда глинобитная. В ограде — аллея взметнувшихся в небо тополей.

Он проходит мимо калитки.

И из калитки выходит Вамех.

Аллан бежит к нему, как к любимому другу. И друг отвечает лаской.

Приветствия.

Арчибальд улыбается ему. Впервые бросается в глаза высокий открытый лоб. И — облачко пробегает по его лицу, будто увидел он нечто необычное. Облачко огорчения или...

Вамех чувствует, что его рассматривают. Смущается и опускает голову.

Они выходят за городские ворота. Молчание.

— Где в Грузии находится Саирме?

— На склонах гор Персати.

— Горы Персати...

(Не вспомнилось ли ему что-то?)

— Это между Имерети и Мегрелией.

(Не вспомнилось ли, как ребенком смотрел он с холма?..)

— А где вы слышали про Саирме?

— Я слышал в Европе... от одного грузина.

Вамех смотрит на него с легким недоверием.

Арчибальд напряжен.

— Саирме — моя родная сторона.

— Ваша родная сторона?

(Отчего удивление столь сурово?)

Взор Вамеха зорок: ничто не ускользнет от него.

— Да, то — мои края... Моя деревня на тех склонах.

Молчание. Арчибальд собирает волю в кулак.

— Красивый край?

— Красивейший!

Опять молчание. (Или — мысли: и тут и там?)

— Из моей деревни отличный вид на бескрайнюю Рионскую долину...

— Рионская...

(Не видел ли сам он Риони?)

Сомнения Вамеха усиливаются.

Они продолжают путь.

Арчибальд натягивает волю — как лук.

— Красивое имя «Нино».

(С чего бы это? Вроде бы ни с того ни с сего...!)

Вамех — настороженно:

— Почему вы вспомнили это имя?

— Я думал о кресте из лозы.

— Верно, Саргис вам рассказывал...

— Да...

Вамех смягчается.

— Есть еще какое-нибудь грузинское имя, кроме «Нино», которое бы начиналось на «эн»?

(Это еще что? Вамех смотрит на него подозрительно).

— По-моему, нет...

— Или, может, есть такое же, как Нино — из четырех букв?

(Что он привязался?) Вамех удивлен.

— Нет, нету.

Арчибальд сдерживает дрожь. Но молчание еще невыносимее.

— Какое красивое имя...

— Мою мать зовут Нино...

— Нино? Вашу мать?!

(Почему удивление столь остро?)

Вамех — недоверчиво:

— Да, так зовут мою мать.

Только теперь он взглянул в глаза Вамеху:

Вамех все такой же — непосредственность, перво-зданная земля.

Арчибальд устыдился. Опустил голову.

Вамех слегка напряжен: дитячье сердце ревниво.

Опять молчание и опять неловкость.

Вамех взглядывает вперед. В стороне фруктовый сад. Вамех обнажает саблю и убегает. И, словно перед ним атакующий враг, — обрушивает удары на толстые, с запястье толщиной, ветви. Каждый взмах — срубленная ветвь: одна, вторая, третья, четвертая, пятая...

Арчибальд смотрит на него. Теперь — с удовольствием.

Стан тонкий. Запястье литое. Плечи могучие. Глаза: не мечут ли ирубакидзевский огонь?..

«Это он», — думает Арчибальд.

Память обжигают последние слова отца:
«сердце вспоминает прекрасную «Н...»
Вамех будто обезумел: не унимается.
Арчибальд приближается к нему.

— Силу испытываете?

— Нет: халибскую сталь.

— В вас могучий огонь...

— Сталь крепка и остра... —

и он с удовольствием смотрит на обнаженный клинок.

Вкладывает в ножны. Успокаивается.

— Опять молчание.

— Вы слышали о Понте?

— Это Черное море?

— Да!

— Конечно!

— Вы напоминаете мне Понт.

— То есть как это?..

— Вот послушайте. Однажды, давным-давно, на левый берег Понта высадились моряки. В краю том жили амазонки. Они полонили пришельцев. Каждого привязали к яслям. Амазонки хотели продать их скифам. Но — вспыхнула любовь между пришельцем и амазонкой. Она умолила сестру — царицу амазонок — не продавать пленников. Чужеземцы остались у амазонок, научились их языку. Поведали им удивительные истории. Поведали и об острове, мимо которого проплывай. На том острове — большой храм, в храме хранится сокровище. Моряки умели строить корабли. А край амазонок славился корабельным лесом. Построили они корабли. Взяли на корабли коней и вышли в море. Подплыли к тому острову. Амазонки велели морякам срубить деревья, что росли вокруг храма. Принялись рубить деревья. Но топоры бумерангом отскакивали от могучих стволов. Тогда амазонки на конях ворвались в храм. Внезапно появился Ахиллес (то был его храм). Лошади обезумели от страха. Они сбросили всадниц, стали топтать их копытами. Гривы их вздыбились и уши взметнулись кверху. Затоптали они амазонок. Распотрошили их и стали пожирать. Пьяные от крови, кони понеслись на край острова. Увидели морскую гладь, но приняли ее за сушу и ринулись в море. Поднялся ура-

ган. Корабли столкнулись друг с другом и разбились...
Так повествует нам Филострат в своем «Негоicus»...
308 401 0133

Арчибальд с улыбкой глядит на Вамеха.

— Страшная страсть, правда?

— Страсть великая... но я...

— Мне вспомнилась эта страсть, когда вы рубили ветки. Такие рождались только в краю амазонок. Вы очень горячий...

— В Саирме и нынче много корабельного леса...

— Но на побережье Черного моря нет более амазонок...

— Ведь мы-то есть!.. — Словно вырвалось у юноши — он смутился.

— Вы есть, и халибская сталь — ваша...

Арчибальд улыбается. Тяжесть спадает с Вамеха. Он берет саблю. Размахивает ею. Звенит в воздухе сталь.

Опускает саблю. Взглядом скользит по острию: «Прямая, как натянутая струна».

Вкладывает в ножны.

Подымает глаза — кто это идет?!

Перед ним — грузинский солдат.

— Привезли Петридзе.

— И что же?

— Он болен...

— Что с ним?

— Не знаю... Только кричит все: «я — Саргис Цихисджварэли».

— Бедняга!..

Вамех убегает: он забыл и об амазонках, и о страсти?

«Саргис Джакэли Цихисджварэли» — ага-а, это было написано на пергаменте, — думает Арчибальд.

Неужели огонь перекинулся на него?

Издали он смотрит на идущего Вамеха:

Это «он»: непосредственный — огненный — пылающий.

Но маньяк: Саргис Цихисджварэли?!

И мозг снова прожигают те горячие подковы...

«Огонь оплодотворяющий» древних халдеев — вот где, наверное, середина. Горение отдаленное. Отстранение от всякого предмета — от всякой сути — от всякого

явления. И от собственного «я». Нырять и утопать — в ширину и в глубину поднебесья ли — преисподней ли... Библейское солнцестояние великое... Неподвижность листка... Оцепенение и окаменение: таяние и расплавление. Утрата «личного». Исчезновение всякого «одного» и видение «единого» — которое в каждом как «отец» творящий—производящий: вдувающий душу и движущий.

Ага-а, вот где разгадка египетского профиля и египетского стиля! Там — подлинный взор «огня оплодотворяющего». Потому тот профиль столь неподвижен и столь устремлен вдаль. Лицо — мумия. Окаменение всего, ибо взор — в вечность перешедший — останавливается. Пирамиды. Пещеры. Кладбища. Мумии. Менахпты. Рамзесы — Радамесы. Камни — камни — камни. Неподвижность во всем. Безжизненность?! Смерть?! Нет: видение горнего живого — и расширение зрачков. Видение смерти — и оцепенение взгляда. Окаменение глаза, в коем — огонь оплодотворяющий.

И при этом — какая мощь и какая крепость!..

Арчибальду вспоминается:

В одном из музеев Константинополя — два саркофага почти рядом. Один — эллинский, другой — египетский. Один из мрамора: светлый и с изящно высеченными фигурами. Но — мягок и тускл, как и сам белый мрамор. Другой каменный. Нет, не понять: каменный—железный — чугунный — бронзовый — или еще какой-то. Мнится: то ли камень чугунный, то ли железо каменное. Зеленоватый — цвета мха, — тронутый солнцем. Форма — голова гигантской змеи. Его не сокрушить и земной катастрофе — такой он монолитный и мощный.

А впечатление?

Рядом с эллинским саркофагом смерть — словно игра и жизнь.

С этим же — страх и тайна.

Арчибальд идет. Будто ведет его кто-то.

Теперь опять те предки.

Их тоже, наверное, снедал тот же огонь.

Им тоже, верно, были ведомы распаление и умиротворение.

Он приближается к дому.

Порой маячит перед ним тень Таба Табай:

ведь он тоже неподвижный и окаменевший. Ис-
тинный египтянин.

Но в египетском профиле — личный характер...
Для портрета...

...и на террасе встречается ему женщина...

Существует предание. Однажды вечером в Критоне, подле могилы Прозерпины, великий Пифагор посвящал учеников в тайное учение. Внезапно в ноги ему упала дева. Прекрасное тело, божественно стройное... Грудь вздымает желание. Голубоокая и строгая. Пифагор видит: достаточно легкого прикосновения — и дева изольется, изойдет страстью. «Превышний! Великий! Спаси меня от любви: которая испепеляет душу и снedaет тело!» И еще раз окидывает ее взором. Заглядывает ей в глаза и читает в них вечное соединение. То была дева Тэано. Она стала женой Пифагора. Шестидесят лет было тогда Пифагору.

...Арчибальду Мекешу едва половина его лет.

Перед ним Ольга. Как дева Тэано...

Такой напряженной молодой человек ее не видел.
Здесь огонь.

Но не «тот», пылающий в сердцевине.

А — обрушившийся на берег.

Здесь сам берег —
который вот-вот затопит река.

Средоточие всего бытия в одном бревне:
один глаз. Один взгляд. Одно сердце. Одно биение.
Берег и рот. Рот и лик. Конкретность: вот это —
то, что есть в этот миг и навеки исчезнет в следующий миг.

«Майя»: до последнего движения... Ее глаз и ее часы.

Волна: которую выпьешь ли? — (в горсти не удержишь).

Ага-а... думает Арчибальд...

Это другой огонь: личный...

И профиль Египта личный...

Итак — два огня: для портрета...

Ольга ложится в гамак.

Входит Таба Табай.

Видит Арчибальд: лицо египетское будто вдалеке.
Но мерцание глаз цвета серы?!
Здесь словно и одно и другое: «тот» и «этот».

— Я увидел...

Как бы про себя произносит Арчибальд.

Таба Табай — с удивлением:

— Что вы увидели?

— Тайну египетского портрета.

— «Огонь оплодотворяющий», верно?

— И еще иной огонь...

Таба Табай улыбается, рассыпая лунные щербинки.

Аллан потягивается, лежа перед гамаком.

Ольга замерла.

ИРАХШАНДА

— Земля!..

— Что за земля?!

— Саргис умирает!

— Умирает?!

— Просит землю...

— Какую землю?

— Землю...

Арчибальд бросается к чемодану. Откидывает крышку. Вынимает ларец. Раскрывает его, достает из него узелок. Развязывает. Извлекает горсточку земли. Завязывает узелок. Закрывает ларец.

Ольга в удивлении, что ли?..

У Арчибальда в горсти — земля.

Они идут. Бегут.

... ..

Тонкий нос еще более заострился.

Серые глаза схвачены огнем. Такие уголья могут тлеть в пустыне. Губы изогнуты скорбно. На скорбь наизана ирония. Впалая грудь еще больше запала. Дышит, как спущенная крышка.

На руках можно перечесть суставы и жилы.

Выпученные глаза ни на кого не глядят.

Такие глаза «некто» увидел на боярышнике в Месопотамии.

Губы говорят сами с собой:
«Рама»: первый творящий. — И мы — от первого.
«Амон-Ра». «Амон» — амо («поднимись» по-грузински). Аамо («чтобы ты доставил ему удовольствие»).
Аман («этот»).

«Ра» — что. Какое-нибудь. Какое-либо...

«Рама»: нечто.

О, грузинский язык! В тебе первое: «ис» — он, тот, она...

«Ра» — что». «Что» повсюду: Рама и Амон-Ра. Но это «что» в индуистском «Рама» и в египетском Амон-Ра...

Я есмь — «вар», ты еси — «хар», он есть — «арис».
Всюду — Ра.

«Арс» — есть. «Арси» — суть. «Арэ» — пространство. «Марэ» — окрест. «Гарэ» — внешний.

Кто сказал, что в грузинском нет «гайст» — «дух»!

Есть: «ари». Я сказал это — Петрици.

Нет: я, Саргис Джакэли Цихисджварэли.

Глаза-уголья полыхнули вбок:

— Где Вамех?

— Придет сию минуту...

— Он покинул меня...

— Нет! Сию минуту он будет здесь!..

Глаза внезапно ожигают Арчибальда.

— А-а, Арчибальд... нет, Арчил...

Арчибальд меняется в лице.

— Не бойтесь, я не выдам тайну... Лицо Арчибальда заливают бледность.

— Хотя «Арчил» лучше, чем Арчибальд...

Арчибальд ощущает глаза маньяка в своем сердце.

Его испугало, что тайна может быть раскрыта?

Больше его испугало другое. Он знает по опыту: умирающий в последние минуты становится ясновидящим.

Он натягивает волю, как натягивают лук. С благоговением подает Саргису горсть земли.

Иссохшее тело резко приподнимается:

— О, земля! Грузинская земля!

Земля, испепелившаяся на сердце Ирубакидзе!

Ирубакидзе Карду был другом Саргиса Джакэли Цихисджварэли!

Я Саргис! Саргис Джакэли Цихисджварэли!
Грузии изменили все князья. Не изменил один лишь
Цихисджварэли.

Я — Цихисджварэли Саргис.

... ..

Руки — кости. Кости берут горсть земли и кладут
на увялшую грудь.

Глаза отстраняются от живых — там находящихся.

Глаза глядят в пустыню.

В пустыне горят уголья.

Уголья истекают слезами.

— О, родник! Орешниковый родник!.. Мама! Си-
дониа! Мама!.. Ты несешь воду? Я хочу пить, мама! Дай
мне напиться воды!.. Да, из кувшина, из кувшина... Ос-
вежи мне грудь... я горю... не упади, мама! Я помогу
тебе! Я понесу кувшин!.. Отчего ты плачешь?! Мама!

Твои груди высохли? Твои волосы побелели?.. Ма-
ма!.. Наш бык Нисла пьет воду...

Слезы не щадят и другие глаза...

Дверь отворяется. Входит Вамех. С ним женщи-
на. На голове — белое покрывало. Не сестра ли ми-
лосердия? Новая сестра милосердия...

Внезапно она сбрасывает покрывало.

Так из-за туч вдруг засияет луна.

Но глаза! Сверкание ночного неба Ирана.

Она останавливается, побледневшая. Это — всего
лишь миг.

В следующий миг она стремительно срывается с ме-
ста.

Устремляется мимо Ольги — они почти одного ро-
ста — и бросается к постели. Склоняется над лежа-
щим. Левой рукой приподнимает одеяло, правой каса-
ется его ног. «Холодные!» И некая обреченность про-
низывает все ее тело.

Высохшая голова чуть приподнимается.

Губы кричат:

— Ирахшанда!

— Сайригхи! Сайригхи!

Рыдание. Голова Ирахшанды приникает ко впалой
груди.

Вамех стоит подле.

- Вамех!
- Саргис!
- Не оставляй меня!
- Разве я не с тобой?! Чего ты боишься?
- Дай мне саблю.

Вамех подает саблю. Кости-руки становятся стальными: вертят саблю, ощупывают. Глаза — теперь чуть поспокойнее — читают надпись: «Ирубакидзе». Губы произносят отчетливо:

— Ирубакидзе был другом Саргиса Джакэли. Я тоже из рода Джакэли: Саргис Цихисджварэли. Казвин был взят войсками царицы Тамар... Шаб-Аббас! Шах-Аббас! Где ты?! Выходи!.. Я вызываю тебя на поединок! Я рассеку тебя надвое саблей Ирубакидзе! Шах-Аббас! Шах-Аббас!..

На Ирахшанду, расprostертую ничком на постели, имя Шах-Аббаса действует, как луч солнца, взошедшего в зенит. Она расправляет плечи. Поднимает голову — как в экстазе.

— Сайригхи!

— Ирахшанда! Я пошутил с Шах-Аббасом... я не убью его...

— Сайригхи!

— Не убью... отчего ты плачешь?.. Помнишь стихотворение Насира ибн Хосру, которому ты научила меня?

«О ты, чье лицо — солнце страны сердца.

Тепло страсти к которой — полная луна сердца.

Чей облик — кувшин с вином, вином для глаз.

Жар страсти к которой — алоэ жертвенника сердца.

Чей локон отнял у разума свет.

Чья родинка посыпала пылью сердце.

Чьи уста сосут кровь печени.

Чьи глаза прилипают к чаше сердца.

Любовь — это море. Сердце — жемчуг в нем.

Душа — ныряющая в воде. Любовь — жемчуг сердца.

Вчера голубь сердца так говорил

Соловьям таинственной страны:

Мир — отражение лица друга

И все сущее в мире — его тень».

Руки-кости касаются волос женщины. Кости ме-
няют цвет: целуют волосы.

Глаза-уголья глядят в пустыню. Там уголья словно
борются с чем-то. Или... испускают дух...

На сердце — горсть земли.

Глаза опускаются. Они выходят, идут из пустыни.
Останавливаются на земле.

Руки отдаляются от волос. Касаются земли.

Губы кричат:

— Земля! Грузинская земля!..

...Мечом поражу твою грудь... И переломлю меч
внутри... Оставляю в ней обломок стали... Не заржа-
вевает он...

Ты помнишь меч Саакадзе?

Вот он, меч Саакадзе! Приближается...

Переломится в твоей груди... в твоём сердце...

... ..

— Саргис! Саргис!

Это голос Вамеха.

— Кого ты проклинаешь? Что с тобой?!

— Кого проклинаю? Не знаю...

— Саргис!

— Вамех! Не покидай меня!..

— Я с тобой... я буду с тобой...

— Ты понесешь меня?

— Поведу!

Рука Вамеха заслонила глаза...

Кости-руки подносят к губам землю. Бледные гу-
бы оживают. Целуют землю. Забирают щепоть земли.

Возглас проклинаящий:

— Горька ты, грузинская земля!

Правая рука отбрасывает землю.

В левой руке тоже щепоть земли:

— Нет! Сладостна ты, грузинская земля!

Губы снова целуют землю.

— Вамех!

— Саргис!

— Не покидай меня!

— Я с тобой...

— Ты меня понесешь?

Молодой человек не в силах сдержать слезы:

— Поне... поведу...

— Нет, понеси...

Руки-кости тянутся к волосам женщины.

— Ирахшанда... Ирахшанда...

— Сайригхи...

— Элоиелои ламах сабактани...

— Сайригхи!..

Саргис уже не отвечает.

... ..

Жужжание мухи и колыхание листка.

... ..

С ветки падает птица и умирает. Куда она делась?!
Все здесь: лапки. Головка. Крылья. Но где она сама?!
Молчание. Голос из безмолвия: где была она? Кто кос-
нулся ее рукой? Но уже не коснешься...

Желтое лицо-сычуг озаряется светом.

Лицо умиротворенное. Успокоенное.

Нет более печали на устах. И нет иронии.

Упокоился.

... ..

Муха жужжит. Листок колышется.

Иранское плоскогорье замерло: не Пан ли рожда-
ется...

... ..

Этой ночью украдкой уйдет из дому бедная Ирах-
шанда.

Знает она некий сад. Туда влачит свое тело. Телу
нужно движение.

Там она откроет глаза: слезы должны излиться. Там
поймает маленькую птичку: сердцу нужна ласка.

В саду кто-то запекает песню.

Ирахшанда прислушивается.

Это не песня. Это плач. Рыдание. Причет.

Неужели всякое сердце так плачет?

Кого зовет? К кому взывает?

Или кто-то уехал далеко-далеко? Вернется ли?

Может, не вернется — или не сумеет вернуться?

Глаза Ирахшанды затуманиваются.

Она возвращается к своему сердцу. Кто есть это сердце?

Может, этот плач и есть ее сердце? Истекающее кровью сердце?..

И здесь стоны. И здесь рыдание... Почему оно истекает кровью?

Потеряло что-то? Не вернуть потерянного? Не увидеть более? Никогда?! Душа Ирахшанды забила, затрепетала.

Маленькая птичка падает из ее рук.

Ирахшанда смотрит на птичку.

Отчего не умирает сердце? Отчего трепещет так, окровавленное?

Хочет услышать биение «того» сердца? Хоть когда-нибудь! Но ведь не услышит!

Пустота поеживается.

Ирахшанда теряет сознание. Падает без чувств.

Поющий в саду ловит сердце и заставляет его петь.

Или плакать?

Иранское плоскогорье скорбит.

Сумерки спускаются на Иранское плоскогорье.

... ..

От западных ворот города — улица. Налево, поблизости от ворот — квартира Мекеша. В полверсте от нее справа в эту улицу врезается вторая. Образуется треугольник.

В этом треугольнике — автомобильная часть «Красного Креста».

Здесь покоится в гробу Саргис.

Вамех держит свое слово.

Арчибальд удивлен. Следит взглядом за Вамехом. Вамех — подлинный властитель скорби¹. Для усопшего он отец — мать — сестра — брат. Снует туда и сюда. Тысяча мелочей. Страшных мелочей. Гроб. Разрешение. Автомобиль. Беготня. Деньги. Это все делает Вамех.

Гроб ставят на грузовик.

¹ Чирисупали — (дословно — властитель скорби, горя) — идиоматическое выражение, подразумевающее ближайших родственников, родных усопшего.

Собрался народ: все грузины, какие здесь есть. С
ними Мекеш и Таба Табай. И — Ольга.

Мелькают и персидские профили.

Персиянки с закрытыми лицами наблюдают издали.

Из них одна — самая высокая — стоит в стороне.
Она в черном покрывале. На голове — изжелта-зеленый
плат. И белая чадра, в ней два отверстия для глаз. Мер-
цанье затуманенных изумрудов: изумрудов, отсвечиваю-
ющих вороновым крылом.

Женщина стоит неподвижно. В стороне.

Автомобиль готов.

Рядом с шофером садится Вамех.

Лицо скорбное. Но не плачущее.

Он энергичен. Окидывает взором собравшихся.

Автомобиль двигается.

Вамех замечает стоящую в стороне. Узнает ее.

— Ирахшанда!

Она неподвижна, лишь рука вскидывается к глазам.

— Ирахшанда!

Раздается еще раз, как бы с радостью.

Женщина резко поворачивается и убегает.

(Сердце?!)

Караван

Порой в пустыне раздается голос.

[Сказанное бедуином]

УДИН

Сердце арабской лошади весит шесть кило.

Что сравнится с биением этого сердца!

Арчибальд Мекеш тоже так думает.

Послеполуденная пора навеивает странные думы:
особенно в миг внезапного пробуждения.

Мекеш дремлет: как рдяный жар, окутавший Иран-
ское плоскогорье.

Ольга вчера вечером выехала в Петербург. Кровь
раненного в бою брата телеграммой позвала ее.

Пустота в окрестностях Казвина. Пустота.

Одиночество Арчибальда Мекеша — как мельница,
ручей которой отведен.

Таба Табай все еще не вернулся из Тегерана.

Вамех в Грузии.

Ольга — сердце менады — улетела.

Нет: биение сердца Арчибальда Мекеша подобно
биению сердца арабской лошади.

Сердцу тесно в груди. Мужчине тесно в комнате.
Он выходит.

Идет — без цели. Взгляд — невидящий.

Он подошел к автомобильной части «Красного Креста».

Здесь покоился усопший — несчастный маньяк или
визионер Саргис.

Здесь в последний раз увидел он джейрана Персии
— Ирахшанду.

Сухой боярышник, как уж, извивается в мыслях:
ужасный прокаженный, удавившийся в ветвях, выкачен-
ными глазами уставившийся в сердцевину мира. Кто мо-
жет стороной обойти эти глаза? Чьи глаза могут сте-
реть след, оставленный этими глазами?

Боярышник извивается ужом.

Арчибальд Мекеш смотрит в сторону:

Опять тот же человек: что всегда один.

Ему лет пятьдесят. Рыжая бородка. Профиль —
семитского ублюдка.

Глаза потухшие. Взор — словно потерянный.

Так испепеляется трут, заброшенный в болото.

На вопрос ответит односложно. Сам никому не за-
даст вопроса. Во время общей беседы держится особня-
ком и, если слушает — лишь вполуха. Никогда не вы-
ходит из себя. Засыпает рано. Спит мало. На заре мур-
чит-мурлычет — словно бы поет — но про себя.

Всегда расслабленный: шаг его неспешен.

Порой разговаривает сам с собой.

Интересно, смеется ли он когда-нибудь?! Изредка
лишь замечали задушенную улыбку. Плакал ли он ког-
да-нибудь? Никто не знает. Или — есть ли у него друг?
Или возлюбленная? Или ребенок? Или отец, или мать?

Он непознаваем:

измятая меланхолия...

Арчибальд Мекеш спрашивает стоящего возле сол-
дата-грузина:

— Кто этот человек?

— Удин...

— Что за удин?

— Есть такой маленький народ...

— Какой такой народ?

— Не знаю...

— Где он обитает, этот народ?

— В Грузии... Есть и в Армении.

— Много их?

— Да деревни четыре всего и будет...

— Всего лишь четыре?

Солдат оборачивается к удину:

— Коба!

Коба смотрит в сторону потерянным взглядом.

— Коба!

— М-м-м...

— Сколько всего-то вас, удинов?

— Сколько?..

В глазах быстро гаснет загоревшийся на мгнове-
нье трут.

— Да, я тебя спрашиваю, сколько?

— А зачем тебе?

И он уходит, отходит подалее неспешным шагом.

Солдат смеется:

— Немой, что ли, этот неприкаянный?

Мысль Арчибальда что-то ужалило:

Неприкаянный. Без корней. Как я.

Утихшее сердце снова просыпается: почему спешит?
Далеко ушедшие — (или перерезанные?) — корни кри-
чат: «отец!» Отец пропал, затерянный где-то. Ну хоть
какой другой корешок, отросточек! Никого.

Сердце готово выскочить.

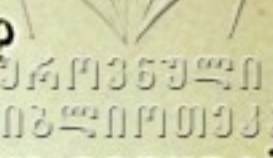
В сердце теперь трепещет Ольга.

Молодой человек не уместается в пространстве. По-
ворачивается.

Входит в маленькую комнату, — где живет заве-
дующий автомобильной частью.

— Вы, вероятно, знаете: когда уходит пароход на
Энзели?

— Послезавтра... в пять часов пополудни.

-

 ՀԱՐՈՅԵՅԱԿԱՆ
 ԶՈՅՏՈՐՈՒԹՅՈՒՆ
- Я успею, если выеду завтра утром?
 — Поспеете...
 — Не едет ли ваша машина сегодня или завтра?
 — Едет, завтра утром. Но только грузовая.
 — Грузовая поспеет?
 — Поспеет.
 — Нельзя ли мне одно место?
 — Я постараюсь...
 Грузин-заведующий вежлив. Вежлив...

БУЙНАК

- Утром от ворот Решта отходит автомобиль.
 Рядом с Арчибальдом Аллан. Путники ласкают дога. Дог рычит.
 Арчибальд взглядывает на него, дог успокаивается.
 Миновали маленькую станцию.
 Удивительно:
 в Персии, куда ни пойдешь, окрестность — точно
 огромнейшая чаша: горы вокруг. Одолеешь какой-нибудь
 перевал — и снова опускаешься в новую чашу.
 Маленькая станция у подножья наивысшей вершины
 Элбурса — Буйнака (в 25 верстах от Казвина).
 Буйнак — не обычный перевал.
 Здесь хребет — плато: просторная горная равнина.
 С перевала опускаешься в чашу, но — перевернутая
 чаша, чье дно — равнина.
 Арчибальд Мекеш помнит перевал Султанбулах.
 Буйнак более грандиозен.
 И воздух — первых дней творенья.
 Плато-перевал спускается к станции Юзбаш-чай.
 Проезжают одну станцию. Другую.
 Автомобиль начинает капризничать. Капризы переходят
 в истерику.
 Шофер останавливает машину: она повреждена.
 — Нужен ремонт.
 — Много времени понадобится?
 — Несколько часов...
 — Так значит, мы не попадем ночью в Менджил?..
 — Попадем, только...
 — Что?!

- Материала для ремонта нет...
- Что же нам делать?
- Ждать какую-нибудь проезжую машину...
- А будет сегодня что-нибудь?
- Не знаю...
- А может, вызовем из Казвина?
- Откуда нам вызвать Казвин?
- С ближайшей станции... по телефону...
- Приедут в лучшем случае ночью...
- Значит, завтра мы не успеем к пароходу?!
- Если не появится другая машина — нет.
- А появится?!
- Вряд ли...
- Сколько верст осталось до Менджила?
- Верст пятнадцать... или двадцать.
- «Нет» и «вряд ли».

Арчибальд Мекеш огорчен: не успеет. Не увидит Ольгу. Сердце снова охватывает смута. Аллан ластится к нему — единственный верный друг, неразлучный. Он гладит пса по голове. И успокаивается, остывает сам.

Вокруг — скалы, теснины.

На одном из склонов колышутся головы химер: словно под ветром — колосья. Верблюды.

Должно быть, караван. Если караван направляется к Менджилу — он уйдет с караваном. Ночью придут в Менджил. Может, там попадет автомобиль. Утром он отправится в Энзели.

Идею Арчибальда разделяют и другие путники — двое, трое.

КАРАВАН

Дзин. Дзин. Дзин. Дзин. Дзин.

Дон. Дон. Дон. Дон. Дон.

Гаун. Гаун. Гаун. Гаун. Гаун.

В скалах идет караван.

До сотни верблюдов. Большие. Маленькие. Двугорбые. Одногорбые.

Навьюченные — все. Кое-где и ослы, тоже навьюченные.

Караваньеро кажутся пигмеями.

У верблюдов и ослов на шеях — бубенцы: большие — средние — маленькие. Металлические — деревянные — всевозможные. Иные до того велики, что ощутимо прибавляют вес грузу.

Дзин. Дзин. Дон. Дон. Гаун. Гаун.

В скалах медленно извивается караван.

В знойной духоте местности звон бубенцов звучит, как симфония номад. Верблюды лениво, неторопливо переступают ногами в такт бубенцам. Идут, как единое тело. Караван, точно единая гигантская гусеница лилялого цвета.

Звон бубенцов облегчает тяжесть.

Здесь ритм: при чем тяжесть?

Одно неверное движение в сторону — и звон меняет окраску. Верблюд чувствует малейший сбой ритма и тотчас выправляет невольную ошибку.

Дзин. Дзин. Дон. Дон. Гаун. Гаун.

Меж скал движется — ползет гигантская гусеница: караван, караван идет.

Позвонки ее хребта пестры: иные красноватые. Иные желтоватые. Иные серые. Есть и беловатые. И — цвета золы. Но больше всего — цвета выгоревшей гвоздики.

Головы одна за другой — точно химеры. Тела химер как бы остаются позади. Химеры глядят человеческими глазами. В глазах — гордость и вместе — безмолвная печаль (порой и похоть). Движения тел — горделивые — насыщенные солнцем — многоопытные.

Ползет караван: гигантская гусеница, теперь уж змеей обернувшаяся, гигантской же, извивается между скал. Не зной ли пустыни породил это диковинное животное или птицу, — (существует такой ветер знойный), — этого бастарда, плод прелюбодеяния животного и птицы?..

Но отчего же этот бастард так привлекателен и так отзывчив? Будто человек, в наказание получивший уродливое туловище птице-животного.

В этом вся пустыня: ее лик — ее печаль — ее дрема. Здесь Иран. Его дыхание.

Дзин. Дзин. Дон. Дон. Гаун. Гаун.

По обе стороны — скалы: как изломанные бока преисторического мамонта. Иные отвесные. Иные покатые.

Остроконечные и с выпуклыми склонами. Аэролиты. Монолиты. Нагие призраки: пирамид — пещер — саркофагов. Безумство фантазии фараона или расплавленное и окаменевшее солнце?

И оттенки — и краски...

Арчибальд Мекеш помнит обзор с перевала Султанбулах. Помнит и слова свои, обращенные к Таба Табай: «Здесь нужен глаз Адама». Но для «глаза Адама» — лишь эти скалы распростерты. Зрелище удивительное — своими красками и оттенками: лист ириса. Лист ореха. Азалия. Папоротник. Гвоздика. Вишня. Хна. Бронза. Чугун. Аспид. Кремень. Мед. Мох. Гумно. Шиповник. Змея. Квакша древесная. Гранат. Благородные камни — каждый камень драгоценен, и каждый — неповторим. Каждое растение и каждое пресмыкающееся — со своими красками и оттенками. Сами они краски и оттенки: иные потоком устремляющиеся по склонам скал, иные листовенной парчой расстилающиеся книзу или кверху или в глубь ложбин — иные подобно полосам радуги расцвечивают косогоры. Искушенный глаз может различить и рисунок: животного — птицы — растения — металла, каких не знают ни биология, ни ботаника, ни геология. Посмотришь, и с первого взгляда: мох и гвоздика борются друг с другом. Побеждает гвоздика. Посмотришь еще раз: аспид и ящерица единоборствуют, соперничают. Побеждает ящерица. И остаются бесчисленные квакши: разбросанные, как перья павлина. Или: переливающиеся тела ящериц с пятнами кизила. И все вместе — словно солнечный пожар, угасающий, утихающий в драгоценных камнях.

Дзин. Дон. Гаун.

Арчибальд Мекеш думает: ни одному европейскому художнику и не снились такие краски, такие тона и оттенки. Так вот что создало персидский ковер и персидскую миниатюру!

Дзин. Дон. Гаун.

Караван будто приостановился. Но — снова идет.

Арчибальд Мекеш отрывает взор от скал.

Будто прислушивается.

Солнце и вправду останавливается — (по интуиции Библии).

Видение в окаменении большого полдня.

Такой покой взрывает Пан:
криком оглашая оцепенелую окрестность.
Пан и страх перед Паном. Здесь раздваивается действительность.

Раздваивается и воспринимающий ее.

Время останавливается. Есть только прошлое. Настоящее померкло.

Будущее порой сверкнет лишь — как мысль или идея. Существует только прошлое, и то — как воспоминание о видении.

Мекеш погружается в залитое солнцем пространство.

Все зримое — лишь тень минувшего, пылающее клеймо минувшего, или ушедшего.

Здесь словно ничего и не существует ныне.

Здесь все — память о былом.

Здесь само былое: древняя история, уходящая в далекую даль.

Ни один уголок Европы не хранит стольких следов.

Здесь великие события истории стоят астральными тенями.

Оцепенели астральные тени с затуманенными глазами, онемели и устремили взоры вовнутрь.

Это — голые скалы Ирана.

Арчибальд Мекеш ныряет в полоненное солнцем пространство.

Но что это слышится ему?..

Его спутник, 50-летний еврей, остановился в стороне и что-то поет, обратившись к скалам. Так поет порой галицийский еврей — в пыли, пронизанной солнечным светом.

Арчибальд всплывает из солнечной глубины.

Прислушивается. О чем поет этот человек? Или о чем плачет?

Еврей взывает к чему-то — а может, вспоминает что-то?..

Зовет землю обетованную. Вспоминает древнюю отчизну.

Печаль о неведомом... Стон о несказанном...

ОЗАРСИП

УДК 82(02)
ББК 84.001.01

Арчибальд Мекеш тоже расплавляется в воспоминаниях.

...А караван этот — будто тот самый: древний. Так ходили в древности еврейские племена: между Красным морем и Персидским проливом, между Евфратом и Палестиной. Народ — без дома, без крова — без постели. Вместо дома — шатер. Вместо постели — песок. На дорожку не посошок — верблюдов и осел. Народ, странным огнем обожженный: беспокойный, неукротимый, неумный. Народ — неприсвоенный или неосвоенный. Народ, чье имя таинственное — «ибрим»: находящийся на «той» стороне. «Находящийся»? Нет, еще нет! Он лишь жаждет находиться на «той» стороне. Стремится «туда». Но едва лишь окажется на «той» стороне, она станет «этой». Народ, грезящий о новых и новых странах. Идущий все новыми и новыми дорогами. Народ, чье тайное желание — «вездесущество». То упавший ниц перед идолами Молоха, то погрязавший в оргиях Вавилона. То опьяненный женами моавскими (глаза — уголья пылающие, тела знойные, чернокожие были у них, у моавитянок!). Но ни идолы Молоха — ни оргии Вавилона — ни распутные жены моавские: ничто и никто не удерживал странный народ на одном месте. Он все косился в пустыню. Пустыня притягивала «ибрима» — пустыня, своим неповторимым дыханием, своим простором, пустыня, где для утоления жажды — лишь раскаленный песок. Народ непознаваемый — опаленный пламенем — ходил караванами... Куда?! Зачем? Узреть желаемое? (Арчибальд Мекеш следует за караваном.

За караваном следует и еврей: тот, что зовет кого-то.

Не «тот» ли это караван?! Тот, древнейший!..

Опять та же печаль — о неизвестном. Опять тот же стон-вздых — о несказанном.

Караван ползет, извивается. Что жаждет он увидеть? И видит Арчибальд Мекеш.)

Земля мадианская: простирающаяся между Эламским проливом и пустыней Аравийской. Вдали: Синайская возвышенность темнеет, вздыбившись между

Красным морем и пустыней. Место привала беглецов, изгоев и вечно странствующих. На возвышении — храм Озириса. В храме звучит и имя Элохим. Арабы — семиты — иудеи — чернокожие племена — все идут туда для службы и молитвы. Для поклонения.

(Арчибальд Мекеш идет с караваном.

Рядом — отягченный печалью еврей — опять он бормочет что-то).

Зной такой — солнце такое — местность такая — что все-все обращается в воспоминание; воспоминание о видении.

...Маячит храм Озириса. В храме жрец: эфиоп Иофор. Он ведаёт тайны: нильских долин и иранских просторов. И приходят к нему: ливийцы — арабы — семиты.

(Караван колышется — что виднеется впереди?)

Перед Иофором — юноша чужестранный.

Вопрошает старец черноликий — кто ты?

Юноша произносит имя Озириса и Элохима — вместе!

Старый эфиоп удивлен — (радостно?).

Юноша — египтянин. Старец Иофор рассматривает его:

ростом невысок. Чело — как у овна (или барана). Глаза: как у орла и с блеском беспокойным. Пронзительные и неподвижные, черные: как кольца черной змеи в черной реке. Лик спокойный, думами затуманенный.

Старец Иофор узнаёт:

юноша всегда держится в стороне. Молчалив. Его и прозвали «Молчаливым». Спрашивают — он отвечает. Запинается (не слово ли ищет?), продолжает снова. Снова запинается (или боится открыть свои мысли?). Внезапно обрывает речь. Отводит в сторону взор. Смотрит не на предметы. Смотрит по «ту» сторону их. Или — взором взрезает сердцевину предметов и заглядывает в нее. Взглянет внезапно и выкрикнет неожиданное слово и неожиданное имя. Слово и имя — как клинок молнии, что прожигает огромное чрево дерева. И лицо юноши — как тот клинок. Он словно бы избегает работы. Но уж если возьмется — никто и ничто его не остановит. Видишь сжатые губы: там натягива-

ется лук воли. Видишь широкий лоб — там читаешь /
знак судьбы: огонь!

3141353000
303001101333

Имя юноши — Озарсип.

(Еврей продолжает бормотать. Не это ли имя он произносит?)

Арчибальд Мекеш оглядывает еврея.

Караван идет, покачиваясь.

Еврей бормочет и смотрит на черную вершину скалы.

Арчибальд Мекеш следует за взглядом еврея.

О да: это лоб Иофора! Чугунный гладкий лоб эфиопа...

Перед Иофором — Озарсип. Повествует о чем-то?)

Мемфисский храм. В храме — Озарсип. Юноша готовится к жертвоприношению. Юноша странный. Юноша удивительный. Его все боятся. Даже жрецы. И женщины боятся его. Когда встречают — бледнеют разом: словно возмущается их женское естество.

Рамзес II — в подозрениях: а не трон ли прельщает его, этого горделивого юношу?

Нет, не прельщает юношу трон: ни фараонов и никакой.

Но мать — приемная! — желает для него фараонов трон.

— Взгляни окрест: на храмы — обелиски — пирамиды... Взгляни на Нил — на Дельту — на Мемфис! Они будут твоими, если...

Юноша насупливает брови: он умеет гневаться.

Но — он перед матерью, приемной.

Зачерпывает горсть песка. Просыпает песок сквозь точеные пальцы.

Слово его твердо — (голос еще тверже):

— Вот как нужен мне трон!

— Ты отвергаешь законы предков?!

— Никогда!

— Чего же ты хочешь?

— Пирамида неподвижна. Она должна начать ходить.

(Караван ныряет меж скал, накреняется.

Арчибальд Мекеш глядит на скалы — пирамиды.

Кто заставит двигаться эти гиганты?

Кто такой сумасшедший?)

Юноша — сплошная страсть. Но он — перед лицом матери, приемной.

Бросается в ноги. Благословения ли испрашивает — или прощается?

Мать — приемная — срывает со лба цветок лотоса и протягивает ему. Юноша вдыхает аромат лотоса. Ноздри его расширяются.

Мать уходит — так и не проникнув в тайны юноши. (Караван ползет. Еврей изрекает непонятные слова.

Мекеш идет меж теней скал. В скалах пещера. Или — храм Мемфисский?)

Юноша постигает тайны Гермеса. Он весь — стремление. Весь — жажда. Он закаляется. Крепнет воля. Чеканится характер. Раскрывается разум: он не знает границ. Жрецы побаиваются юноши. Его невозможно согнуть — и невозможно перетянуть на свою сторону. Сломить его никто не в силах. Сам великий жрец боится его — Мебр.

— Чего ты хочешь в конце концов?

— Вот этого...

Он хлопает ладонью по ковчегу:

в ковчеге хранится сокровенная книга Мемфиса.

Читать ее может лишь понтиф.

— Ты хочешь стать понтифом?!

— Я хочу лишь знать, что здесь написано.

— Никто, кроме понтифа, не может проникнуть в тайну написанного здесь... Озирис никого не спрашивает о том, кому открыть знание.

Юноша — как скала. Понтиф колеблется.

(Мекеш все глядит на скалы. Что сокрушит их?

Еврей произносит еврейские слова.

Головы химер растворяются в исхлестанном солнцем пространстве).

Понтиф боится. Фараон боится.

Выносится приговор: юноша останется в храме сcribeм.

Сcribe не может взойти на престол.

Юноша-scribe надсмотрщик работ: фараон соединяет крепостями Пелузиум и Гелиополис. Трудится уйма людей. Трудятся и евреи. Они искусны в каменных работах. Но не привычны к покорности.

Юноша видит: египтянин-начальник ударяет безо-
ружного еврея.

Юноша — одна лишь справедливость, и порой
ярость.

Юноша горяч и вспыльчив: бросается и убивает
египтянина.

Юноша — преодоление: убегает далеко-далеко.

(Скалы как бы содрогаются.

Еврей бормочет что-то: может, имя юноши.

Мекеш взглядывает на него:

взор еврея устремлен на вершину черной скалы.

Ага-а, это лоб Иофора: гладкий, чугунный лоб
эфиопа).

Перед эфиопом — юноша с опущенной головой.
Верно, закончил исповедь.

Иофор во власти то ли страха, то ли радости.

— Чего ты хочешь, отрок?

— Кары.

О, эфиоп знает нечто!

— Чего ты хочешь, отрок?

— Лицезреть Озириса.

Знает эфиоп: убийца (к тому же посвященный) —
не может лицезреть Озириса. Вернее, сможет, лишь ес-
ли убитый простил его. Однако как это? А так: убий-
ца сам, на себе должен испытать убийство. Должен
отторгнуться от своего тела. Узреть убитого. Испросить
прощение.

— Ты готов, отрок?

— Я готов.

(Солнце будто остановилось в скалах — видит Ме-
кеш.

Солнце готово изрубить простор. Что остановит его?!
Что противостоит его ярости?!

Еврей не бормочет более.

Караван будто приостановился на мгновение...

Может, в ожидании дива?)

— Готов ли ты, отрок?

— Я готов.

Истощение плоти. Напряжение духа. Обуздание
воли.

Стремление всепокоряющее.

Эфиоп повергает юношу в летаргию.

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Укладывает его в нишу храма.

Проходит день. Два. Три. Проходит неделя.

Из ста просыпается лишь один.

Но юноша преодолевает самую материю.

И восстает через десять дней.

(Солнце изрубило окрестность — видит Мекеш.

Еврей дышит полной грудью.

Караван идет вольно, свободно, повеселевший.

Ликут чрева скал.)

Он восстает примиренный.

Юноша оглядывается: Египет остался позади. О, как далеко! Или оползень прошел... Другая сторона— иная сторона.

(Еврей восклицает громко: «Моисей!»

Кого он зовет? Или он помешался?!)

«Моисей»— имя Озарсипа.

Есть у эфиопа знойнотелая дочь — Сефора.

Не Озарсипа ли ждала она, жениха...

... ..

Арчибальд Мекеш отрезвляется.

Теперь ему ясно, почему чтит Моисея Ирубак Ирубакидзе.

Теперь он — в предке и видит: явление на Синайской горе — скитания в пустыне — ярость и преломление скрижали с заповедями — покорение упрямого и непокорного народа — проклятие Израиля — последнее одиночество человека. Переживает его печаль — о том, что умирает, так и не увидев Ханаана. И перед ним вырастает сверхчеловек истинный, чья ярость равна лишь ярости солнца в этих голых скалах и чье чистосердечие может сравниться лишь с чистосердечием ребенка, просящего у матери молоко.

Арчибальд Мекеш выбирается из тумана чувств.

Он видит сожженные солнцем скалы. Караван подобно гусенице ползет по извивам меж скал. Такой караван шел «там»: к черноликому старцу. В таких скалах зародился огонь, которым загорелся евреянин. Как знать — не обломок ли того каравана — этот караван?..

Скалы громоздятся, как астральные тени. И вглядываются внутрь себя, в глубину. Вспоминают былое

— или привидевшееся?.. Несомненно. Потому-то они так задумчивы и сосредоточены. Память, уходящая в далекое далеко, каменеет.

Может, некогда таким караваном ходил по Малой Азии древний род Ирубакидзе. Может, этот караван — обломок того каравана? Если не обломок, то, во всяком случае, продолжение: своей медлительностью, памятью, страстью, видениями!

И в этих скалах,
в этих теснинах,
безлюдных, пустынных,
на этих дорогах,
в этих караванах,
среди этих народов,
в этой страсти и безумии —
одно лицо:
хмурое и грозное,
как опаленное молнией дерево или камень —
покойное и чистое,
как ягненок:
отрок Озарсип.

... ..

Сердце арабской лошади весит шесть кило.

Что сравнится с бием этого сердца?

Сердце Мекеша бьется, как сердце арабской лошади.

Но что такое сердце арабской лошади перед сердцем Озарсипа? Просто мясо, пусть и шесть кило. Просто плоть, хотя и весом в шесть кило.

Что по сравнению с ним сердце Мекеша? Боль муравья.

И что — сама Ольга?! Что такое перед ним Вамех? Таба Табай?

Ничто. Да, да — ничто.

Слезы выступают на глазах. Радости ли?

От того, что был в мире «один» человек.

Что такое одиночество кого-то из детей Адама перед одиночеством Озарсипа? Просто скука.

Великий Ирубакидзе, ты — прав!

Сегодня ощутил я жизнь!
Сердце Мекеша размягчено.
Вот что умеет караван!

МАНОВЕНИЕ ВЕЧНОСТИ

Дзин. Дзин. Дон. Дон. Гаун. Гаун.

Звон бубенцов смолкает постепенно.

Дорога идет по подножию скалы. Скала отбрасывает тень Голиафа.

Караван отдыхает в тени.

Рядом река — почти пересохшая. Может, дракон выхлебал ее. Там и сям — лужи воды. Лужи — точно ставицы, из которых пьет скот.

На том берегу — опять же гиганты: левиафаны толстобрюхие.

Скалы становятся тише — но все же свирепствуют.

Изъеденные похотью и распаленные желанием.

Разлегшиеся и изогнувшие, точно огромные хребты огромных мамонтов.

Распаленные дэвы: которые борются друг с другом — (ни один не может побороть другого) — и окаменевают в этой нескончаемой схватке, переплетшиеся друг с другом в одно тело — руками — головами — ногами.

Полдень.

Козлоногий Пан, вероятно, уже пробежал.

Унимается ярость солнца.

Стихают краски и оттенки.

Мох соперничает с гвоздикой. Сейчас побеждает мох.

Аспид борется с квакшей древесной. Сейчас побеждает аспид.

Смягчается рдяное покрывало.

Муха не жужжит.

Не трепещет листок (да и где он, листок?)

Верблюды укладываются на песок. Ложатся караваньеро. Глаза верблюдов и глаза людей испытующе смотрят друг на друга. В глазах людей страх — как бы не увидеть в глазах верблюдов боли или гнева. Люди ласкают животных, гладят по шерсти.

Ни малейшего шума. Ни единого громкого слова.

Тела верблюдов, лежащих друг подле друга — как продолжение камней... камней. Длинная гусеница — перь — каменная гряда с изломанным хребтом. На камнях — химеры с воздетыми головами. Головы глядят человеческими глазами: точно камни, глядящие издали — из дали — (если камни глядят!) — в даль — вдаль...

Головы дремлют.

Легкий шорох.

Головы шевельнулись: как в реке — стебли водорослей.

Все верблюды бодры. Но один... что с ним?

Малорослый перс — (голова обрита наголо, глаза — ушедшие в даль) — идет к нему. Верблюд мягкого каштанового цвета. Отчего он не смотрит на хозяина? Утомлен и опален солнцем? Нет: глаза у него полны влаги. Он плачет? Что-то болит?!

— Бехан!

Перс рукой гладит его голову. Рука — это ласка. Верблюд медленно обращает на него глаза. В глазах — тоска.

— Бехан, у тебя что-то болит?

Бехан отворачивает голову: может, не хочет показать слез.

Рядом лежит огромный, с лошадь, осел. Он вскакивает. Кружит на месте и дрожит, словно его только что вывели из реки.

Перс оборачивается, смотрит, и что-то тонкое и горькое пронзает его мысли: не смерть ли увидел длинноухий?..

— Бехан!

Верблюд поворачивает голову и смотрит на хозяина. В глазах — неумемная тоска. И что-то еще примешивается к тоске: не ободрить ли, обнадежить тщится он хозяина?.. Потом он понуряет голову, удрученный.

Ни малейшего шума.

Муха не жужжит. Не шелохнется листок (да и где он, листок!).

Лишь порой взлаивает Аллан.

Лай грохотом раскатывается по ущелью.

Верблюды тревожатся: словно хотят подняться. Знакомые звуки, что ли?

В скалистых теснинах Ирана порой раздается львиный рев и лавиной обрушивается в разверстые пропасти

Те ли это звуки?

Нет: головы верблюдов укладываются друг за другом, как шевельнувшиеся на миг колосья.

Когда заходит солнце, овечье стадо укрывается в тени деревьев. В глазах овец неясный страх. Чего они боятся? Орла ли, ястреба?..

Может, мелькнула тень орла — или беркута...

Но здесь — иной страх.

У подножья скалы лежат верблюды. В тени скалы.

Глаза химер созерцают голые скалы.

И в глазах химер — тоже страх?!

Перед чем или кем? Зверь ли примерещился...

Нет: здесь — иной страх.

Один из персов — (лицо — нирвана) — на что-то смотрит.

На что он смотрит? Ни на что. На Ничто.

Или слушает? Но — никакого шума.

И все-таки он слушает... прислушивается.

Спутники Арчибальда — еврей и русский — беседуют тихими голосами. Арчибальд возле них.

— Какая тишина!

— Ужасающая тишина.

Пауза.

— Представляете, если вдруг грянет оркестр!

— О, что тут будет!

— Пять тысяч скрипок!.. Три тысячи виолончелей!..

Оркестр из десяти тысяч человек!..

— И заиграют бетховенскую «Девятую»!..

— Или что-нибудь из Баха...

— Представляете себе?!

— Потрясающе!

Мекеш — шепотом:

— Здесь и так звучит музыка...

— ?!?!?!

Опять шепотом:

— Здесь музыка сфер...

— ?!?!?!

И громче, но как бы про себя:

— Это нечто большее... эта музыка.

— ?!?!?!

Они взглядывают на перса.

Перс молится: всем существом. Нирвана нарушена

Мекеш — спутникам:

— Он слушает...

— ?!?!?!

— Вечность...

— ?!?!?!

С вершины скалы осыпается песок.

Верно, ящерица пробежала — (шрр-шррк).

Песок, точно ящерица, скользит по тысячеглазым камешкам.

Шорох: проникающий в игольное ушко.

(Шорох песка разносится на целую версту).

Химеры озираются. Страха в глазах больше нет.

Что-то расстроилось. Или родилось.

Перс выходит из молитвенного экстаза.

Мекеш — про себя:

— Родился миг.

— ?!?!?!

— Нет: откололся от вечности.

Тихий голос чей-то:

— Мановенье ока... вечности.

БЕХАН

Дзин. Дзин. Дзин.

Дон. Дон. Дон.

Гаун. Гаун. Гаун.

Снова караван. Снова путь. Снова скалы.

Малорослый перс шагает рядом с Беханом.

Глаз с него не сводит. Верблюду тяжек груз.

Подходит второй перс.

— Что с ним?

— Он обессилел.

— Может, груз слишком тяжел...

— Может быть...

Они останавливают верблюда: Движение каравана нарушается: будто из спины гусеницы вынули одно сочленение.

Облегчают груз верблюда.

Бехан снова в ритме каравана. Но тоска не покидает влажных глаз.

Подходит третий перс.

— Что с ним случилось?

— Может, заболел...

— Может быть...

Останавливают Бехана. Снимают с него поклажу. Перекладывают на других верблюдов.

Бехан без груза идет с караваном.

Но все равно ноги у него подкашиваются.

Подходит четвертый перс.

— Может, заговор поможет?

— Может быть...

Сероглазый перс опускает верблюда на колени. Бережно притягивает к себе его голову. Шепчет в ухо непонятные слова.

Но Бехан не внемлет.

Подходит пятый перс. Приносит воду в глиняном сосуде. Подает ему.

Бехан отпивает немножко. Отворачивает голову в сторону. И глаза тоже смотрят в сторону.

— Бехан!

Бехан не может подняться.

— Бехан!!

Бехан — с колен — валится на бок на песок:

— Он больше не может...

— Больше не может...

— Больше не может!..

Караван трогается.

Кто-то с глазами полными слез прощается с Беханом.

Дзин. Дзин. Дон. Дон. Гаун. Гаун.

Караван продолжает путь.

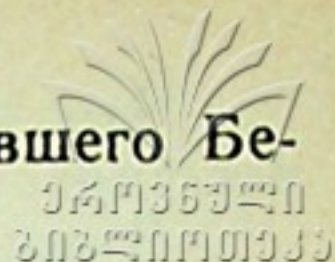
Так устроен мир. Один остается, падает и остается. Другой продолжает путь. Но что делать упавшему? Исчезнуть? Сгинуть?

Дзин. Дон. Гаун.

Что за звук врезался в перезвон бубенцов?

Караван останавливается опять. Химеры — головы верблюдов — поворачиваются: оборачиваются назад. В глазах — приглушенная печаль. Позади — рев Бехана.

Оставшегося Бехана. Покинутого Бехана. Павшего Бехана.

Рев душераздирающий.

Верблюд пытается догнать караван. Но ноги подгибаются.

Малорослый перс бежит к Бехану.

— Бехан! Беха-а-ан!!!

Бехан не плачет. Плачет перс.

Бехан ревет.

Арчибальд приближается к персу.

Перс обнимает Бехана за шею.

— Бехан! Бехан!! Бехан!!!

Бехан пытается подняться и снова падает.

— Бехан! Бехан!

Бехан поднимается рывком. Переступает шаг. И снова падает, подкошенный.

— Бехан! Бехан! Бехан!

Бехан больше не ревет. Бехан больше не стонет. Бехан не плачет. Он смотрит. Смотрят, смотрят глаза...

О-оо: эти глаза! Молящие о жизни — о глотке жизни — о крохе жизни...

— Бехан!

Глаза обращаются на перса. В глазах — любовь. Но что примешано к этой любви? Что как не остраненность — отстраненность...

Что-то ужаливает мозг перса.

— Бехан!

Глаза уже не просят жизни.

— Бехан!

Голова откидывается бессильно и падает на камень.

— Бехан! Бехан!..

Бехан бездвижен. Перс плачет.

Арчибальд подавляет крик.

Впереди: Дзин. Дзин. Дон. Дон. Гаун. Гаун.

... ..

Сердце арабской лошади весит шесть кило.

Что перед этим сердцем биение какого-то другого сердца?

Отрок Озарсип приводит Израиль к пределам земли обетованной и умирает, не узрев ее.

Что перед этим: сердцем биение сердца арабской лошади?

В скалах умирает верблюд Бехан—

упавший—

покинутый...

Караван продолжает путь.

Может быть, Бехан — сердце Озарсипа...

Слезы...

ИНТЕРМЕДИЯ

Менджил богат ветрами.

Арчибальд Мекеш идет к телефону одурманенный. Ветер Менджила — особенный. Тело Мекеша словно бы осталось где-то и только тень его бредет, потерянная в просторах.

В скалах Персии — телефон: географический анахронизм. Телефон — преодоление пространства. Но в беседе по телефону исчезает дыхание просторов Персии. Хорошо еще, что телефон — это явь. Арчибальд Мекеш обретает свое тело.

Телефон Менджила соединяется с телефоном Казвина.

— О, Табай-хан!

— Сэр Арчибальд!..

— Когда вы вернулись?

— Вчера.

— Какие новости?

— На ваше имя депеша.

(От кого?! От Ольги?)

— Вскройте... от кого она?

— От Вамеха.

(От Вамеха...)

— Что он пишет?

— «Прошу погостить у меня в деревне несколько дней. Будет сбор винограда. Вы посмотрите Саирме. Сообщите выезд депешей. Буду встречать в Баку. Надеюсь, не откажете».

(Сбор винограда. Вамех. Саирме. Грузия).

Арчибальд молчит.

— Поедете?

(Арчибальда будто кто-то рукой толкнул).

— Поеду...

— Когда?

— Сегодня же!..

— Когда вернетесь?

— Через десять дней...

— Счастливого пути.

— До свиданья.

Телефонная трубка повисла.

И сердце Арчибальда словно повисло. Сейчас тепло здесь, а тень — где-то, в другом месте. Сердце стучит, словно стремится догнать тень.

Автомобиль готов.

Арчибальд Мекеш расстается с ветром Менджила.

И ветер постепенно остается позади.

В затихающем свисте ветра видится

«Солнечное гумно»:

Светлый камень. Зрачок пожелтелых пространств. Светлошафрановый. Кисть фаллоса. Запах хлева. Распаленный страстью могучий черный бугай обрывает привязь. Жаркое семя материи и плотоядность. Острый аромат. Утоление страсти. Обнаженный зной. Огненные сосцы с остервенением сосет неумемный самец — со слизью люэса на прокаженном теле.

Хитон миража. Пронзительный взор. Видение горячее. Беспамятная дрема. Флегма ленивая — и падение капли.

Неподвижным видением — близ самого Пана — погруженный в нирвану красный конь. Вечное движение. Лицо — маска. Древний упадх. Отстранение. Ирония и подавление самого себя. Второе рождение не выдерживает более шершавого зуда, и на раскаленном песке сбрасывает рубашку рогатая змея.

Свист ветра затихает вдалеке.

На солнечном гумне возникает верблюд — как

«Химера пустыни»:

Уродливый. Двугорбый. Безобразный бастард кошмаров горячих просторов. Как айва, опаленный смуглыми знойными ветрами. Чуждый. Станный. Одинокий. Странствующий вечно по дальним дорогам. Гордый. Медленный. Спокойный. Вежливый. Расслабленный

мечтатель в красках дальних. Застенчивый. Кокетливый. Любящий ласку. Сладострастный. Выцветший, и все же вечно солнечный. Удивительна твоя дрема с ленивым позевыванием — что плавлением солнца расслабил ртвели пустыни.

С улыбкой химеры глядишь на красное марево: будто вдыхаешь опаленный нард аравийский.

И когда, некрасиво пережевывая жвачку, впадаешь в меланхолию, на губах, смоченных пеной, плесневеет печаль вселенной.

Гумно кружит. Химера исчезает.

Арчибальд Мекеш направляется в Грузию.

Соколиный глаз

«... огромная давящая с полным ртом — пьяный виноградом синий дракон...»

«Закон земли»

ЦХРАМУХА

Если поглядеть издали — покажется одно дерево великое.

Приблужишься: насчитаешь девять дубов.

Девять братьев образовали круг диаметром в пятнадцать алаби.

Возраст братьев — за сто лет.

Тело каждого — мозолистое, кряжистое: верно, для выносливости.

У дубов нет макушек — у каждого своей. У них только ветви. Там, где начинают расти ветви, заметны рубцы: видимо, когда-то их обрезали. А молодые побеги отогнули нарочно — чтобы дубы сплелись ветвями. Узловатые и извилистые руки девяти братьев сплелись друг с другом, сплелись в объятии. Разъединить их могло бы лишь землетрясение. От переплетенных веток вверху пошли еще ветки. И видишь: внизу — де-

вать тел девяти братьев, а вверху — единая крона единого дуба.

Дубовый лист плотен, лист прильнул к листу. Девять дубов — беседка. Водопад солнечных лучей не пробивает крону девяти дубов. Солнце задерживается на макушке. Крупные желуди срываются порой. В кудрях пурпурной от солнца кроны цикада заводит свадебную песнь.

Полдень на исходе.

В куще девяти дубов Цхрамухи слышится песня — как из преисподней: мойщик квеври — винных чанов — вторит цикаде, что ли.

Огромные квеври врыты в землю на тенистом пригорке.

Дубы избрали пригорок.

Здесь дождевая вода не задерживается: потоком скатывается вниз. Земля поверху черноватая. В нижних слоях — желтоватая. Ниже и известняк виднеется. Земля не сырая — сухая и горячая. Здесь врыто много квеври. На сто чапи. На десять и на пять¹. Мойщик квеври — в самом большом. В руках у него специальная щетка с двумя рукоятками. Моет, скребет тщательно стенки квеври и напевает. Другой мойщик стоит над зевом сорокачапного квеври. Горловину сосуда закрывает дощечка с отверстиями. Мойщик вертит длинную рукоятку, что торчит из отверстия, на другом конце которой, внутри квеври — щетка. И он моет квеври, и он напевает. Поодаль стоит третий мойщик. Этот нарезает вымоченные шкуры медвежат — мастерит новую щетку.

Маленький мальчик несет чернозем.

Второй мальчик месит чернозем ногами.

Это — для закупорки горловины квеври.

Третий мальчик моет крышку, затянутую винной плесенью.

Место, где врыты квеври — огорожено. На кольях изгороди там и сям — лошадиные черепа. Между ними — разновеликие оршимо². Иные большие: целый тунги³

¹ Чапи — старинная мера вина, около 1 пуда.

² Оршимо — ковшик с длинной ручкой для зачерпывания вина из квеври, выдолбленный из круглой тыквы.

³ Тунги — старинная мера жидкости, равная 4½ л., а также сосуд, чаще медный, с узким высоким горлом.

вина вмещающие. Иные малые. Иные округлые. Иные удлиненные, высокие. Иные пузатые. А то и с вогнутыми стенками.

Круг девяти дубов не полный: с одной стороны усеченный прямой линией. Линия — чугунно-черная давилня, точно раненый дракон распростертый.

С давилни виднеется виноградник на пологом холме.

В листву виноградную вкралось увядание: цвет купороса переходит в серный.

Несут гроздья — желтые и черные.

Несут в корзинах и гидэли¹.

Сборщики — большей частью женщины и дети.

Подле давилни — женщина в черном. Моет ноги ребятишкам.

Ноги дрыгают от удовольствия. Удовольствие — от холодной воды или от прикосновения рук? Руки сухощавые, загрубевшие. Вода прозрачна и прохладна. Нет, здесь — другое удовольствие:

ноги ребятишек предвкушают давку гроздьев.

Глаза ребятишек таращатся: спорят с зернами гроздьев, что ли.

Женщина выпрямляется. Она высокого роста. На голове — простой плат. Лицо спокойное. В удлиненных глазах — едва уловимая печаль. Глаза словно бы неподвижны. Их чернота играет синевой. Фигура сухощавая. Такой облик — у грузинской иконы Святой Марии.

— Тетушка Нино! Тетушка Нино!

— Пустите нас в давилню, тетушка Нино!

— Еще рано. Подождите отца.

— А вот и отец!

— Папа идет!

Нико ведет с собой гостя.

У гостя борода, как белое куриное мясо.

— Хороший у тебя урожай, Нико!

— Да, ничего. Урожай неплохой.

Нико оглядывает лучистыми глазами наполненную до половины давилню!

¹ Гидэли — плетеная высокая корзина без ручек с остроконечным дном.

— Папа! Папа! Папа!

— Пусти нас в давилню!

— Немного обождите...

Ребятишки вытирают ноги чистой тряпичей.

Гость осматривает гроздь.

— Цоликаури, пожалуй, лучше удался...

— Нынче цицка особенно хороша... вот погляди!..

— А что крахуна?

— Крахуна выродилась, погибла почти вся... совсем мало ее осталось...

— А есть все же?

— Я хочу ее отдельно выжать...

— А как сапере поживает?

— Да сапере тоже перевелась...

— А маглари?

— Маглари в этом году уродилась на славу.

— Александроули?

— И александроули молодцом...

Несут виноград: желтый, янтарный и черный.

Несут в корзинах и гидэли.

Чрево давилни наполняется.

— Папа! Папа! Папа!

— Мы полезем в давилню!

— Ступайте!

Ребятишки прыгают в давилню.

Ноги радуются. Икры подрагивают.

Гроздь начинают плакать. Но — слезами радости.

Давильня хмелеет от солнечного сока.

Сок разливает благоухание. (Есть в мире что-нибудь, сравнимое с этим благоуханием?)

Цикада звенит пуще.

Мойщик кевври вылезает из кевври.

Второй мойщик правит щетку.

Третий раскладывает нарезанные куски шкуры.

Нико обращается к Нино.

— А ну, невестка! Накрывай на стол!

Нино молча уходит.

Две секунды — и маленький мальчонка еле-еле тащит корзину. В корзине: курица, изжаренная в ке-ци. Подлива — ежевичная и из исрими¹. Исрими —

¹ Исрими — незрелый виноград.

позднего винограда. Лепешки мчади — испеченные в виноградных и ореховых листьях. Полный кувшин вина, заткнутый пучком кукурузных листьев, только что вынут из лона студеного источника. Стакан. Чинчила. Кула¹.

Под кроной дубов — прохлада замшелых скал.
Над кроней: прорастание семян солнца и — цикады.
Сколько таких обедов помнит Цхрамуха?

САРИДАН

Чуть поодаль от места, где в зарытых квеври зреет вино, расположились ореховые деревья.

Ореховые деревья мощью соперничают с дубами. Листва их еще зеленая.

Здесь тоже возвышенность и тоже прохлада.

Под орехами большие длинные валуны — для сиденья.

На одном валуне сидит старик и курит чубук.

Листва шелестит тихонько. Верно, к шелесту прислушивается старик. Или вспоминает прошедшее?

Перед стариком — там, впереди — ода: строенная из крепкого дуба. Доски толстенные — точно бревна мореные.

На оду глядит старик.

Здесь живет Нико — его младший сын — со своей женой. С детьми. Здесь живет и Нино: вдова его среднего сына. С дочерью и сыном. Старик вспоминается сын: давным-давно пропавший где-то. Вспоминается — но сердце не болит (прошли годы), сердце «вспоминает» боль.

Старик затягивается, раскуривает чубук. Сплевывает.

Теперь он взглядывает в сторону. Поодаль — ода. Еще дальше — тоже ода. И в той стороне — тоже такая же ода. И совсем вдалеке, за ними — еще одна.

В той, дальней, последней оде — его старший сын. Ему уже шестьдесят. Внуки у него и правнуки. И в ос-

¹ Разной формы и величины сосуды для питья вина.

тальных одах живут семьи сыновей старика. Множество внуков и правнуков.

Старик расправляет плечи.

Гордо держит он чубук. Сплевывает.

Глаза встречаются с глазами (пробужденного разума).

Старик шепчет что-то. Или считает:

столько сыновей. Столько дочерей. Столько детей. Столько внуков. Столько правнуков. Столько замужних. Их дети и внуки.

Старик улыбается: он счастливый!

Но — сколько же все-таки?

Старик считает. «Эх, старость!»: не смог сосчитать. Да и не надо считать. Не смог и не надо; ведь дерево — отец-то — крепкое?

И старик взглядывает на девять дубов:

как эти девять дубов, крепко стоит старик в своем роду.

Курит чубук и снова сплевывает.

Саридан — крепкого крестьянского рода: Лашхи.

(Здесь — филологическое исключение: «крестьянин» — «глехи» не родствен «нищему» — «глаха». Нарушение морфологии слова).

К Саридану подбегают детишки.

Кто-то на колени к нему прыгает, кто-то — на руках виснет, кто-то со спины обнимает.

— Дедушка! Отец прислал тебе трут.

— Дедушка, вот, я принес кремень!

— Дедушка, кто тебе огниво сделал?

— Дедушка, а этот нож острый?

— Дедушка, у тебя башмак порвался!

Старик ласкает детей иссохшей рукой. Улыбается им. И дети радуются.

У Саридана вопросы — для каждого: винограда много съел? — Сладок кукурузный початок? — Как поживает Лурса? — Алию подковали? — А что, Белеша теленка принесла?

Ребятишки выются вокруг старика.

— А теперь — айда отсюда!

Ребятишки убегают с веселым гомоном.

Саридан поднимается. Опирается на палку. Восемидесятипятилетний старец, он еще крепок. Идет не

спеша. И колени у него пока крепкие. Обут в мягкие сапожки. Идет не спеша.

Вглядывается по ту сторону оды. Зрение его утра-
тило остроту?! Но все равно глаз различает: очищен-
ные початки грудами желтеют на земле.

Налиа: плетенные из ветвей азалии либо трифо-
лиаты.

Амбар. Конюшня. Поодаль — овчарня. Рядом —
хлев. Там же свинарник. Там же курятник.

Глаза старика обретают зоркость.

Это — на одном лишь подворье. А на других? Еще
больше. Вчетверо больше.

Плечи у Саридана согбены. Но сейчас он не чув-
ствует этого.

Оглаживает рукой белую бороду: в белизну ее
вкралась желтизна козьей бородки. Волоски бровей уд-
линлись. Среди них сохранились и черные.

Из ушей белый пух выглядывает.

И все же он бодр и крепок. Он идет. Дорога длин-
ная.

На краю двора — дзелквы пятисот- или тысячет-
ные.

Он видит дзелквы. И — мысль: «дзели-ква», что
означает по-грузински «бревно-камень». Нравится ему
их крепость.

Здесь возвышенность всхолмлена.

Налево, к востоку — склоны гор цвета серо-синего
тумана.

Каких только деревьев нет здесь! Сосна. Ель. Дуб.
Бук. Каштан. Негной-дерево. Некоторые по сто алаби
высотой. Обхватить ствол—человек тридцать понадо-
бится.

Гора зовется «Саирме».

Гору от купы дзелкв отделяет неглубокая балка.

В балке — маленький ручеек — черный, как сгу-
сток желчи. Но — сверкающий.

Стать лицом на запад и повернуться вправо:

балка идет на убыль и теряется — (или расши-
ряется постепенно?)

Виднеется большая долина Рионская: до самой
Мегрелии — и дальше Мегрелии простирается она — до
самого моря. Как вольность — как дикий бег—набег—

как чрево плодородное. Долина — без глаза — будто сама и есть глаз — (иной глаз должен ее узреть).

Виднеются пределы Кутаиси — к скале прилепившегося.

Повернуться еще вправо:
перед глазами — долина Квирилы с очаровательными рощами: как гигантская чаша протянулась и словно бы в длинную лодку превратилась.

Там же, близ — долина Ханис-цкали.

Слияние Квирилы и Риони.

Лес Аджаметский: изумруд, деревьями проросший.

И наконец — та огромная долина: Рионская.

Саридан — возле дзелкв.

Созерцает: ущелье — долину — рощи — лес.

Неужто так изменило ему зрение? Почему такой туман? Ведь небосвод здесь всегда чист и сверкающ? Почему так мал окоем? Ведь отсюда окоем был — как стрела, пущенная рыцарем!..

«Эх! Будь проклята старость!» — (в мыслях Саридана).

Или слезы туманят глаза?..

Нет, кажется, и слезы у него уже высохли...

Взор уходит еще левее: Саирме!

Сколько же раз бывал он здесь на охоте? Сколько сразил оленей? Сколько ранил серн? Сколько онагров? Сколько диких кабанов? Кто сосчитает? Старик своих потомков не может сосчитать.

Он оборачивается. Солнце опускается, как пылающая чаша. Спускается в темное лоно первозданное. Окрестность окрашивается в кизилый цвет. Багрец проливается на вершину горы. Печать закатившейся чаши остается в глазах, и взор, к горе устремленный, ловит сине-алый пожар затухающий: багрец затвердевает в сини (что сравнится с этим?).

Старик наблюдает заход солнца.

«Я тоже сойду» (мысль его нетороплива).

Размягченный, поворачивает он к дому.

Издалека доносятся голоса стада.

Стадо медленно движется с пастбища: сытое, полное. Быки — (Нисла — Лурса — Гишера). Коровы — (Белеша и Муреша). Лошади — (Алиа и Лурджа). Буйволы. Овцы. Телки.

Медленно-медленно, колыхаясь, движется стадо.

Водопой. Наполняются округлые бока.

Бык преследует корову. Мальчик-подпасок окрикивает — и бык отпрыгивает в сторону. Тело стада приходит в движение. Быки сталкиваются рогами. Снова кричит подпасок — и быки утихомириваются. Стадо колышется. Буйвол взрывает копытами землю — пыль встает столбом. Ревет корова. Телка мычит. Бросается к вымени коровы и начинает сосать. Подпасок подбегает и оттаскивает телку в сторону. Стадо лениво движется.

Солнце уже зашло.

Стадо подходит к хлеву. Входит. Располагается.

И куры направляются к деревьям — (чаще — к айвовым)¹.

Готовятся к ночлегу. Шум и гомон утихают: — словно издали доносятся (смолкают).

Мычание раздаётся реже: стихает.

Тени густеют.

Темно-лиловые краски окутывают окрестность.

Старик поднимается на балкон, умиротворенный.

Покой и отдохновение.

И Саридан отдыхает.

ВАМЕХ И АРЧИБАЛЬД

Саридан сидит на балконе, дремлет.

Вдалеке — собачий лай.

Лай усугубляет тишину. Старик встает.

Мура бежит с лаем к калитке.

Старик опирается на перила. Прислушивается. Слышит другой лай. Мура бежит от калитки к ореховым деревьям оцетинившись, в голосе ее — страх. Перед Мурой все деревенские собаки пасуют. Она собаки испугалась?! Что же это за собака? Старику странен чуждый лай громогласный.

— Кто такие будете?

Во дворе — конский топот. Чуждый лай смолкает.

— Дедушка! Дедушка!

Среди тысячи голосов старик узнаёт этот голос.

¹ Куры в Западной Грузии обычно ночуют на деревьях.

— Вамех! Сыночек!

Мура ластится к Вамеху. Молодой человек треплет Муру по голове.

Привязывает коня. Взбегает на балкон. Арчибальд держит на поводке Аллана.

— Дедушка! Дедушка!

Обнимает его. Целует.

— Вамех! Сыночек!

— Прошу вас, Арчибальд!

Арчибальд поднимается по лестнице. Аллан — рядом.

Из дома выбегают: мама Нино — дядя Нико — жена Нико — сыновья Нико.

— Кто этот молодой человек? — звучит в общем шуме голос старика.

— Мой друг из Персии...

Испытующие глаза осматривают чужеземца.

— Сыночек! Вамех! — обнимает его мать.

Босоногие карапузы льнут к его ногам.

Вамех поднимает на руки то одного, то другого, то третьего. Целует каждого.

Один из ребят замечает Аллана и, испуганный, отбегает в сторону.

— Не бойся!.. Большая собака, правда? Двух волков задушит... — успокаивает его Вамех.

Потом — внезапно:

— Где Матаси?

— Она голову мыла... сушит волосы... расчесывает...

Вамех срывается с места.

Арчибальд разглядывает Нино.

Вамех вбегает в комнату. Хватает сестру на руки, поднимает. Перекидывает через плечо, как ребенка, и выходит с ней на балкон. Арчибальд видит чуть заголившиеся голени — стройные, точеные. Вамех опускает ее на пол. Матаси смущена.

— Моя сестра Матаси! Красивая, правда?

В свете маленькой лампы Матаси со сведенными бровями — точно попавшая в западню куница. Недоверчиво смотрит на незнакомца. Глаза сверкают черно-синим огнем. И пламень лала вспыхивает в них (это лишь однажды). Так в ночи сверкают очи необъезженного жеребца.

Внезапно она срывается с места и устремляется к дверям — в комнату. Ушла, ни слова не сказав.

Арчибальд вдыхает атмосферу, которую всколыхнула Матаси:

аромат дикого ростка оставила она, что ли?

Тишину нарушает опять Вамех:

— Ну, как вы поживаете, надеюсь, хорошо?

— Хорошо, сынок! Мы здесь, слава Господу, хорошо!

— А как остальные?

Минутное молчание. Вамех не унимается:

— Как наши, дедушка?

— Да все хорошо... только...

— Что случилось?!

— Бедный Ваню...

— Наш Ваню? Ваню, сын Алексея?

— Погиб на войне... извещение прислали...

Вамех уже ни на кого не смотрит. Убегает. Сбегает вниз по лестнице.

— Завтра сходил бы...

— Нет! Сейчас же!..

Следом за ним бежит Мура.

Аллан ощеривается, приглушенно рычит. Ребятишки жмутся друг к другу.

Арчибальд взглядывает на дога. Дога успокаивается.

— Садитесь, прошу вас...

Арчибальд садится. Молчание.

Из дома Алексея доносятся голоса. Радость встречи. И один голос — вопленный. Это, верно, мать. Снова тишина. Теперь слышен плач.

— Почему ты сразу ему сказал, дедушка?!

— Если бы я завтра сказал, он бы обиделся... ты же знаешь, какой он...

Вамех возвращается. Радости на нем уже не заметно — будто разбилась она...

С ним двоюродный брат — сын дяди. Такой же крепкий, статный.

— Маглари еще не откупоривали?

— Разве ж без тебя откупорили бы!

— Сэр Арчибальд! Только две секунды!

— Не беспокойтесь, Бога ради!

Вамех с кузеном направляются к марани под открытым небом. Впереди — мальчик с зажженной лучиной.

საირმე
საირმე

Нино спешит в кухню.

Нико тащит свежую кукурузную листву для лошадей.

Старик рассматривает Арчибальда.

Говорит про себя:

— Горяч... быстр...

Арчибальд слышит его голос как бы издалека. Не слышал ли он когда-то этот голос? То ли сон ему снится...

Мысли его обрывает Матаси. Она сбегает по лестнице и направляется в кухню — к матери. Ее бег — как бег лани. Не зря этот уголок зовется «Саирме»¹.

— Откуда вы родом, батано Арчибальд?

— Из Англии.

— Но вы знаете грузинский?..

— Чуть-чуть...

— Что за страна Англия? Это где англичане живут?

— Да, та самая страна.

— Наш Тамаз тоже в Англию поехал...

«Кто?!» — кричит кто-то в мозгу Арчибальда. Он подавляет этот крик.

Хотя бы кто-нибудь пришел. А-а, это дядя Вамеха, Нико. Только Нико неразговорчив.

Снова голос старика:

Арчибальду страшно продолжать беседу.

Но голос обращен к Нико:

— Лошадей привяжи в конюшне. Присмотри за ними как следует.

— Не беспокойся.

Старик заговаривает снова о чем-то. Но — уже идет Вамех.

— Извините меня, сэр Арчибальд!

— Да что вы!..

Накрывают на стол. Арчибальд попеременно смотрит то на Нино, то на Матаси. Сейчас он проклиная

¹ Саирме — от «ирэми» (олень, лань): место, где водятся лани.

маленькую лампу (а давеча благословлял): ему плохо видно. Садятся за стол. Ужинают. И нет за столом ни Нино, ни Матаси.

Арчибальд в комнате. Нино и Матаси ^{во время} ужина, верно, убрали для него эту комнату. Все готово. Чистая постель, чистое белье. Стол. Стул. Одно стекло разбито и пустая рама заткнута большой подушкой. На стенах — картинки, вырезанные из газет.

Входит Матаси. Вносит медный кувшин с водой. Таз. Мыло. Полотенце. Арчибальд дивится. Она поливает ему на руки.

Он вдыхает близость девушки. Такой аромат витает в весеннем лесу.

Ее мышцы — напряженность (соколиного птенца?). Матаси выходит. Он провожает ее глазами. Ах, какая скверная эта маленькая лампа!

Но фигуру он все же различает: как лук (натянутый).

Женщина-охотница... Здесь ведь вокруг — охотничьи уголья?.. Бедра еще не раздались. Грудь — нераскрывшийся пока бутон.

Она снова входит. Вносит таз. Воду в медном кувшине.

Арчибальд удивлен.

Матаси вся — смущенье.

— Это для ног...

Голос Арчибальда разбивается:

— Оставьте...

— Нет... я сама вам помою...

Арчибальд изумлен.

Внезапно входит Вамех. Понимает его изумление.

— Это древний обычай... Почетному гостю на сон грядущий оmyвает ноги молодая девушка...

— Нельзя ли не исполнять этот ритуал?

— Воля ваша...

Матаси выходит. Уносит с собой все.

Вамех тоже прощается:

— Спокойной ночи.

— Благодарю вас...

Сон или явь? Виденье скорее...

Двухлетний ребенок делает первые шаги. Идет. Падает. Кто-то большой и косматый поднимает его на ру-

ки. Ребенок боится: это ведь дэв и есть (который его пугал). Плачет. Теперь женщина берет его на руки. Нет. Куда? Откуда ему знать!

Впереди что-то высокое. Черное и большое. Порой раздается шум.

Ребенок боится. Женщина успокаивает его: это лес. Там водятся каджи — (так говорят). Нет: там олени и онагры. А что такое олень и онагр? А вот которые на теленка похожи.

Ребенок больше не плачет. Женщина ведет его на мельницу.

Шум. Ребенок протягивает ручонку: указывает. Там перемалывают кукурузу. Перемалывают кукурузу?! А вот из чего кашу варят: это ведь из кукурузной муки. Ребенок успокаивается.

«Каша», — говорит ребенок. Где же та каша?!

Из мельницы кто-то выходит. Тоже косматый. Это тоже дэв, что ли? А вот яблоко! Ребенок берет у него яблоко. Оно выскальзывает из детских ручонок. Скатывается в воду. Вода уносит яблоко. Ребенок плачет: «Мама-а-а!»

«Мама ушла». «Мама скоро придет».

Ребенок идет по траве-мураве. Кричит: верно, колючка вонзилась? Женщина извлекает колючку. «Чего ты плачешь?» «Не дам тебе мячик». Ребенок глядит на заходящее солнце. Протягивает к нему ручонку.

Это — красный мяч. «Мячик», — лепечет он. Что это говорят: «завтра будет дождь»? Снова смотрит на горизонт. Мячика нет. «Мячик» — «вот тебе мячик!» — дают ему мяч.

Малыш зевает. Вечер — женщина ведет его к дому.

Мальчик, который постарше, срезал ивовую ветку. Окорил. Дает ее ребенку. Что за запах у ивовой ветви?!

Женщина уводит ребенка, укладывает в колыбельку. Он плачет.

«Спи, усни... Нана-нанина...»

Ребенок уже не плачет. Засыпает.

Сон или явь?..

Арчибальд смотрит в окно на сиреневую зарю.

ЧАСОВНЯ

Тень ореха: широкая и густая. Скамья — длинный валун.

— Дедушка, ты когда-нибудь видел такую саблю?

— А ну, покажи!

Вамех протягивает ему саблю.

— Хорошая сабля! Где ты ее взял?

— Мой друг подарил мне ее.

Арчибальд стоит там же настороженный.

— Хорошая сабля...

Старик глаз не может оторвать от клинка. Проверяет сталь.

— Ты видел когда-нибудь такую сталь?

— Видел.

Арчибальд замер.

— Где видел?

— Вон там...

Прямо перед ними верстах в трех виднеется холм.

На холме — часовенка и старинный дворец.

— В макашвилевской усадьбе?

— Да, там.

Арчибальд вздрогнул (замечают ли старик и Вамех?)

— Там сейчас, по-моему, никто не живет...

— Никто...

— Дедушка Саридан! Род Макашвили правда вымер?

— Вымер.

Что-то жалит мозг Арчибальда.

— Никого-никого не осталось?

— Нет. Один из их рода остался.

Арчибальд весь — сплошное сердце.

— Куда же он девался?

— В чужие края уехал.

Сердце Арчибальда вот-вот остановится.

— Давно?

— Давно.

— Все же когда?

Старик вспоминает.

— Да... в тот самый год, когда родился ты...

Перед взором Арчибальда вспыхивает яркий и широкий сноп света и мгновенно гаснет.

Он взглядывает на холм. Деревянная часовенка и старинный дворец.

Голос старика доносится будто бы оттуда: так далеко он.

Мекеш вспоминает что-то, вспоминает...

Вамех берет меч у старика.

— Так значит, ты там видел такую саблю?

— Да, точно такую.

— А самого Макашвили ты видел?

Арчибальд задыхается — (слезы душат, что ли?)

— Тамаза? А как же, конечно!..

На ресницах его повисает слеза.

— Какой он был?

— Хороший был... очень хороший был человек... горячий... добрый...

Арчибальд украдкой утирает слезу.

Сердце вырвалось на волю — сердце никто не увидит.

Старик встает. Медленным шагом уходит прочь.

Вамех с подозрением смотрит на Арчибальда.

... ..

— Господин Арчибальд! Прогуляемся верхом?

— С удовольствием!

Лошади наготове. Они отправляются. Аллана Арчибальд оставляет на попечение Матаси. Дог уже привык к ней.

О, этот овраг! Здесь его пугали каджами...

О, этот ручей! Здесь живет водяной, — говорили ему.

Этот холм. Этот виноградник. Это дерево: дзелква. Оно уменьшилось, что ли? Эти окрестности. Арчибальд далеко — (столетие прошло с той поры?)

Человек едет лежа (все равно, на арбе или в вагоне) — и не знает, куда. Но Арчибальд не лежа едет — он сидит в седле. И все равно — не знает, куда. Он чувствует, что находится далеко: в призрачной стране.

И лишь голос Вамеха способен его отрезвить.

Подъем. И это тоже: где-то, куда-то, когда-то...

Едут по сельской улочке меж изгородей.

Маленькие дома. Попадаются оды. Есть и бревенчатые хижинны. Иные покрыты черепичными крышами. Иные осокой. Многие дранкой — (в Саирме столько деревьев, пригодных для дранки). Всюду дворы — просторные и маленькие. Здесь висит белье. Там быки жуют свежие кукурузные листья. Играют дети, одетые в лохмотья. Женщины оправляют головные платки (когда встречаются). Впрочем, чаще глазами сверкают. Тут слышится хрюканье свиней. Там собака лает (проулочная собака — особая раса): если не прикрикнуть — чувствует себя оскорбленной, уже не отстанет.

Ничего не изменилось — (это мысли Арчибальда).

Одолели подъем.

Высокая изгородь. Колья из нежной-дерева — тесный ряд. Изгородь точно стена. Выстроенные стеной колья скрепляют по два опорных кола, воткнутых по сторонам, верхние концы которых связаны ветвями азалии.

Большие ворота. Отворяют их, входят. Створка ворот закрывается сама: бревно, привешенное к ней, толстым концом перетягивает ее. Во дворе там и сям — помет: то ли мулов, то ли лошадей.

Маленькая деревянная часовня — как задохшаяся летучая мышь.

Покинутая. Отвергнутая. Брошенная.

По стенам пауки без счета и паутины — без числа.

Бедная часовня: как затерянная в пустыне молитва.

Молчание смерти — (это молчание имеет запах).

Напротив часовни — дворец. Большой: о девяти комнатах. Из крепкого дуба прочного. Хотя и накренившийся набок, точно кривая шея. Окна — все стекла разбиты — словно глаза выколоты. Двери — некоторые выломаны, некоторые скособолены. Кровля — дранка погнившая. Местами мхом поросшая: мох — словно иней цвета позеленевшего чугуна.

Молчание минувшего — (это минувшее имеет запах).

Во дворе: орехи и дубы.

Орехи и дубы колышут тишину.

Местность — мертвая. Здесь, наверное, умирает солнечный луч.

Арчибальд стоит оцепенев: не смерть ли учуял.

Вамех глядит на ограду.

Кто-то сидит на ограде. Челюсть словно срезана, глаза похожи на грибы-опята. Взор этих глаз—искоса — и насмешлив и, одновременно, пронизывающ. Такие глаза могут сглазить. У незнакомца в руках — жареный початок кукурузный. Отколупывает зерна и жует. Скулы играют.

Вамех обращается к нему:

— Здесь никто сейчас не живет?

— А кто здесь будет жить!

— Почему?

— Это место заклятое.

— Заклятое?

— На этих деревьях часто неясить кричит...

— Неясить?

— Это место проклятое... Здесь и бесенята бегают по ночам...

— И что же?

— Здесь живое не живет... Здесь плод умирает...

— Значит, все здесь вымерли?

— Вымерли...

— Все?

— Нет, один остался...

— Где он теперь?

— Сбежал куда-то...

— А у него никого не осталось?

— Сын у него был лет трех, то ли четырех...

— Где же он?

— С собой увез.

Арчибальд борется с чем-то.

— А ты хорошо помнишь?

— Как же не помню! Наша Саломе его грудью кормила.

— Какая Саломе?

— Кации жена...

— Она еще жива?

— Жива... Больна она, бедная...

— Лежит?

— Да, она лежачая...

Арчибальд спотыкается о край рытвины — (или...)

— Что с вами?!

— Оступился...

— Вот уж правда проклятое место...
— Место коварное... все его избегают...
Незнакомец исчезает вместе со звуками.
Они обходят кругом часовенку — (думают мерт-
вая...)

Могилы. Камни надгробные. На камнях — надпи-
си. Макашвили. Макашвили. Макашвили. Всяду Ма-
кашвили. 18... года...

Корни Арчибальда кричат.

Услышат ли эти могилы?!

Они приближаются к дому. Рядом с домом, на от-
косе, большой орех.

Огромный корень дерева выпирает из земли — ко-
нец его уходит далеко и снова скрывается в земле.

Арчибальд падает на корень. Помнит он — нет!
это сейчас: протаскивают его, малыша, под дугой, об-
разованной этим корнем... когда он болел — (или это
сейчас он болен?)...

Он обнимает корень.

Вамех удивлен.

— Что с вами, Арчибальд?

— Я как-то ослаб...

— Идемте...

Продолжение следует

Перевод Камиллы КОРИНТЭЛИ

* * *

В одинокую келью мою
 Входит солнце да ломится ветер.
 Облетает листва старых ветел
 И акация дремлет в саду,
 В моем тихом, пустынном саду.
 Снятся ей отзвеневшие весны,
 Снятся ей сололакские сосны,
 Кипарисы с подножий Мтацминда
 И могил череда
 на Крцанисском лугу...

Без тебя я дышать не могу,
 О, горящее маками поле!
 Будто вся мусульманская рать
 Мое сердце одним ятаганом
 Расколола на сотни осколков...
 Пусть звонят нескончаемой болью
 Колокольни тбилисских церквей!

Но — дай руку мне,
 Друг мой и названный брат!
 Янтарем наливаются гроздья...
 По весне мы посадим гранат
 И смоковницу вырастим тоже,
 Помоги нам, Великий Боже,
 Богоматерь, свой дом не оставь!

Танец

(из цикла «Олива и ветер»)

Кармен!..
 Взмах гибких рук.
 Треск кастаньет.
 Глаз блеск.
 Тихий смех —

Точно моря внезапный всплеск.
«Любишь?!» — «Нет!»

ЭЛЕГИИ
ИЛИ
ЭПИГРАММЫ

Клятвы, просьбы, моления
Потонули в забвенье.
Разве было гвоздик цветенье?
Разве было в крови волнение?
Страсти поток быстротечен,
А путь — судьбой помечен.

Громче треск кастаньет.
Стана плавный извив...
Все предав, все забыв,
Ветер песню олив
Над Севильей проносит.

Пламя взвилось — погасло.
Все уж напрасно.
Лишь кастаньеты
Трещат...

* * *

Уходит корабль мой белый,
И берег тает вдали...
Снеги остались, снеги
По ту сторону кормы.

А я уплываю к солнцу
И морю — светлей бирюзы,
Туда, где цветут оливы,
Где струны поют—о любви!

Элегия

Ликанскому дворцу

Молчит дворец...
Как очарованный. Ларец,
Чей ключ заброшен — в никуда.
Фонтан в глубокой тишине
Журчит. Тоской осенена

Узорная (из мрамора) скамья.
В аллее женщина идет...
Иль тень?.. Воспоминание о той,
Что здесь жила.
Дворец и вправду был ларец:
Ее судьбы хранитель. Сам — судьба.

Валы истории перекатились над тобой:
Один... другой... Чего ты не видал!
И лазаретом, в меру сил,
В войну большую послужил.

Тот, по чьему веленью ты возник,
Давным-давно в чужом краю
Иную жизнь обрел и — смерть затем свою.
Прекрасный лик возлюбленной его
Поблекнул и поник. Родную землю не смогла
Она оставить. Выцвели гишернае глаза
От слез и горя. Изогнула скорбь
Когда-то алые уста.
Но в одиночестве своем,
Но в запустении своем,
Пока была — была всегда,
Как эхо прошлого, горда.

Прошли года. Разграблен парк —
Изысканных скульптур уж нет следа
(Лишь постаменты тут и там).
И ты, дворец, стоишь,
Как некий памятный венец
Былого блеска и — рубец любви,
Что, отзвенев, в небытие ушла.

* * *

Когда меня ты бросил,—
А было то давно! —
В садах гуляла осень
И ветер рвал окно.

Ворон кружила стая
Над вымершим кремлем,

И в небе таял, таял
Заката алый флёр.
Холодные рассветы,
Пустые вечера...
Ни слова, ни привета.
Ни завтра, ни вчера!..

Промчалось, пролетело...
И — былью поросло.

* * *

Ничего не знаю,
Ничего не помню,
Кроме одного:
Волны моря вижу
И кораблик рыжий...
Лодка у причала,
Пальма — и окно.
Чайка прокричала,
Что любви начало —
Старое вино.

* * *

Ты мне все-таки снишься
Хоть иногда.
Моя синяя птица,
Песня — беда.

Юность сердца навеки
Отдал мне—горький дар.
Не погасят все реки
Тот июльский пожар.

Два рассказа из архива писателя

Троллейбус

По утрам в троллейбусе, конечно же, тьма народу. И соответственно — перемешиваются сотни всевозможных запахов. Сегодня все ароматы перекрывает стойкий запах хаши и водки. К тому же он совсем рядом — через два человека от меня чуточку иронично и многозначительно улыбаются друг другу двое. (Водитель троллейбуса: кто поднялся с задней площадки, приобретайте билеты, кто выходит — покажите билеты, иначе не открою!) «Вновь уходишь ты, отдаляешься, ночь ложится на землю!..» — орет во всю глотку один из пьяных. Троллейбус трогается.

— Когда они успели? — произносит озабоченно стоящий рядом со мной пожилой мужчина.

— У кого есть радетели, дорогой, те уже в ресторане, — отвечает пьяный.

— Хотите сказать, что обо мне некому заботиться? — возмущается пожилой.

— Ну что ты, котик, тебе самому впору заботиться о другом, быть, так сказать, патроном.

— «Я — дуло твоего ружья, ты же — мой патрона, — вновь запел любитель городского фольклора. — Ой, бедняга, Калистратэ, как тебя терпит Матрона?».

— Откуда им известно мое имя? — удивляется пожилой.

Я улыбаюсь, думаю, он шутит, но когда вижу его глаза, понимаю, что человек этот вообще не знает, что такое шутка.

— Наверное, сами сказали, — успокаиваю я его.

— Клянусь вам... Нет, лучше я сойду... — И он, ошеломленный, выходит раньше времени.

Сам не знаю, как я оказался возле окна. Очень люблю стоять у окна: мимо проносятся легковые машины, я заглядываю в них, как, бывало, возвращаясь с работы, заглядывал в освещенные окна первого этажа. Взгляд выхватывает колени молодых женщин...

Троллейбус останавливается. Нет, не на остановке. И бигели на месте. Наверное, попали в пробку. Несмотря на настойчивые просьбы пассажиров, водитель не открывает двери.

— Хотите сойти без билетов, знаю я вас! — кричит он.

В троллейбусе тяжелый, спертый воздух.

— Надоело, сколько можно стоять? — возмущаются пассажиры.

— Черт знает что, еще курят здесь!

— Что за несчастье, чего мы ждем!

— Встречного троллейбуса, дорогой, — успокаивает всех один из пьяных.

— Тебе-то что, ты еще и выспаться успеешь!

— Какой час?

— Четверть десятого.

— Все... Если даже теперь все часы остановятся, меня все равно уже выгнали с работы, — сокрушается один из пассажиров.

В эту минуту троллейбус трогается, словно посочувствовав пассажиру, который остался без работы.

— Нога... — умоляю я кого-то, удобно устроившегося на моей ноге.

— Что?

— Нога...

— Что за нога?

— Моя нога.

— А при чем тут я?

— Моя нога, левая... — Я смотрю ему в глаза, он улыбается как ни в чем не бывало. Мне кажется, он делает это нарочно.

— Знаешь, давай я подскочу, а ты выдерни ногу, — развеивает мое подозрение пассажир.

— Хорошо.

— Подожди...

— Давай.

Он подпрыгивает. Кто-то ругается. Зато я успеваю выдернуть ногу.

Вскоре в троллейбус поднимается он (карманник) — в клетчатом с подплечниками пальто, длинном, облегающем, с большими карманами. Набриолиненные волосы, разделенные четким пробором, зачесаны набок. Тошнотворен. Он поднимается вместе со своей жертвой, вежливо пропуская ее вперед.

— Проходите, проходите, не спешите, все успеем. Проходите, калбатано¹. — Так одно и то же повторяет он ежедневно, начиная свою работу. Пропускает вперед всех, сам поднимается последним — и приступает к делу.

— Осторожнее! — кричу я женщине, стоящей передо мной. На металлический замочек ее черной сумочки уже заползла змеей рука вора.

— Осторожнее, вы наступили мне на ногу! — кричу я громче, разозлившись на карманника. Я пропускаю «жертву» к окну, она оказывается передо мной, загораживая меня всем телом. Женщина молода и думает, что я заигрываю с ней, в чем я убеждаюсь, услышав не столь уж сурово сказанное «нахал» в мой адрес. Я смотрю на вора, он — на меня.

«Я покажу тебе!» — говорят его глаза.

«Черта с два!» — отвечаю я, хотя и испытываю определенный страх. Тот понимает, что я никакой не смельчак и больше того, что сделал — сделать не смогу. Он продолжает смотреть на меня, и я слышу его слова: «Я могу хотя бы в карман залезть, а ты, бедолага, хоронишься за спиной у бабы, боишься слово вымолвить». Чтоб защитить свое достоинство, я также взглядом отвечаю: «Когда-нибудь, когда-нибудь ты получишь от меня!». Улыбается: «Никогда, никогда» и выходит на следующей остановке. В троллейбус поднимается попрошайка, старый знакомый, постоянный пассажир моего троллейбуса. Бородатый, грязный, глаза — синие-синие — усталые и изнуренные; хотя, какие еще глаза могут быть у него, у пьяницы и попрошайки. Но

¹ Калбатано (груз.) — вежливое обращение к женщине.

мой знакомый не обычный побирушка, он не желает просто так, ни за что получить деньги и потому предлагает пассажирам свою услугу — рассказать историю Грузии.

«Историк» подходит к пассажиру, которого, по его же словам, уже выгнали с работы за опоздание, протягивает к нему ладонь — тот не замечает.

— Дай двадцать копеек, а!

— Будь у меня по двадцать копеек для всех страждущих, я не был бы уволен.

— Дай, а?

— Отстань!

— Расскажу историю Грузии.

— Спасибо. Знаю лучше твоего. Она-то меня и погубила.

— Почему?

— Поступи я на экономический или на технологический... — рад пассажир возможности исповедаться, — все было бы иначе. Но нет, я хотел непременно стать секретарем райкома и поступил на исторический. И работаю сейчас в школе, учителем. Хотя, зная нашего директора, вряд ли уже работаю (последнее он думает про себя).

— Очень жаль... — Попрошайка протягивает руку к другому пассажиру.

— Двадцать копеек.

— Отстаньте, — отвечает этот другой, в шляпе, с портфелем...

— Ну что такое двадцать копеек, а я историю Грузии расскажу.

— Убирайтесь немедленно. — Судя по всему, этот человек очень вежливый и вообще воспитывался в приличной семье.

— Неужели у тебя нет двадцати копеек? — не унимается колотыга.

— Если не оставите меня в покое, я буду вынужден позвать милиционера. А вообще советую вам работать.

При слове милиционер попрошайка поворачивается и идет к другому. Мне хочется дать пощечину мужчине в шляпе, но, разумеется, желание остается желанием.

— Калбатано, у вас не будет двадцати копеек?

Женщина открывает кошелек, достает мелочь.

— Благодарю. Рассказать вам историю Грузии?

— Спасибо, дорогой, не надо.

«Историк» обращается к парню.

— Только двадцать копеек.

— Для чего тебе? — интересуется тот.

— Для коллекции.

— Скажи, какой остряк!

— А ты как думал?

— Отлипни!

— Расскажу историю Грузии.

— Не хочу.

— Стало быть, у тебя нет?

— Нет!

— И не будет. — Пьянчуга идет дальше.

— Послушайте историю Грузии.

— Бери вот двадцать копеек и отстань, — отвечает пожилой мужчина. — Кому нужна твоя история?

— Спасибо, — бубнит пьянчуга и идет дальше.

— Расскажу историю Грузии...

— Слушай, парень, а сколько стоит твоя история? — спрашивает мужчина, судя по всему, недавний житель деревни.

— Двадцать копеек.

— Не продешевишь, как ты думаешь?

— Дай рубль, если хочешь.

— Гляди-ка! Этот пьянчуга продает историю Грузии! Я плачу. Один рубль...

— Полтора рубля! — кричит «освобожденный от работы» и истерически хохочет.

— Два рубля! — отзывается кто-то.

— Два рубля — раз!..

— Пять рублей! — доносится из глубины троллейбуса.

— Коли имел пятерку, чего не сел в такси? — возмущается сидящий впереди мужчина. Все смеются. Но неожиданно замолкают, нависает тягучая тишина.

— Продвигайтесь вперед, не стойте! Проходи, друг, тебе говорят! — навязывается водитель в друзья парню в дубленке с часами «Сейко» на руке. Парень кладет в руку попрошайке пятерку. (Конечно же, он не поймал такси, иначе что ему надо в троллейбусе?).

— Проходи, друг, кому говорят! — не отвечает от парня в дубленке водитель, словно, кроме него, в троллейбусе нет других. Тот продвигается вперед.

— Еще немного.

— Послушай, если б я хотел ходить пешком, то не сел бы в твой троллейбус! — возмущается парень в дубленке.

Кто-то так налег на меня, что я чуть было не сбил с ног женщину, обозвавшую меня «нахалом».

— Осторожнее, если можно, — говорит она.

— Извините, налегают.

— А вы не теряйтесь. И вообще, надо уметь самому налегать, поняли?.. — говорит она и смеется.

«Ну и ну! Надо же было с такой связаться! Мадам, видать, из тех, о которых говорят: и хочется, и колется. Такие в самый пикантный момент способны сказать: «А я такую сказку расскажу...»

— Моя азбука! — слышу взволнованный женский голос. — Где моя азбука!

— Что за азбука?

— Лежала здесь, в этой сумке. С таким трудом достала!..

— Ищите на полу. Наверное, уронили.

Весь троллейбус ищет азбуку.

— Боже, разве купишь теперь азбуку? — сокрушается женщина.

«Неужели это работа карманника?»

— Нашли?

— Нет, не нашла.

— Наверное, выронили на улице, — догадывается кто-то.

— Никто не разменяет десятку? — спрашивает парень в дубленке.

— Нет...

Троллейбус останавливается. Мне выходить.

— Пропустите, пожалуйста, — прошу я.

— Пройди, коли ты такой умелый.

— Не разменяете десятку? Водитель, может, ты разменяешь? — кричит парень в дубленке.

— Слушай, с такими деньгами ездят на такси, а не в троллейбусе, — ворчит старик.

— Кому какое дело, захочу, вообще буду ездить на коне!

— Конь это неплохо! — замечает кто-то.

— Пропустите, подвиньтесь вправо! Ну-ка, потеснитесь! — наконец разрываю я плотную стену пассажиров.

— Никто не разменяет десятку?

— Нет, угомонись наконец!

— Что мне делать, а?

— Не беспокойтесь, я заплачу за вас, — предлагаю я парню в дубленке.

— Большое спасибо.

— Пропустите. — Одной ногой я уже стою на асфальте, сейчас важно выудить из троллейбуса вторую ногу. Оп-па! Бегу к передней дверце, протягиваю кому-то десять копеек для водителя. Все. Я свободен. Да здравствует свобода!

«Мечта моя давняя...»

В Тбилиси Грузию напоминают мне заасфальтированные дворы, но не покрытая гудроном часть их, а маленькие клочки земли, уцелевшие между стеной и асфальтом, на которых чья-то благодатная рука вырастила какую-то малость зелени.

* * *

«Скажи, как долго ты хранил ту ветку вишни, что сломал», — стонет кто-то в радио.

— Гия, вставай, сынок, опоздаешь!

Притворяюсь спящим.

— Опоздаешь! — повторяет мама.

— Хорошо, встаю... — ворчу я недовольно.

— Еда в холодильнике, рубль — на столе. Не забудь выключить газ...

— Непременно позавтракаю, а на обратном пути куплю хлеба, — доканчиваю я вместо мамы.

Мама уходит обиженная.

Четвертый год каждое утро мама повторяет одно и то же. Четвертый год после ухода мамы я еще немного лежу в постели и рассматриваю фотографии бабушки и дяди на стене. Их уже нет в живых, и мне так не хватает их, в особенности дяди. Потом я думаю о том, что в один прекрасный день к этим фотографиям добавятся мамина и моя, — нет, в два прекрасных дня. В голову приходят еще какие-то безумные мысли. Да, меня зовут Гия. Я окончил университет, геологический факультет, но работаю в институте потребления газа. Потому, что нигде в другом месте работы не нашлось. Есть у меня мама. И отец. Но его я вижу один раз в три месяца — как-никак он отец и должен навещать сына. Потому и навещает, что должен, а не потому, что хочет. После общих вопросов отец бодро встает со стула и перед уходом, вот уже десять лет кряду, говорит одно и то же: «Ну, сынок, будь молодцом. Ни о чем не тужи. Ведь знаешь, я все для тебя сделаю». После этих мудрых слов он оставляет меня в одиночестве. Почему я должен быть молодцом и почему не должен беспокоиться или же что он собирается для меня сделать — до сегодняшнего дня окутано тайной. Ничего, кроме этих слов, не помню. Да — даже поцелуя! Я говорил, у меня есть мама, был дядя, журналист, кутила. Короче, был хорошим человеком. Потому и не стало его: хорошие умирают рано.

Поразмыслив о фамильной галерее, я встаю, заправляю постель, бегу в другую комнату и хорошо отработанными приемами борюсь с кухонной дверью: обеими руками схватившись за ручку, я коленями упираюсь в дверь и дергаю ее на себя. В результате я оказываюсь на полу, зато дверь — открыта. Мне стыдно, и я быстро вскакиваю. И еще мне стыдно оттого, что до сих пор не починил дверь. На кухне дует — разбито стекло. Нет, я давно бы вставил его, но у мамы относительно этого собственное мнение: «Стекло разбил отец, пусть остается так». С ума сведут меня эти женщины!

Из ванны выскакиваю мокрой курицей. «Концерт окончен», — объявляет по радио диктор, который думает, что панихидные песни все равно что концертные.

Вытираюсь, одеваюсь и срываю с календаря еще один листок.

«Как приготовить обед, если к вам неожиданно нагрянули гости, а в доме ничего нет? Достаньте из холодильника два килограмма мяса, лучше свежего, пять яиц, зелень, картошку или грибы...» и так далее. Как все это должно оказаться в холодильнике, об этом — ни слова. Скомкав листок, я бросаю его в пепельницу. «Чайсубанский колхоз собрал и сдал государству на двести тонн больше зеленого золота», — сообщает мне радостную весть радио. При слове Чайсубанский я вспоминаю про чай. Чайник закипел. Я завтракаю, закуриваю, смотрю в зеркало: убеждаюсь, что у меня гениальная внешность. Выхожу из дома. Улица Белинского как обычно встречает меня гастрономом, парикмахерской, спешащими на работу знакомыми и торчащими на углу мастеровыми и алкашами.

— Привет, Гия, дорогой!

— Здравствуйте! — говорю я дяде Сако, который перед гастрономом продает яйца и молоко. В это морозное утро он в белом халате и то и дело подносит руки ко рту, согревает их своим дыханием.

— А тебе, небось, тепло, — кивает он на мой старый тулупчик, приобретенный когда-то дядей у пастухов.

— Как в печке.

— С какого года?

— С шестидесятого. Помню, его носил дядя.

— Да, я тоже помню, — улыбается Сако.

А сейчас я подойду к самому углу, и Миша попросит у меня денег. Погодите... еще немного.

— Гия, тридцать копеек найдется?

— Ведь знаешь, что есть, знаешь и то, что у меня — рублевка, — уже в миллионный раз отвечаю я Мише.

— Конечно, знаю... Кому, как не мне, знать, сколько у тебя денег...

Он идет в магазин и возвращается со сдачей. Все забываю сказать маме, чтоб оставляла мне рубль мелочью...

«Ты никогда мне не откажешь,

О, мой швейцарский банк...»

Каждое утро, получив мелочь, полупьяный Миша

патетически читает мне подобные «вирши», чаще всего сочиненные в стиле Саят-Новы.

Я смеюсь и иду дальше.

— Ничего, хорошие были стихи, знаешь, в этом «Наботи»! — кричит он мне вдогонку.

— Не в «Наботи», а в «Нобати»! — кричу я в ответ.

— Ну да, все равно как... А ты пиши, пиши. Молодец... Пушкин, Лермонтов... Кто знает, все мы люди...

Год тому назад в журнале «Нобати» было напечатано мое стихотворение. Хоть бы его не печатали! Надо же было случиться, чтоб журнал попался Мише на глаза. С тех пор не могу избавиться от его издевок.

Я на главной улице. Сейчас пройдет та девушка. Которая каждое утро, проходя, не здороваётся со мной и у которой классные ноги. Не говоря уже о лице и фигуре. Один, два, три, четыре, оп-па, появилась. Уф, как несется. Не здоровайся, не здоровайся. Тоже мне Манана Орбелиани!¹ И все-таки отличные у нее ноги! Пройдет и искоса взглянет на меня... Вот так. Ох, хорошая моя!

А сейчас на остановке я увижу профессора.

— О-о-о, здравствуйте, Гия. Как поживаете?

— Спасибо, батоно² Евгений. А как вы поживаете?

— Ничего. Что у вас нового?

— А что могло случиться за день?

— Кто знает. Видишь, какими темпами движемся. Включился.

— И потому вполне возможно, что в самом человеке что-то изменится. В один день, в один час, в одну минуту. Если не в тебе, то вокруг тебя. Эх, когда мне было столько, сколько тебе, я думал: что может еще случиться, а смотри — мы уже ходим по луне. Разве это не новость?

— Конечно, батоно Евгений.

— Ну что, сдал экзамены в аспирантуру?

— Вчера вы уже спрашивали.

— Ох, совсем забыл. Занимайся, Гия, занимайся!..

¹ Манана Орбелиани — княжна, блиставшая в свете своей красотой.

² Батоно (груз.) — вежливое обращение к мужчине.

საქართველოს
ხალხთა
წიგნების
სამართლებრივი
სამსახური

Вот тебе наглядный пример: сегодня я читаю лекции, а видел бы ты меня тридцать лет назад!.. Я ведь в лаптях пришел в Тбилиси.

«Странно, а я думал, ты приехал в карете».

— Не веришь?

— Как не верю, батоно Евгений, — отвечаю я и, чтоб ответ мой был более убедительным, смотрю на его ноги.

— Ты занимайся, Гия, наука — это...

— Извините, батоно Евгений, мой троллейбус...— радуюсь я.

— Ну, будь молодцом!

Батони Евгений преподавал мне политэкономии. Помешан на своем тяжелом прошлом и блестящем настоящем и вообще на собственной персоне, помешан на нравоучениях, поскольку благодаря им имеет возможность поговорить о себе.

Прошу прощения, уважаемый профессор!

* * *

Мириановича зовут Отар, но все зовут его Мириановичем. Ему сорок — сорок пять лет, волос на голове столько, что мне кажется, они у него наперечет. Смочив их, он аккуратно укладывает каждый волосок. Лицо пухлое, маленькие круглые орешки бегают в заплывших глазках, губы толстые, масляные, и он обожает ковыряться в зубах спичкой. Это его хобби. Особенно светлеет и лучезарно улыбается его лицо, когда он натывается в зубах на добычу. Из-под наглухо застегнутой рубашки все равно торчат поседевшие волосы. У Мириановича толстый зад, и когда я смотрю на него, мне кажется, что он, прошу извинить меня, осрамился, во всяком случае, я уверен, что чуть ли не до десяти лет он делал под себя. От него всегда остро пахнет потом. Раньше Мирианович, оказывается, работал в хлебной промышленности, затем на сыроваренном заводе, и только потом, решив заняться докторской диссертацией, перешел в институт.

Строительство дачи Мириановичу в Цхваричамна мы завершили в сентябре нынешнего года. В последний день он расщедрился и выставил вино, после чего я целых три дня не мог прийти в себя. Ушанги Гогибери-

дзе (секретарь отдела) так избил жену, что она по сей день не встает с постели. Коки Махатадзе (батони Коки) возненавидел любимые цифры: «Во всем, что со мной происходит, виновата цифра сто одиннадцать!» — восклицал он. Лаша Хубуа, которого все уже записали в алкоголики, с того дня не пьет. Семья его молится на Мириановича.

— Мы всегда перебарщиваем, всегда, — возмущается Мирианович.

Я иду к своему столу, сажусь.

— Поначалу мы пили стаканами, потом хозяин вынес рог, дедовский, литровый, если не больше, дальше в ход пошли вазы и еще черт знает что... А ты чего опаздываешь? — обращается он ко мне.

«Да ну тебя», — думаю я про себя, а вслух говорю:

— Троллейбус стоял. Мы попали в пробку.

— Это меня не касается. На работу надо приходиться вовремя.

«Да ну тебя к лешему».

— Слышишь?

— Да, слышу.

«У, сукин сын»...

В комнате, помимо меня и Мириановича, еще трое: батони Коки, Ушанги и Лаша. Батони Коки немолодой, Ушанги и Лаша приблизительно одного возраста с Мириановичем. Комната наша угловая и потому, в сравнении с другими, холодная. В дождь с потолка течет, от сырости потемнели стены.

— Да, так вот... — продолжает этот кретин, — я с трудом узнал его жену, оказывается, училась со мной в одном классе.

— А она узнала? — спрашиваю я.

— Кто?

— Та женщина.

— А я о чем. Она узнала, но я — нет. Какой стыд! Между прочим, прекрасная женщина, добропорядочная.

«Кому какое дело до ее добропорядочности?»

— Потом я вспомнил, она и мне нравилась. Брюнетка... мне вообще нравятся брюнетки.

— Ничего не может быть лучше брюнетки! —

произносит мечтательно батони Коки. — В школе и я был влюблен в брюнетку, ну прямо — двадцать один, так была хороша!

— И мне нравилась брюнетка, — вздыхает Ушанги.

— И мне! — добавляет Лаша и подмигивает мне.

— И мне! — включаюсь я. — Но только она была похожа больше на девяносто шесть!

— Ну, девяносто шесть... Куда ей до двадцати одной!

— А какого вы мнения о пятьсот три, батано Коки? — спрашивает Лаша.

— Пятьсот три несколько полновата, а так ничего себе, — отвечает серьезно батони Коки.

Коки чрезмерно счастливый человек, ибо его на этой земле ничего, кроме цифр, не интересует. Часто он прибегает к таким сравнениям: «были тощие, как одиннадцать», «грустна, как тройка», «довольна, как пятерка».

Лаша подтрунивает над батони Коки, Ушанги делает вид, что внимательно слушает Мириановича. Я не слушаю их, потому что знаю наизусть, кто что скажет. Смотрю в окно. Оттуда на меня глядит небо, очень печальное, и я думаю о том, что никогда не осуществиться моей юношеской мечте и что я должен буду всю жизнь провести с этими кретинами, слушать проходимца Мириановича, сравнения батони Коки и злиться на бесхребетность Ушанги. А больше всего бесит меня то обстоятельство, что я завишу от Мириановича и, вероятно, еще долго буду зависеть. Наверное, он чувствует, что я ненавижу его. Не может не чувствовать! А ведь о чем я только ни мечтал, будучи студентом, где только ни бродил, где только ни искал руду: в горах, в лесу, в потресканной от засухи земле, в нашей стране или же за ее пределами, скажем, в Африке. В свободное время я, конечно же, рисовал бы (детская мечта не покинула меня и в студенчестве), рисовал бы худого золотоволосого мальчика с крестом на груди, рисовал Ирину, которая, конечно же, была бы со мной, где бы я ни был. Не скрою, господа, я был тщеславен. Часто видел себя на выставке своих работ. О, как я волновался в такие минуты! Друзья, добрые знакомые, все меня поздравляют: «как вы прекрасно изобразили это», «очень

хорошо», «поздравляем», «чудесно», «ваш автограф». Да, мечтая, я так волновался, что не мог ночью сомкнуть глаз. А сколько раз в мечтах я бывал на охоте, такой, какую я видел в фильмах, — в непроходимых диковинных лесах... Как был бы я счастлив, если бы исполнилась хотя бы десятая часть того, о чем мечталось. Так, в мечтах, я дошел до третьего курса, а потом отрезвел — до каких пор можно ходить в мечтателях?! Потом мне было смешно, когда я вспоминал все это. Но, бывало, я впадал в другую крайность, представлял себя арестантом — в наручниках меня отправляли в далекую ссылку. Странная мечта... Мне хотелось плакать, когда я думал об этом. Да, романтика погубит нас! Хотя лучше умереть, чем жить так, как я живу.

— Слушай, поезжай-ка к моей жене, скажи — сегодня собрание.

— У вас?

— Да нет, у моих ребятишек. Что с тобой, и ты с похмелья?

— Нет, я в порядке...

— В шесть часов надо быть в школе. Я не могу позвонить, телефон не работает.

— Значит, в шесть часов в школе.

— Так.

— Я пошел.

— Смотри, не опоздай.

«Да ну тебя к дьяволу».

— Сказал что?

— Что?

— Ты что-то сказал?

— Нет.

— Неделю назад я был в гостях у крестного... — начинает новую историю Мирианович.

Быстро надеваю куртку и выхожу на улицу. «Сукин кот, непременно должен послать меня куда-нибудь, умрет, если не придумает мне работу».

* * *

— Гия, Гия!

Впереди меня останавливается машина. Кто-то машет рукой.

— Гия!

Приближаюсь к машине, в которой сидит молодая
особа в огромных очках, почти скрывающих лицо.

— Не узнаешь?

— Нет.

Она снимает очки.

— Нана?!

— Наконец-то! Садись, здесь нельзя останавливать.

Сажусь. Машина трогается.

— Как ты изменилась! — говорю я.

— К лучшему?

— Да.

— Похудела?

— Да, похудела.

— Поклянись, не врешь?

— Ну что ты... Изменилась, похудела и даже стала
выше.

— Начал?.. Ну не томи, говори.

— Что?

— Похудела, да?

— Я ведь сказал, очень.

— Как давно не видела тебя!

— Наверное, около полугода.

— Почему ты забыл меня?

— Не знаю...

— Ты влюблен?

— Нет. А ты?

— Я тоже нет.

— Когда купила машину?

— Смеешься, я могла ее купить?

— Ну, сама понимаешь...

— Три месяца назад мне ее подарил папа.

— На здоровье.

— Спасибо.

— Я смотрю, тебе нравятся джинсы?

— Очень.

— А меня тошнит от них.

— Какой комплимент!

— И пальто джинсовое?

— Да.

— И рубашка?

— Да.

— Не удивлюсь, если и лифчик у тебя окажется джинсовый.

Нана расстегивает рубашку. С полной, хорошо зна-
комой мне груди «улыбается» джинсовый лифчик.

Мы смеемся, и мне хочется быть с Наной.

— Куда подвезти?

— К медицинской библиотеке, знаешь, где? — отвечаю я удрученный.

— Вдарился в медицину?

— Да нет, просто у меня там дела.

— Видишь, ты даже не узнал меня.

— Тебя узнаешь — в очках, джинсах, в машине.

— А я думала, не узнал, потому что я похорошела.

— У тебя, небось, и дубленка есть?

— Конечно.

— А почему ты не в дубленке?

— Жарко в машине.

— Один мой знакомый меняет однокомнатную квартиру с лоджией на дубленку с капюшоном.

— Мне смеяться?

— Как хочешь.

— И джинсовое пальто можно поменять, только на квартиру без лоджии.

— К чему мне квартира? У меня есть.

— Отдельная?

— Да.

— Откуда?

— Оттуда.

— Тем более.

— Что?

— Вези меня.

— Куда?

— К себе.

— А я тоскую по твоей комнате.

— Поедем?

— Нет.

— Почему?

— Шесть месяцев не так уж мало.

— Как хочешь...

— Каким ты был мужланом, таким и остался.

— А что могло изменить меня?

— Тебя? Ничего.

— Здесь налево.

— Знаю.

Машина останавливается. Я выхожу. А вообще-то, признаюсь, я никогда так не хотел Нану, как сейчас. Почему я не звонил ей?..

— Спасибо.

— Не за что.

— Я могу подождать. Вернешься на работу?

— Да... — радуюсь я.

— Не задерживайся.

Я бегу в библиотеку и вдруг ловлю себя на мысли, что я очень похож на женщину: меня привезли, подождут, и уверен — привезут в однокомнатную квартиру. Да, нетрудно совратить мужчину.

— Где я могу видеть калбатони Ламару?

— Это я.

Иду туда, откуда донесся голос. За столом сидят трое и пьют кофе. Одна из женщин умудряется при этом даже вязать. Платье на ней такое короткое, что видны длинные ноги чуть ли не по самые бедра.

«Эта параллельно может успеть еще кое-что».

— Вчера принесли платье, обалденное, — говорит та, что вяжет.

— Купила? — интересуется вторая.

— Нет, не подошло.

— А мой Отар, — вступает в разговор жена Мириановича, — неделю назад опять принес платье. Говорю ему: ну сколько можно, Отар, нельзя же каждую неделю покупать мне обнову... Гия, дорогой, чего тебе?

— Мирианович просил передать, что в шесть часов родительское собрание. Он пойти не может.

— А я что, могу? После работы я ног под собой не чую!

«Наверняка хочет послать меня».

— Мери муж купил такую дубленку, сдвинуться можно, — продолжает тем временем та, что вяжет.

— Когда? — спрашивает Ламара.

— Позавчера.

— Где достал, а?

— У евреев.

— За сколько?

— Две.

— Надо на все иметь счастье... Помню, Мери ходила в моих обносках.

— Ходила, а теперь вот...

— А я о чем? Недаром говорится: не родись красивой, а родись счастливой...

— Что мне делать? — напоминаю я о себе.

— Передай Отару, пусть идет сам.

— До свидания.

— До свидания, дорогой.

— Ну что, кончил свои дела? — спрашивает Нана.

— Да, — отвечаю я с достоинством. — Поехали.

Нана включает магнитофон.

— Фирма? — знаю, что для приличия я непременно должен спросить это.

— Филипс..., — отвечает Нана с гордостью.

Я не ошибаюсь.

— «Ты никогда не даешь мне денег»... — переводит Нана слова английской песни. — Это всего лишь смешные бумажки», — продолжает она.

— Ты знала английский или выучила недавно?

— Опять?

— Да-а, а я тебя никогда не знал...

— Гия!..

— Все-все, молчу...

— На работу?

И тут я хлопаю себя по колену — а ведь хороша была Нана в постели!

— Поедем, — говорю я.

— Куда?

— К тебе.

— Что мы там потеряли?

— Мне интересно, как ты устроилась... Клянусь... Ну какие глупости.

— Поехали?

— Да, посмотрим, как ты живешь. И потом, не разговаривать же нам в машине. Какой этаж?

— Четвертый.

— Магнитофон есть?

— Да.

— Кофе?

— И кофе.

— Напоишь? У тебя прекрасный кофе.

ՀԱՐԱՅԵՅԻ

ՀԱՅԿԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ԳՐԱԴԱՐԱՆ

— Который час?

— Двенадцать. Поднимемся на пятнадцать минут, выпьем кофе. Послушаем музыку. Совсем не хочется на работу.

«Ну и выдают женщины в подобных случаях! Им главное убедиться, теща свое смехотворное самолюбие, что ты будто бы облапошил ее. На самом деле обе стороны прекрасно все понимают. Но женщина до конца цепляется за мысль: «Думает, провел меня».

Машина останавливается перед восьмиэтажным домом.

— Приехали, — говорит Нана и ищет в сумке ключи.

— Магнитофон оставляешь?

— Да.

— Не украдут?

— Днем?

— Не то что магнитофон!.. Есть у меня сосед, некий Кварцхава, секретарь райкома. Так вот его украли среди бела дня.

Она закрывает машину на ключ.

— Я буду выглядывать, к тому же мы ведь скоро спустимся.

— Конечно.

Так уж странно устроен: добыюсь своего и следом сожалею, потому что потом меня одолевает лень.

— Я очень похудела, да?

— Да. В одежде было не так заметно.

— А говорил, хочу кофе...

— Обманул.

— Ты всегда обманываешь меня. Хорошо было?

— Очень.

«Что за идиотский вопрос, как только он приходит им в голову?»

— Дай закурить.

Она протягивает мне зажигалку.

«Должен спросить, откуда, иначе обидится».

— Отличная зажигалка. Откуда?

— Японская. Важа подарил.

— Кто такой?

— Ревнуешь?

«Хоть бы ревновал!»

- Да.
- Один... Ты не знаешь его.
- Хорошая зажигалка.
- Да, неплохая, куплена в Японии.
- В самой Японии?
- Опять?..
- Нет, но ведь мог он купить ее на Курильских островах?
- Мог.
- Мы молчим. Хорошо, когда такая тишина.
- А ведь я любила тебя, Гия.
- «Началось».
- И я.
- Не ври. Ты никогда не любил меня.
- Почему ты так думаешь?
- Знаю.
- Кого ты еще любила?
- Я ведь говорила тебе, ты его не знаешь.
- Да-да, вспомнил.
- Почему ты ни разу не позвонил за все это время?
- Был занят ремонтом.
- Так трудно было урвать минуту?
- Не знаю.
- Позвонишь?
- Конечно.
- Она проводит пальцем по моему плечу.
- Трудная доля — безответная любовь...
- Ты и сейчас любишь меня?
- Сейчас не так... Но раньше ведь любила?
- Да.
- Мой мальчик...
- Хочешь рассказать сказку?
- Что-о?
- Сказку. Вот так... Скажи, я расскажу тебе прекрасную сказку, Гия, и тогда — полнейший балдеж.
- Не понимаю...
- Ничего, это так... У тебя красивые волосы.
- У нее и в самом деле красивые волосы. И вообще она совсем неплохая девчонка, но я не смог полюбить ее.
- Хороший лифчик, Гия?

- Очень.
— Я в самом деле похудела?
— Да, очень, Нана.
«Ну как любить ее?»

* * *

— Мирианович, жена просила передать, чтоб вы сами пошли на собрание.

- Так и сказала?
— Да.
— Чтоб я сам пошел?
— Да.
— В самом деле?
— Да.
— Чтоб я сам пошел?
— Да.

«Он случайно не издевается надо мной, сукин сын?»

— С ума сведет меня эта женщина!

— Несомненно.

— Что?

— Ничего.

— А я тебе говорю, сведет с ума!

Я киваю головой.

— Женщины вообще похожи вот на это... — батони Коки на чистом листе бумаги рисует огромную римскую цифру десять.

«Они доконают меня!». Я достаю из ящика стола книгу по политэкономии. У нас в институте ни один не производит работу хотя бы на копейку, и я в том числе. Нет, я не прав, вот Мирианович делает работу огромной стоимости.

— Слушай, принеси-ка воды! — Это, разумеется, относится ко мне.

«Да ну, мать твою... Хотя при чем тут твоя несчастная мать? Ей своего хватает».

— Слышишь, принеси воды.

— Я принесу, — предлагает Ушанги.

Я встаю, чтоб пойти за водой. В коридоре, где находится кран, еще холоднее. Я несу Мириановичу воду, и меня так и подмывает плюнуть в стакан. Почему я не делаю этого, сам не знаю. На столе стынет раскрытая книга по политэкономии.

— Сегодня у нас собрание. Смотрите, чтоб все по-шли! — говорит Мирианович и вытирает рукой мокрые жирные губы.

— Какое собрание? — спрашивает Ушанги, приподнимаясь со стула. Обращаясь к Мириановичу, он всегда приподнимается со стула, что подтверждает его большую любовь и уважение к начальству.

— Профсоюзное.

— В котором?

— В два.

— Может, позавтракаем?

— Да нет, я знаю, что последует за этим завтраком, — набивает себе цену Мирианович.

— Прошу, Мирианович, пойдём, а?

— Ты ведь понимаешь, что завтрак не обходится без... — Да, этому прощельеге явно хочется выпить.

— Подумаешь! Одна бутылка никому не повредит.

— Хорошо, ну тебя к черту, пошли.

Мирианович и Ушанги уходят.

— А ты смотри, из комнаты — ни шагу! — оборачивается Мирианович ко мне.

— Понятно.

— Если спросят, скажи — я в министерстве.

— Скажу, что в ЦК.

— Нет, это слишком.

— Хорошо.

— Предупреждаю, из комнаты — никуда.

В окне я вижу, как этот подонок идет по улице. Я поднимаю правую руку, вытягиваю вперед указательный палец, словно держу в руке пистолет, целюсь этому подонку в голову, еще немного — нажму на курок и... В эту минуту он оглядывается, движением руки удивленно спрашивает меня, мол, что случилось. Я опускаю правую руку, словно меня и в самом деле уличили, ничего, машу ему левой, ничего.

— Холодно, — говорит батони Коки. Он тоже смотрит на улицу. — Слушай, смотри, идут, ну прямо как тройки.

— Да...

— Я вижу, ты ненавидишь его и не удивляюсь. И ты не удивляйся тому, что он мерзок, жирен, как семь миллионов. Он отнял у своей племянницы-сироты квар-

тиру и склеротичку-мать поместил в психиатрическую. Нечего удивляться, что он такой.

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
СОВЕТСКОГО ПСИХИАТРА

* * *

— Меня не спрашивали? — У Мириановича такие бегающие глаза, что человек, не знающий его, может принять его за стеснительного от природы человека. — Батоно Коки, как поживаешь? — Этот кретин прекрасодушен после завтрака.

— Как в тридцать седьмом, господин мой хороший.

— И все-таки?

— Извините, но у меня постоянно понос.

— Это плохо.

— И я знаю, что плохо.

— Стало быть, на собрание не пойдешь?

— Если не осрамлюсь...

— А ты... — он снова обращается ко мне, — смотри, ни шагу отсюда.

* * *

— Товарищи! — начал Мирианович, поднявшись на трибуну в актовом зале. «Товарищи» пялят на него бессмысленные глаза. Мирианович читает написанный мною отчет: что сделано в течение года, какую сумму освоил местком, сколько путевок распределил он (в основном среди своих родственников) и вообще, какой он, Мирианович, хороший человек.

— Вопросы есть?

— Нет! — отвечает собрание.

— Тогда перейдем к вопросу о дисциплине, — предлагает он.

— Перейдем, — соглашается собрание.

— Товарищи! — начинает Мирианович и смотрит в глаза директору института. — В последнее время в нашем институте есть случаи нарушения дисциплины. Позавчера, например, Лаша Чкадуа пришел на работу в нетрезвом состоянии.

Лаша обращается прямо к директору:

— Я был не пьян, а с похмелья.

— Тем более, товарищ Лаша! Как вам не стыдно заявляться в институт в таком виде! — стыдит его Мирианович и громко икает.

— Прав Мирианович, — смеется кто-то, — Тебе не стыдно, Лаша! Надо было немного выпить так прийти на работу.

— Это нешуточное дело, товарищи! — продолжает Мирианович и снова смотрит на директора. Тот дремлет.

— Я был с похмелья, — не унимается Лаша.

— Научный сотрудник не должен приходить на работу в таком виде.

— Тогда вообще никто не будет ходить, — парирует Лаша.

— Короче, это не должно повториться. Скажу о другом: все помнят, наверное, что случилось месяц тому назад с двумя нашими сотрудниками.

— Погибли? — спрашивает кто-то (наверняка в кайфе).

— Нет, товарищи, они сбежали. Важа Топурия женился на Русико Махарадзе и, не уведомив дирекцию, они уехали в Батуми.

— Они не то что дирекцию, но и родителей не предупредили, — пытается кто-то защитить молодоженов.

— Топурия, встань!

Топурия встает.

— Чтоб такое не повторилось, понятно?

— Понятно, — отвечает Топурия, возвратившийся недавно из Батуми.

— Скажу больше, — продолжает Мирианович. — В нашем буфете из-под прилавка продается водка.

— Никогда не поверю! — восклицает Лаша.

— А я утверждаю: буфетчица Роза продает водку. Я спрашиваю вас, можно в институте продавать водку?

Зал безмолвствует, а Мириановичу, судя по всему, страсть как хочется поговорить о выпивке, и он повторяет:

— Скажите, можно торговать водкой в институте?

— Конечно же, лучше — коньяком, — замечает Лаша.

— Мне не до шуток! В институте нечего делать водке! — мудро заключает Мирианович. — И еще скажу, товарищи! Половина института не переворачивает табель.

— Какое это имеет значение! Зато вторая полови-
на переворачивает весь табель, — шутит кто-то.

— Это надо пресечь! Разбуди его, Гия! — Мириа-
нович обращается ко мне, указывая на моего соседа.

— Жалко, Мирианович, — отвечаю я.

— Можно спать на собрании?!

— Он не то что здесь, он на бюро спал, когда был
заместителем министра! Потому-то его оттуда и тур-
нули!

— Там все спали, чего на него одного взъелись, —
защищаю спящего.

— Правда, все спали, но он, оказывается, еще и
храпел.

— Разбудите, говорю я вам!

— Жалко, Мирианович, — повторяю я.

— Да ну вас всех... Я продолжаю: известно, что в
нашей республике в последнее время замечается оздо-
ровление атмосферы. Но есть еще люди, которые не мо-
гут избавиться от старых привычек. Из достоверных ис-
точников мы знаем, что один из наших сотрудников, за-
ведующий отделом, устроив кое-кого на работу, полу-
чил от последнего ценный подарок.

Я чувствую, как во рту у меня пересыхает: ну и ну!
Неужели Мирианович так пьян, что заговорит о себе!..

Директор стучит кулаком об стол. (Когда он про-
снулся?)

— Не может быть! — кричит он.

— Назови! — возмущаются в зале.

— Придет время, назову! — успокаивает всех Ми-
рианович.

«Назовешь и получишь по заслугам, подонок».

— И еще: из ряда вон выходящий случай в на-
шем институте. Вы знаете об этом. Он арестован...

— Кто?

— Тенгиз Твилдiani! Он обесчестил бывшую нашу
сотрудницу, ныне обесчещенную Нану Сартаниа...

— Что ему оставалось делать, если она не согла-
шалась! — кричат из задних рядов.

— А у Тенгиза губа не дура!

— И я бы от такой не отказался.

— А что она думала, когда щеголяла в короткой
юбке!

— О, если Тенгизу приспичит, он и директора нашего обесчестит!

— И что Нана?

— Нана подала на него в суд! Теперь пусть он «там» занимается такими делами!

— Неужели Тенгиз не понравился Нане?

— Слабак Тенгиз!

— А где это произошло?

— В институтской библиотеке.

— Что ему надо было в библиотеке?

— Читал «Капитал» и возбудился.

— Тихо, товарищи!

Мирианович наполнил стакан водой, поднял его. — Я хочу на этом... — он спохватился, запнулся и оглядел зал. — Закончить. У кого есть предложения?

— У меня, Мирианович! — встал Коки.

— Прошу, товарищ Коки!

— Можно я выйду.

— Пожалуйста.

— Других предложений нет?

Других предложений ни у кого не оказалось.

— Тогда и этот вопрос исчерпан. Теперь, товарищи, послушаем нашу гостью Венеру Салиа, которая прочтет нам лекцию на тему «Венерические заболевания и способы борьбы с ними».

— Институт это или бордель, в конце концов! — возмущается пожилой мужчина.

— Какое время читать лекцию?!

— Успокойтесь, товарищи! Не лучше закончить все дела в один день! Слово предоставляется Венере Салиа, — объявляет Мирианович, и лектор занимает его место на трибуне.

— Товарищи! — начинает Венера Салиа. — Что вызывает венерические заболевания? — спрашивает она, довольная своим вопросом, о чем свидетельствует долгая пауза.

— Рок!

— Годовая тема!

— Чрезмерная любовь!

— Взаимопонимание!

— Вообще — понимание!

— Половая связь!

— Правильно, товарищи! Вот именно: случайные половые связи являются причиной венерических заболеваний в большинстве случаев, — радостно восклицает лектор.

— Я признаю только одну связь — половую, какие еще могут быть отношения! Выходит, у меня венерическая болезнь?! — возмущается седой мужчина.

— Успокойтесь, товарищ, никто не говорит, что вы больны!

Венера Салиа долго рассказывала нам о причинах венерических заболеваний, учила, как уберечься от них. Наконец так вошла в роль, что рассказала о себе, как однажды чуть было не споткнулась, но вовремя одумалась.

— Ну, что скажешь, Гия, как тебе понравилось собрание?

Мы с батони Коки шли по улице. Темнело. Было холодно.

* * *

«Как поживаешь?» — спросили его, и он ответил: нормально. Бесцеремонный вопрос, он и ответил соответственно. Сколько раз задавали ему этот вопрос, и сколько раз он риторически задавал его другому... А теперь задумался. Теперь, когда лежал один на зеленой тахте, которую скоро вынесут из комнаты, очень скоро. Он не знал этого, не знал, что скоро вынесут его тахту и его тоже, вернее, не догадывался. А если и догадывался, — не признавался себе в этом.

— Вы кто? — спросил он. — Мария, Святая Мария! — узнал он ее и посмотрел на висевшую на стене икону Богородицы.

— О, Богородица, Дева Мария... Это... это Галактион.

Она улыбнулась.

— О, Богородица, я не хочу к вам! Ведь говорят, ничего такого не существует... Кто говорит? Да люди. Кто не знает? Люди? Никто ничего не знает? Никто ничего не знает! Стало быть, все-таки существует... У вас голос... У вас голос моей мамы. Вы — моя мама? Что вы сказали? Вы — во всем, вы — во всем, и никто

ничего не знает? Никто ничего не знает! О, как у вас красиво! Какие багряные облака! Что за шум? Такой шум стоит обычно в моей конторе. А-а, они тоже здесь? Нет, я не хочу к вам. Все говорят, что ничего этого нет! Спросите кого угодно! Люди не знают? Никто ничего не знает?! Боже, я боюсь! Вон то синее облако... Я подарю его Ирине... Прости меня, Боже, ты же всем все прощаешь! Боюсь, я очень боюсь и ничего не знаю, никто ничего не знает; любовь — это и есть Бог, — говорила мне в детстве мама, когда я спал, вот тогда у мамы был твой голос. Это я знаю — и больше ничего... И если любовь — с тобой, с тобой — Бог! Вспомнил, Дева Мария, со мной Бог! Боже, помоги! С нами Бог!? И все-таки мне страшно! Я не хочу с Ириной отбывать наказание в далеких краях! Тогда? Тогда я был юнцом, глупый был! Не хочу! Прости меня! Ирину жалко. В контору? Нет, лучше останусь, но без Ирины, Ирину жалко. Прости мне, Боже, мою мечту. Ты всем все прощаешь. Я не хочу обратно. Что происходит? Всякие ужасы. Утром я не могу открыть дверь. Потом я встречаю батони Евгения, того самого, который в лаптях пришел в Тбилиси, а теперь — профессор. А еще потом — наша контора, темная, сырая, холодная, и наш заведующий... Каждый день хожу в министерство, ношу туда документы. А это не документы вовсе, а деньги. Но я не могу никому сказать об этом! Одно и то же, каждый день одно и то же. Не могу! Я — никто, я — ничтожество! Никто ничего не знает, Боже! «Тебе, Гия Бакрадзе, довольно мучений, отныне ты будешь пребывать на острове...» Прости, помоги мне, Дева Мария. Не могу повторить... Эз-мос... На острове Эзмос... «Ты, Гия Бакрадзе, долго терпел... ты обрел душу свою». Вижу вокруг море. Белые корабли. Этот дом... Этот замок... Это Эзмос? «Тебе, Гия Бакрадзе, искать и находить залежи ископаемых. Отныне не будет ни твоей работы, ни ежедневного рубля на столе, ни министерства и заведующего, ни каждодневной скуки — ты свободен на земле и на море. Ищи богатства для грешных детей земли». Боюсь, Богородица, Дева Мария, боюсь, Боже! Боже, да святится имя Твое! Ирина! Мечта моя! Боже! За что? Люди знают? Никто ничего не знает! Никто ничего не знает, никто! Гляди, какой лес, Ирина! Оста-

немся здесь... Этот замок наш, Ирина! На тебе то самое зеленое платье, которое я так любил... Смотри, какое небо, смотри!

34135340
3034110333

* * *

— Гия, вставай, сынок, не опоздай.

«Боже»... — подумал Гия.

— Все утро ты повторяешь имя Ирины. Встань, сынок, еда в холодильнике, рубль на столе, не забудь про газ. Позавтракай. На обратном пути не забудь купить хлеба...

— Тебе, конечно, тепло в тужурке, — сказал дядя Сако. Гия не обратил на него внимания, и тот удивленно пожал плечами: что с ним?

Мимо пробежала знакомая девушка и обиделась, что Гия не проводил ее взглядом.

— Гия, нет тридцати копеек?.. Слушай, что с тобой? — удивился Миша, когда Гия даже не взглянул на него.

— Здравствуй, Гия, здравствуй!

— А-а-а, батано Евгений! У меня ничего нового, хотя жизнь сегодня движется таким темпом, что не удивительно, если произойдут какие-то изменения. Я знаю, вы пришли из деревни в лаптях, а теперь вы — в кожаных туфлях. Других изменений в нашей жизни нет, — нервно выпалил Гия.

— Наверняка перепил, — подумал батони Евгений, вообще-то обидевшись на Гию.

— Ух, чуть было не подох вчера. Начали пить стаканами... — рассказывал Миррианович. — А, Гия, хорошо, что пришел. Надо идти в министерство.

— Да ну тебя...

— Что ты сказал?

— Не пойду.

— Ты пьян?

— Да, вчера немного выпил и...

— Ну и что? Я всю свою жизнь пью... Так вот... отнеси эту папку.

Гия взял у него папку и вышел. Было холодно. Гия посмотрел на небо... и по щеке его скатилась одинокая слеза.

Перевод Д. РОБАКИДЗЕ

Исак Мегрелишвили — уроженец Кутаиси. Военным врачом прошел по дорогам Великой Отечественной. Потом жил и работал в Тбилиси. Двадцать лет назад уехал за границу, живет в Берлине.

Публикуемые стихи написаны на грузинском языке. Напечатаны в Израиле и в Грузии.

Прощание

Прощай, лазурь над зеленью дорог!
Я уйду. Пути конец ли, старт ли?
Прощай, моя земля — Кахети, Картли.
Рос бусинки. Коджорский ветерок.

Прощай, лесов платановая даль.
Скопленья скал. Озер хохлатый берег.
И мутная Кура, и чистый Терек...
Стих первый и последняя печаль!

Пшав-Хевсурети, Гурия... Всерьез —
зачем я еду?! Вот моя Лечхуми,
моя Сванети... Полон я раздумий.
Глаза мерцают, влажные от слез.

Гелати. Храм Баграта — стены, кровь.
Лихой Риони. Кутаиси, Фазис...
Здесь юные мечты мои остались.
Смогу ли я увидеть это вновь?!

Веселый дождик, шумная гроза.
Цвет персика, ткемали и граната.
Земля Эдема грезами объята.
От груза гроздьев согнута лоза.

Вино. Марани. Тайнство чурчхел.
Кому — шушхуна, а кому — боржоми...
Поет зурна. Лекури — в каждом доме.
Сразись с карачохели, если смел!

На всем лежит прощания печать.
Кинто. Шарманка. Долгое застолье.
И гор, и моря Черного приволье...
От мыслей горьких я готов кричать!

Вот ласточек я вижу, голубей.
Мелькает перед взором непрестанно
грузинских женщин очертанье стана...
Тоска моя — все глубже, все сильнее.

О детство! Память ярких снов и слов.
И первый трепет, первые свиданья...
Вам отдаю сегодня сердца дань я —
снежинки, хлопья и метель стихов!

Мой Николоз! И мой Галактион!
Мой Пантеон... Моя гора Давида.
Плыву без парусов. Влечет планида.
Где ночь я проведу, опустошен?

Прощай, родной Тбилиси! Рвется нить.
Я песне о тебе в печали внемлю.
Где в мире мне найти такую землю?!
И как же боль прощанья притупить?

Прощайте, братья, сестры! Навсегда?
Не знаю... Небеса ко мне не милы.
Прощайте, предков скорбные могилы.
Затмилась мглой судьбы моей звезда...

Покоя нет. Последняя черта.
И тает Мцхета в полыханье белом...
Паломничество сделал я уделом.
Смешно, наверно: я-то не Шота!

Клянусь, я не изменник. наших уз
не разорвать. Прости, земля родная.
В Израиль еду, к братьям, сознавая,
что я к тебе когда-нибудь вернусь.

Прощай, прощай, гористый отчий край!
И пусть в меня твоя вошьется сила...
Ты, Грузия моя, меня взрастила —
и сына за уход не упрекай!

На улице Герцеля Баазова

Иду я, молясь...

Аленби? Дизенгоф?¹

Нет! Улица тихая стала твоею.

О встрече я с мастером из мастеров
надежду в истерзанном сердце лелею!

С Сибири ли спрос?

Каземат и — статья.

И гнев палача, и неписанный жребий...

А в море легенда грохочет твоя.

А голубь рисует лицо твое в небе.

Твой свет озаряет меня. К рубежу
мне двигаться долго, смиряя невзгоды.
Твой голос я слышу и молча гляжу
на памятник...

Герцель, осиливший годы.

Сегодня украшен тобой Тель-Авив.

Израиль тобой возвеличен сегодня...

Мы грезим о мире,

и это — не миф,

стремленье народов и воля Господня!

Вы черных времен избежать не смогли —
Гелатская улица,
Ахасаола...²

Но всё же достигли мы этой земли.

Живем мы. И вот оно — улицы соло!

Мы заново древний возводим очаг,
и в завтра свое мы позерили сердцем...
Вернулись.

Прошли мы сквозь гибель и мрак.

Сегодня живет в Тель-Авиве и Герцель!

¹ Аленби, Дизенгоф — названия центральных улиц Тель-Авива.

² «Конец Гелатской улицы», «На развалинах Ахасаолы» — повесть и пьеса Г. Баазова.

Из мертвых восстанет.

საქართველოს
ლიტერატურის

«Я мечтаю, чтобы ежегодно, когда меня уже не будет на этом свете, в октябре, месяце моего рождения, отправляясь во Мцхета, грузинка-мать зажигала бы свечу в маленькой молельне и в молитвах вспоминала меня. Ничего больше не прошу я у Грузии».

Григол Робакидзе.

Я ищу твои в грешном Берлине,
отшельник,
следы.
Здесь бродил ты
в раздумье о судьбах родного народа.
Сквозь туман вижу свет —
силуэт до небесного свода.
Так в молчанье ночное вонзается луч от звезды!

Здесь последний свой шаг
ты впечатал в поверхность земли.
Даже добрых людей сокрушают невзгоды и годы...
Ты стоишь над мифическим временем —
бурные воды
с вулканической справиться мощью твоей не смогли.

Я ищу тебя здесь.
Это сделалось главным в судьбе.
И во мне пробуждаются древние души халдеев...
Почему же
ты жил на чужбине,
сомненья развеяв?
Слышишь?
Меги и Миндиа плачут опять по тебе...

Не хотел ты смириться с тяжелым уделом раба?
И с дороги свернул?
Добровольным утешился пленом?
Уживались в тебе удивительно —
ангел и демон.

საქართველოს
საქართველოს

Ты манил.
Ты пылал.
А в груди не стихала борьба!

Я твоей «Убиенной души» не снимаю креста.
Вот и Торгва...
Опять — с вероломными бьется врагами...
Крест Нино из лозы,
перевязан ее волосами...
Снова кровь на «Змеиной рубахе».
Потом — пустота.

Я не верю,
чтоб зло в этом мире взошло на престол,
чтоб его завертели враждебные людям стихии...
Но скажу лишь одно:
жизнь и смерть — это сестры родные.
Все погибнет —
из мертвых восстанет великий Григол...

Пусть могила твоя —
от погостов родных вдалеке.
Месяц зрелости.
Полный подол.
И — молельня во Мцхета.
И желанье твое исполняется:
в отблесках света
мать грузинская входит в нее со свечою в руке.

Берлин, 1986.

Перевод Натана БААЗОВА

Акакий БАКРАДЗЕ

УКРОЩЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ

От автора: Во второй половине 70-х годов я читал лекции в университете. В 1983 году решил на основе этих лекций написать книгу. Получилась довольно объемистая книга, которую я назвал «Укрощение литературы»¹... Работая над «Укрощением литературы», я отнюдь не преследовал цель корить или осуждать кого-либо, ибо откуда мне знать, как повел бы себя я, окажись в положении тех, о ком пишу. Никогда не знаешь, как ты поступишь, когда тебе протыкают уши иглами или отрывают половой орган, когда вешают за ноги или ломают кости железными цепями, когда сажают на бутылку или, словом, Бог ведает, какие еще муки для тебя ни придумают... Если ты все это перенес и не дрогнул, тогда у тебя есть право смотреть на других осуждающими или прощающими глазами. А нежась в постели в полной безопасности, легко выступать судьей и изображать из себя честного человека.

Мне просто хотелось на основе документального материала воссоздать картину того времени и обреченного в то время человека (в первую очередь писателя).

Сегодня стало возможным издание «Укрощения литературы». Иным читателям, правда, она может показаться устаревшей, но интересно то, что многие события развивались именно так, как я предполагал.

¹ Издательство Общества Ш. Руставели «Саранги», Тб., 1990 г. Публикуются фрагменты книги.

...Да, но какая литература не делает своими героями благородство, любовь, доверие, долг, красоту, добро? На земле нет и не было литературы, которая не воспевала бы и не воспевает упомянутые выше чувства и качества. Если это так, то чем отличается советская литература от литературы, ей предшествовавшей? К чему литературе принцип партийности? И, вообще, что такое социалистический реализм?.. Ни в одной стране так не борются на словах с формализмом и абстракционизмом в литературе, как в Советском Союзе, и ни в одной стране нет на деле такой формалистической и абстрактной литературы, как в Советском Союзе.

Это естественно. Сегодня советская литература теоретически признает принцип партийности, а практически пытается избежать его.

Несоответствие, антагонизм между теорией и практикой породили советский абстракционизм.

Партийная конъюнктура и ее результаты

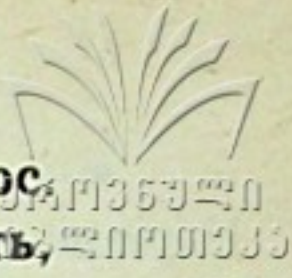
Партийная литература без излишних «творческих» усилий достигает цели. Достаточно зарифмовать постановление ЦК Компартии или какую-нибудь информацию, и стихотворение готово.

За виноградниками, в зеленом сердце гор
укрыт отряд ракет...
Что делать... Порой не попадают в сблако,
сейчас хотя бы пусть будут начеку.
Виноградники вновь колышутся синевой,
лоза вновь обвивает колышек,
в этом году ожидается хороший урожай,
только пусть подождет град...¹

Или вот пресса сообщила, что на реке Квириле установлены очистные сооружения, и Квирила больше не будет загрязняться марганцем. Немедленно рождается стихотворение.

У времени и для тебя нашлось время
для вершения дел,

¹ Газ. «Комунисти», 1974, 11 августа. Здесь и далее переводы стихов подстрочные.

ладный парень, белый парень, вчерашний негритос,
Парень или Квирила¹, сейчас ты должен кричать,
сейчас ты должен гроыхать до
набережной Поти².

Такая же картина наблюдается в прозе. Допустим, ЦК Компартии постановил: объявить борьбу с негативными явлениями, т. е. расхитителями государственного имущества, взяточниками, комбинаторами и подобного рода злодеями. Коммунисты борются с негативными явлениями с первых дней установления Советской власти, но они тем не менее все более и более набирают силу. Позитивные явления явно уступают им, и никому не известно, чем это может кончиться. А усиливаются эти негативные явления потому, что они — порождение социализма.

Есть у Зощенко рассказ «Собачий нюх». У купца Еремея Бабкина украли шубу. Приходит агент с собакой. Народ, конечно, собрался. Собака начинает искать. Вдруг подходит к бабке Фекле с пятого номера. Бабка на колени. Да, говорит, шубу не крада, но пять ведер закваски и аппарат — это верно. А собака тем временем кидается к управдому. Управдом упал навзничь: шубу не крал, но деньги за воду собрал и на свои прихоти истратил. Собака уже перед гражданином из седьмого номера стоит. И он, в свою очередь, признается: шубы не крал, но в трудовой книжке год подчистил. Потом собака к купцу Бабкину подбегает. И Бабкин открывает свою тайну: он, оказывается, шубу у брата зажил. Народ — врассыпную. Собака наугад хватает двоих или троих — все оказываются виноватыми. Агент в восторге — поймать столько злоумышленников! Но тут собака кидается к нему. Агент падает на колени: «Я, говорит, на ваш собачий харч три червонца получаю, а два себе беру...» Зощенко заканчивает рассказ так: «Что было дальше — неизвестно. Я от греха поскорее смылся».

Рассказ написан в 1923 году. После Октябрьской революции прошло почти шесть лет, но пороки, которым коммунисты, якобы, сейчас объявили войну, уже тогда носили тотальный характер.

¹ В груз. яз. нет грамматической категории рода.

² Газ. «Комунисти», 1981, 10 января.

«— Я видел своими глазами, товарищи, — продолжал Карпов, — один из рабочих в башлыке, закончив работу, оглянулся по сторонам и сунул казенное долото в карман, а другой — фуганок увел...

— Неужели?! — люди обменялись недоуменными взглядами.

— К сожалению, да, товарищи, вам должно быть известно, что так безответственно разбазаривать государственное имущество просто недопустимо...»

Это — отрывок из романа Пантелеймона Чхиквадзе «Этажи», который был издан в 1934 году.

Еще одна цитата из романа:

«Сколько заводов строится, сколько производственных предприятий открывается, сколько всего чего, но с отсутствием жилья никак не справимся...» (подчеркнуто мною — А. Б.).

Разве не о том же сегодня твердят? И прекрасно, впрочем, знают, что ни один порок не будет искоренен, потому что все они изначально же присущи социализму. Но различного рода постановления все же принимаются — делается вид, что идет борьба с негативными явлениями. И романы пекутся по рецептам этих постановлений.

Партийная литература имеет одно непреложное свойство: она в высшей степени однообразна и не знает развития. Кем бы ни были написаны стихотворение или роман, когда бы ни были написаны — они обычно походят друг на друга, как близнецы-братья.

Пролетарский поэт писал в 1926 году:

**Машинист! Наливай:
я пьяница, я пью масло,
бойся моего гнева
и люби этот шум!
Зззз... Цкрит! Машинист!
Предупреждение ускользнуло от тебя,
ты опоздал налить масло,
и бумага порвалась...**

В 1937 году другой поэт продолжал:

**Идет атака. Машина
ревет в горах постоянно.**

ՀԱՄԱՅՆՈՒԹՅԱՆ
ՆԱԾԻՐԱԳՈՒՅՅՆ

Вот овраг... и изобилие
тянется в долине вдоль рельсов.

.
Так же разрывает с грохотом
туннели аммонал...

Третий поэт пел в 1940-м:

Тот завод, черный, пыльный,
покрывающий горы клубами дыма,
создает быстрым верчением машин
индустриальное творчество!

Так ревите вновь, машины,
что, как вихрь, радуетесь станкам,
Давайте, жмите, товарищи,
давайте жмите, давайте жмите.

В 1955 году четвертый поэт вторил:

Возвышаются на берегу Волги
победоносно,
счастливы приближением коммунизма
леса,
цемент,
каменный уголь,
кирпич,
песок...

По Волге
каждый день
со всех сторон
привозят
все это —
как составные коммунизма.

Пятый поэт, вдохновленный строительством, писал в 1976
году:

Протянутые в воздухе стальные канаты
ласкает заходящее солнце.
Если пролитый здесь пот попробуешь,
тебя умчат жеребцы экстаза.
Хлынула лава стройки
железом,

сталью,
щебнем,
цементом,
страстным желанием,
атакой,
стремлением,
скачкой во весь опор,
упрямством, настойчивостью.

Подобные стихи, к сожалению, писали все — и самые талантливые, и самые бесталанные. Прочитированные выше образцы приведены лишь для наглядного иллюстрирования партийной поэзии.

Поэты разных дарований, разного темперамента, разного мироощущения, стихи, написанные в разное время, — и совершенно одинаковое, единообразное, однородное настроение, пафос, содержание! Почему? Потому, что партийная литература имеет одно-единственное назначение: создать вокруг той или иной стройки (вообще мероприятия) ложный пафос лже-энтузиазма и лже-восторга. Для этого не требуется никакой мысли — достаточен ворох патетических возгласов: сталь, дым, щебенка, пыль, гул, грохот, атака, взрыв, давайте, нажмите, зззз, зкррринт, кирпич, песок, лес, порох, — и картина лже-труда и лже-энтузиазма готова!

Подобного рода эрзац-произведения — мертвая часть литературы. Можно возразить: ну и что, литература всегда идет рука об руку с макулатурой. Без макулатуры вроде бы и нет литературы. Это так, но в нашем случае опасность кроется в другом. В процессе свободного литературного творчества макулатура рождается произвольно. Действительно, не всегда ведь писатель может создать шедевр! Поражение обычно приносит боль, но в то же время обогащает опыт писателя, и он старается больше не спотыкаться. В советской литературе принцип партийности специально планирует и взращивает макулатуру. Принцип партийности литературы ставит целью создать своего рода литературный наркотик, который на время зажжет и возбудит общество или личность. Как и любое дурманящее вещество, литературный наркотик делает человека больным. Он вызывает самую тяжкую болезнь — умственное вырождение как отдельной личности, так и общества в целом.

Партийная литература совершает преступление не только перед обществом, но и перед собой.

Партийная литература быстротечна. Очень скоро она пре-
дается забвению. Сегодня народ не помнит, его попросту не
интересует не только «Загесиада» или «Самгориада», но и та-
кой мощный поток советской литературы как «Лениниана». Си-
ла и объемность партийной литературы призрачны. Впрочем,
на короткое время она может произвести впечатление, пора-
зить толпу. Но, как уже было сказано, быстро забывается. Та-
ким образом писатель, создающий такого рода произведения,
трудится впустую, его труд непроизводителен. А это не что
иное, как безжалостное разграбление личности и всей культу-
ры. Партийная литература не представляет никакой ценности
для духовной жизни будущих поколений. Ни одно поколение
не удовлетворяется духовной пищей, создаваемой современни-
ками. Оно пользуется и тем, что оставили в наследство его
предшественники. Что представляла бы собой духовная жизнь
современного грузина, не читай он сегодня Руставели, Сулхан-
Саба Орбелиани, Давида Гурамишвили, Илью Чавчавадзе, Ака-
кия Церетели, Важа Пшавела и других — отечественных или
иностраных писателей! Они обогащают и облагораживают наш
духовный мир, поскольку говорят с нами о человеке, о его
вечных радостях и печалях, нравственном возвышении и па-
дении, красоте и уродстве.

Партийный принцип довел до нищеты литературу вообще
и писателя в частности. Его труд стал нерезультативным.
Этот беспрецедентный эксперимент литература сносит с покор-
ностью и боится даже пикнуть в знак протеста.

Эксплуатация здесь двоякого рода — социальная и ин-
теллектуальная. Компартия как будто яростно борется с со-
циальной эксплуатацией, против присвоения плодов труда од-
ного человека другим, но ничего у нее с этим не получается,
ибо размножившиеся, как муравьи, государственные воры, ком-
бинаторы, взяточники, вымогатели и халтурщики присваива-
ют результаты труда честных людей, эксплуатируют их неслы-
ханнми дотоле способами. Не справившись с проблемой со-
циальной эксплуатации, Компартия довольно прочно утверди-
ла и эксплуатацию интеллектуальную. Когда человека вынуж-
дают говорить и писать то, во что он не верит, это самая что
ни на есть отвратительная интеллектуальная эксплуатация.
Почти девяносто процентов советских граждан не верит в то,
что они говорят или пишут. Если в античную эпоху существо-
вал институт социального рабства, то в эпоху социализма
возник институт интеллектуального рабства, явление страшное

в первую очередь для самого социализма. Историки, исповедующие марксизм-ленинизм, утверждают, что Римскую империю разрушило социальное рабство. Раб не был заинтересован в конечном продукте своего труда. Он уже не создавал материального богатства. Это подтачивало Римскую империю изнутри, и достаточно оказалось малейшего толчка извне, чтобы она рухнула, подобно карточному домику. Если социальное рабство привело к такому результату, вообразите, что повлечет за собой рабство интеллектуальное? Сегодня в СССР никто не желает трудиться. Почти каждый стремится путем различных махинаций избежать настоящей работы. И пока это удастся: все тунеядцы живут гораздо лучше, чем труженики, работяги. Выход из этого положения коммунистам видится в пропаганде труда, и они заставляют писателей воспевать труд. Но так легко эту проблему не решить.

Правда, человек должен бороться с засухой, собирать высокие урожаи, строить железные дороги, разбивать сады и виноградники, но прежде всего он должен ясно и четко сформулировать для себя и для других, кто он, что он за человек, каким идеалам служит. В этом ему обязаны помочь искусство и литература. Если литература ограничит нравственные достоинства человека лишь победой над засухой, большим урожаем, строительством завода или осушением болот, она никак не сможет способствовать его духовному возвышению. Напротив, она унижит человека. Мелаша, персонаж романа Бориса Чхеидзе «Ферро» — большая активистка, она строит завод. Но сегодня никто не помнит ни роман, ни его героя. Они ничего не значат для духовной жизни нашего сегодняшнего общества. Отарова вдова Ильи Чавчавадзе не работала на колхозных полях, не строила заводы, но она по сей день оказывает влияние на наш духовный мир, учит нас любви и труду, является эталоном женщины. Мне могут возразить, что все дело тут в различии писательского дара Ильи Чавчавадзе и Бориса Чхеидзе. На мой взгляд, не это решающее. Решающее — в принципе отношения писателя к человеку. Бориса Чхеидзе, исповедующего принцип партийности литературы, Мелаша как человек не интересует. Он пытается нарисовать образ Мелаша-строителя. Для Б. Чхеидзе и подобных ему писателей главное — строительство завода. Поэтому нравственная функция Мелаша ограничена, и читателю остается только ее дело, которое никакого воздействия на него не имеет. Для Ильи Чавчавадзе главное — человек, его боли и радо-

сти. Эти боли и радости действуют на читателя, вводят его в эмоциональный мир Отаровой вдовы. А эмоциональный мир героини обогащает душу читателя, облагораживает его, заставляет думать, учит любви и сочувствию. Мы можем этого и не заметить, но после прочтения «Отаровой вдовы» в наших душах так или иначе что-то меняется, мы становимся другими. Оставить вот такой, как будто незаметный след в читательской душе и есть задача писателя, а это случается лишь тогда, когда встречаются два человека в лице читателя и персонажа, и между ними устанавливается постоянный контакт. Со схемой, созданной по пропагандистской модели, такого контакта не установишь.

Когда нравственное достоинство человека оценивается его повседневной практической деятельностью (причем зачастую весьма сомнительного свойства), а все другие, более высокие критерии утрачены, когда человек не задумывается над проблемами жизни и смерти, разума и безрассудства, чести и бесчестия, красоты и уродства и подобными им, ограничиваясь лишь вопросами мелкими и преходящими, он погрязает в болоте безнравственности. А безнравственность рождает всяческое зло.

С погружением советского общества в болото безнравственности литература робко заговорила о духовных ценностях. Персонаж «Закона вечности» Н. Думбадзе, прикованный смертельной болезнью к постели, увидел во сне Христа.

«...Тогда Бачана опустился на колени, поклонился ему и сказал:

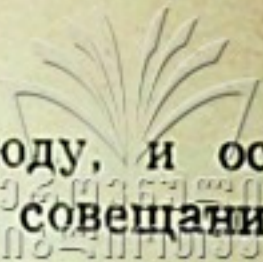
— Увидел тебя и уверовал».

Находящемуся при смерти Бачане Рамишвили приснился не Ленин, а Христос. И это естественно, Ленин не в состоянии утешить человека в его последние минуты жизни. Более того, сам Ленин, умирая, наверное, молил Бога о помощи. И теория социализма-коммунизма также ничем не может помочь человеку в момент расставания его души с плотью.

Марксизм-ленинизм ничего не смог дать душе человеческой, и она, изголодавшись, повернулась назад, к христианству. И литература вынуждена искать в нем нравственный идеал.

Это окончательное идеологическое поражение марксизма-ленинизма.

Сегодня ни один мыслящий человек искренне не верит в марксизм-ленинизм. Поэтому во всем мире нет такого теоретика, который мог бы углубить это учение, развить его

дальше. Собрания коммунистических партий повсюду, и особенно в СССР, носят характер производственных совещаний.

Теоретическое развитие марксизма-ленинизма уже невозможно. Лишенный нравственного начала, он опирался на примитивный взгляд: с решением экономических проблем решаются все остальные проблемы. История показала, что это не так. Решение экономических проблем, оказывается, не разрешает остальных вопросов. Но время ли поднимать остальные вопросы, когда экономические все еще не решены?! СССР остался далеко позади развитых стран. В каком состоянии его экономика, видно по пустым полкам магазинов, глубокие исследования тут не требуются. Пустые магазины — красноречивое доказательство, которое не опровергнуть демагогическими речами, хотя такие попытки и делаются.

«Низкие зарплаты?! Проблема мяса?!» — усмеваются скептики, циники, фомы неверующие.

Да, именно так. Существует и эта проблема, и та. Есть и другие трудности. Но, во-первых, кто сказал, что социализм — это жизнь в роскоши с молочными реками и кисельными берегами? Те, кто так думает, пусть обратятся хотя бы к ранним работам Маркса, перечитают Ленина, вспомнят высказывания товарища Брежнева» (газ. «Литературули Сакартвело», 1980, 7 марта).

Значит, социализм — не жизнь в роскоши, не материальное благосостояние. Ничего другого, кроме как накормить до сыта, не обещал он изголодавшемуся пролетариату и того не выполнил. Это лучше других ощутил сам пролетариат, что касается верхушки КПСС, то для нее существуют специальные магазины.

Должен напомнить читателю, что эта проблема отнюдь не нова. Бедность коммунистического общества и его нужды в начале 30-х годов поэт оправдывал так:

**Для неотложного строительства коммунизма
используем цифры и законы книжек.**

И пусть никто не говорит:

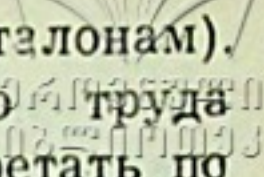
— Почему темп такой жестокий?

И то:

— Почему провизия распределена по книжкам?

**Миллионы пусть сперва возмужают с нашим трудом,
Потом поймем, что это за темпы.**

Однако так и не поняли. Полвека прошло после опубликования этого стихотворения — темпы нас не спасли. продо-

вольствие и сегодня распределяется по книжкам (талонам). «Неслыханные победы и успехи» коммунистического труда привели к тому, что сахар, масло, мясо можно приобретать по талонам, причем мясо разрешено есть только трижды в год — первого мая, седьмого ноября и первого января, а сыр и вовсе не купишь ни за какие талоны. Все это, очевидно, диктуется заботой о здоровье советского гражданина. А коммунистическая элита в самоотверженном служении народу ежедневно ест мясо и сыр из спецмагазинов.

Скоро советский гражданин будет покупать и хлеб по талонам. Мы перейдем, таким образом, к самой прогрессивной форме торговли. Недаром один доцент университета поучал нас со страниц газеты «Комунисти»: «Раньше ведь крестьянская семья выпекала хлеб в неделю раз, и наш народ ел в основном черствый хлеб. Надо помнить, что потребности человеческого желудка и здоровья не соответствуют друг другу. Свежий горячий грузинский хлеб приятен на вкус, но тяжел для переваривания». Воистину неслыханного расцвета достигла грузинская наука, окруженная заботой компартии.

В стране, где запрещено мыслить, где в почете слепая покорность, ничего нельзя привести в порядок. И, в первую очередь, наверное, экономик, ибо экономике более всего нужны умные люди, свободные личности, свободная и честная деятельность. А в СССР именно со всем этим борются...

Можно привести еще один пример поворота к нравственному идеалу христианства.

25 июня 1976 года К. Лорткипанидзе опубликовал в газете «Литературули Сакартвело» новую главу «Зари Колхиды». В этой главе Талико, дочь кулака Барнабы Саганелидзе, просит секретаря сельской комячейки Бачуа Вардосанидзе принять ее в комсомол. Бачуа обещает рассмотреть ее просьбу. Но ставит ей ультиматум: «Если хочешь быть с нами, ты должна раз и навсегда порвать с этим кровавым капитализмом!». Талико приходит в замешательство. Она не понимает, что общего у нее с капитализмом и как надо порвать с ним. Поэтому робко спрашивает Бачуа: «Скажи как, и я...» На что секретарь комячейки жестко отвечает: «Ты должна уйти от отца». Талико широко раскрывает глаза и растерянно спрашивает: «А при чем тут мой отец?» Разозлившись, Бачуа Вардосанидзе говорит: «И при том, и при этом! Если ты думаешь, что капитализм только в Англии, то глубоко заблуждаешься! А кто, по-твоему, твой отец Барнаба Саганелидзе!

Кулак, эксплуататор, пьющий кровь угнетенного класса! Брсь его, выходи на наши баррикады, и, я клянусь тебе, наша ячейка пересмотрит твоё заявление».

Обратите внимание, как писатель описывает реакцию Талико на слова Бачуа. «Меки увидел, как лицо и губы саганелидзевской дочери искривились в жалостливой улыбке. Что ей сказал этот парень, который учился с ней в одной школе, с которым она готовила уроки и играла в одни игры... Что он ей говорит! Неужто человеческое ухо можно оскорблять подобным?!»

А теперь послушайте ответ Талико:

«Как у тебя язык, Бачуа, повернулся сказать мне такое?! Чтобы ты знал, отец меня так любит, что я не то что не уйду от него, я жизнь за него отдам! Нет, Бачуа, да изрежь ты меня на куски, я этого никогда не сделаю! И потом, зачем тебе такой человек, который от отца родного отступится? Сегодня от отца отступится, завтра вас предаст! Отца небесного не пощадит! Прощайте».

Так кулацкая дочь одержала нравственную победу над комсомольцем. И в чьем романе? В романе писателя, который заявлял: «Никого другого, кроме большевика, я не считаю за человека».

Что послужило причиной подобной метаморфозы? Поражение коммунистического идеала и поворот к идеалу христианскому. В словах Талико, по существу, заключена мысль Иоанна Богослова: «Кто говорит: «я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец; ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, которого не видит?» Этой заповеди по меньшей мере две тысячи лет, но почему она прозвучала в «Заре Колхиды» только в 70-е годы? Потому что все увидели, куда завела социализм пропаганда безнравственности, и для его спасения вновь ухватились за отвергнутый коммунистами христианский идеал.

Сравните требование 30-х годов: «Тина — замечательный тип большевички, знаешь, что она мне сказала? Баяшвили дружит с моим отцом, а мой отец — замаскированный меньшевик и наш враг» (С. Талаквадзе «Перевал»).

Требование 70-х годов: «...И потом, зачем тебе такой человек, который от отца родного отступится? Сегодня от отца отступится, завтра вас предаст! Отца небесного не пощадит!» (К. Лорткипанидзе «Заря Колхиды»).

Так литература повернулась к христианской нравственно-

сти. А это свидетельствует о победе общечеловеческого, гуманистического идеала и отрицает принцип партийности литературы.

Поворот к христианскому идеалу — один из способов обойти принцип партийности литературы. Есть и другие.

Когда талантливый писатель хочет избежать пресловутого принципа, он обращается к аллегории, либо переносит действие в прошлое. Для примера можно привести роман «Дата Туташхиа».

Все согласятся со мной, что в «Дате Туташхиа» нет никакой необходимости в историческом фоне. Среди персонажей романа мы не встречаем ни одного исторического лица. Проблематика его также не обусловлена историей. Почему же автор предпочел перенести действие в прошлое?

Дата Туташхиа стал абрагом случайно. Он смертельно ранил своего приятеля Андриевского, который, кстати, ни в чем его не обвинял и, более того, категорически возражал против возбуждения уголовного дела. Но полиция все же стала разыскивать Туташхиа, и он вынужден был уйти в разбойники. Несколько лет Дата разбойничал, сохранив при этом высокую нравственность и благородство.

Для советского человека подобная судьба абсолютно исключается. Советский гражданин не может податься в разбойники. В грузинской советской прозе разбойник как персонаж присутствует только в рассказах Н. Думбадзе, время действия которых совпадает с годами мировой войны. Они, как правило, преступники и злодеи, поскольку не хотят бороться за Советскую власть. Других случаев, когда протагонист выступает в роли разбойника, грузинская советская проза не знает. И не может знать, ибо советский гражданин-разбойник — непременно преступник и должен понести наказание. Советский гражданин и благородный разбойник, подобно нашему народному герою Арсену, носитель высокой нравственности и борец против зла — это невозможно себе даже представить. Разбойничество, как бы оно ни проявлялось, это социальный, политический, национальный протест, а советскому человеку зачем протестовать? Советская власть — это его власть. Как бы она его ни угнетала, как бы ни унижала — социально ли, политически или в национальном отношении — все равно это власть советского народа. Угнетение, унижение, несправедливость, хищения, рост цен, нехватка продуктов — все для блага советского народа, все результат заботы о нем. Как же можно

протестовать против власти, так заботящейся о народе? На каждом шагу лозунги убеждают нас, что планы партии — это планы народа, что у партии одна великая цель — забота о советском народе, что партия и народ едины. И тот, кто восстанет против такой партии и такой власти, — преступник и злодей. Поэтому и не мог появиться на свет советский Дата Туташиа.

Персонажи романа Элизбар Каричашвили, Сандро Каридзе, Дата Туташиа, Нино Тавкелашвили и другие в своих беседах затрагивают национальные вопросы, говорят о настоящем, прошлом и будущем Грузии. А коммунистическая партия объявила нам — национальный вопрос решен раз и навсегда, и нечего тут голову ломать.

Между прочим, о народе-захватчике в романе говорится следующее: «Требуется невероятное напряжение сил, чтобы захватить, удержать в своей власти, подавить сопротивление. И чем большее число народов подавляешь, тем более титанические усилия требуются для этого. Но ничего безграничного и неисчерпаемого под солнцем нет. И энергия народа-захватчика имеет свои пределы, она устает, истощается, ослабеваает. Народ-захватчик поначалу теряет способность подавления, затем самозащиты, а в дальнейшем смешивается с другими народами и исчезает с лица земли».

Мысль сформулирована четко и ясно: мощь России также ослабеет, она устанет, истощится. Империя распадется и будет вынуждена освободить поработанные народы. И грузинский народ станет свободным. Но советский грузин не произносит этих слов вслух. Ведь согласно официальной версии Российская империя давно прекратила свое существование. Существует СССР, в котором Россия выполняет функцию старшего брата и никого не угнетает в национальном отношении. А если иногда тебя стукнут по голове и дадут пинка, не стоит обижаться на старшего брата. Главное ведь братство и дружба между советскими народами, и долг каждого писателя воспевать — ложно, скучно и однообразно — это братство и дружбу.

В романе много других животрепещущих проблем, но для прояснения моей мысли достаточно и этой.

Проблематика «Даты Туташиа» по сей день жива и вызывает горячий интерес общества, о чем свидетельствует популярность романа. Мертвой, отжившей свой век проблематикой сегодняшнего читателя не заинтересуешь, как бы мастер-

ски не было написано произведение. Читатель живет сегодняшними болями, которые он и находит в романе «Дата Туташиа». А если действие романа разворачивается в прошлом, то это объясняется тем, что принцип партийности литературы не дает возможности и права для откровенного разговора.

И не имеет никакого значения, сознательно переносит автор действие романа в прошлое, или нет. Тем хуже, если он это делает подсознательно, значит, принцип партийности литературы настолько въелся ему в кровь и плоть, что он уже творит механически, под надзором автоцензора.

Так советский писатель различными путями пытается избежать рабства, которое несет с собой принцип партийности литературы.

«Мысль и слово — и то, и другое — божественные элементы в человеке и как таковые свободны сами по себе. И никому не дано считать свободу мысли и слова преступлением», — писал Пригол Робакидзе.

Что делать писателю, который хочет бороться за спасение души человеческой, а ему твердят — души нет, все — материально?

Что делать писателю, который хочет бороться за национальное освобождение, а ему твердят — все национальные проблемы решены раз и навсегда?

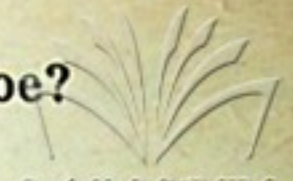
Что делать писателю, который хочет бороться за социальную справедливость, а ему твердят — все социальные проблемы давно разрешены?

Что делать писателю, который хочет обсудить какие-то философские вопросы, а ему твердят — все философские вопросы рассмотрены марксизмом-ленинизмом?

Он должен бороться, не покоряться, проводить свое даже ценою жизни. Другого пути нет. Все остальные уподобят его поэту, который в 40-х годах на сессии Верховного Совета ГССР выступил с речью в стихах:

**Потому я со страхом смотрю на карту,
огрызается на нас зверь из Уолл-стрита,
что два цвета остались на этой карте:
его — черный и наш — красный!
Эти два цвета, два мира,
идут двумя дорогами —
наш — для народа строит коммунизм,
его — свой народ продает на золото...**

А это означает смерть заживо.

Человек, основной предмет наблюдения и отражения литературы, безусловно, является представителем той или иной расы, нации, класса, партии. Он исповедует ту или иную религию, то или иное философское учение, придерживается тех или иных социально-политических взглядов, ведет ту или иную деятельность. Все это оказывает влияние на природу личности, ее черты и характер. Но при этом, что главное, человека отличает нечто общечеловеческое, которое является надвременным, надрасовым, наднациональным, надклассовым, надпартийным. Когда встает вопрос отношения человека и человечества, личности и общества, очень часто общечеловеческое приходит в столкновение с расовым, религиозным, национальным, партийным, классовым началами. Человек теряется в такой ситуации, ему трудно найти правильный критерий своих действий. Это вечное противоречие — один из основных предметов художественной литературы.

Борьбу, происходящую в душе человеческой, как и любой конфликт между личностью и обществом, литература всех времен и народов рассматривала с точки зрения взаимоотношения общечеловеческого и всех остальных явлений, отдавая в силу своего гуманистического принципа предпочтение общечеловеческому.

Проследим это на примерах.

Илья Чавчавадзе в рассказе «Николоз Госташабишвили» рассказывает следующее: грузины воюют с персами. Один храбрый перс убил несколько грузинских воинов. Грузины в ужасе: неужели никому не удастся одолеть его? Решено было найти Николоза Госташабишвили. Его вытащили из жаркой схватки и поведали о беде. И указали на храбреца-перса, который носился по полю боя, истребляя грузин. Делать нечего, Николоз Госташабишвили должен был схватиться с врагом. Начался поединок. «Госташабишвили верхом на коне бросился к нему, схватил, пару раз потрянул с силою и выкинул из седла. Тот грохнулся оземь так, что не смог сразу подняться. Госташабишвили соскочил с коня, поднял перса и сказал:

— Не бойся, голову я тебе не отрежу. Я прощаю тебя за твое мужество. Грех убивать тебя. Иди с миром.

— Ни от кого другого я бы не принял подобной милости, кроме как от тебя, — отвечал перс и, поприветствовав Госташабишвили, пошел своей дорогой».

Как видим, общечеловеческое здесь одержало верх над национальным. Николоз Госташабишвили увидел в мужестве перса то очарование общечеловеческого, которое примиряет всех людей. Национальная рознь не ослепила Госташабишвили. Война не смогла притупить в нем чувство единства с человечеством. Тем самым Госташабишвили продемонстрировал величие своей человеческой природы и истинное мужество. И перс понял его, потому что величие его души не уступало его мужеству. В знак благодарности он покинул поле боя. Так добро победило зло, великое чувство прощения — низменное чувство отмщения, общечеловеческое — национальную рознь.

В романе Виктора Гюго «Девяносто третий год» мы становимся свидетелями такого события: между республиканцами и роялистами идет ожесточенная схватка. Верный королю маркиз де Лантенак терпит поражение. Республиканские войска окружают его крепость, но им не удается захватить маркиза. Верные люди помогают ему бежать. В крепости остается один Иманус. Он оказывает врагу последнее сопротивление, давая возможность маркизу выиграть время и выйти на свободу невредимым. Перед самой смертью ему удается поджечь крепость. А маркиз тем временем потайным ходом проникает в лес, где ему ничто не угрожает. Республиканцам не догнать его. В этот момент он слышит страшный женский крик. Это Мишель Флешар увидела объятую огнем крепость. Окна ее были открыты, и стоящая на пригорке Мишель смотрела на трех своих детей, беззаботно спавших в библиотеке. Женщина в ужасе звала на помощь, но тщетно. Солдаты-республиканцы стояли в полной растерянности перед железными воротами крепости, которые, казалось, были неприступны. А огонь между тем усиливался. Дети были обречены. Вокруг раздавались стоны бессилия. Целая армия бездейственно наблюдала, как смерть подступает к невинным созданиям.

Маркиз обернулся на женский крик и все понял. Какое-то время он стоял, понутив голову, потом решительно направился к потайному ходу. Он спокойно прошел мимо онемевших солдат-республиканцев, вынул ключ из кармана, открыл железные ворота и бесстрашно шагнул в бушующий огонь. Через несколько минут он возник в окне библиотеки. Языки пламени уже лизали стены комнаты. Лантенак спустил с окна лестницу. Солдаты бросились к ней. Маркиз по одному передал им троих детей Мишель Флешар, постоял, задумавшись о своем, потом спустился сам. Республиканцы арестовали маркиза де Лантенака.

Аристократ, роялист вернулся назад в пылкую крепость, чтобы спасти детей своей служанки. Общечеловеческое одержало верх над классовыми предрассудками, победило классовые различия, противоречия, рознь.

Интересно, что глава, в которой описывается эта история, называется «В демоне — бог». Пробуждение, проявление общечеловеческого в человеке означает возрождение его божественной души. Все остальное в человеке — расовое, национальное, религиозное, классовое, партийное — от дьявела, оно должно быть одолено общечеловеческой любовью.

В романе Алексея Толстого «Хождение по мукам» на ростовском вокзале неожиданно встречаются свояки Вадим Роцин и Иван Телегин. Они находятся во враждующих лагерях. Роцин в рядах белогвардейцев сражается против большевиков. Телегин — служит в Красной Армии. Ростов в это время — в руках белых. На Телегине форма белогвардейского полковника. Он заслан в город в качестве разведчика. Так что рядом с Роциным на вокзале оказывается заклятый враг. Долг белогвардейского офицера — разоблачить Телегина и арестовать его. И это, действительно, первая мысль, какая приходит в голову Роцину. Но тут же возникает противоположная: Телегин свояк ему, и если его поймают, расстрела не избежать. Стало быть, он должен предать ближнего. Общечеловеческое побеждает в Роцине, и Иван Телегин спокойно покидает здание вокзала.

Можно ли представить подобный эпизод, поменяв героев местами — красный офицер Телегин не донес, не выдал белогвардейского офицера Роцина, засланного разведчиком в ряды Красной Армии? Нет, нельзя. Телегин не сможет поступить так, как поступил Роцин. Для большевика принцип классовой вражды превышает любви к человеку, уважения его достоинства.

Коммунист не имеет права не то что пожалеть партийного или классового врага, но и допустить мысль об этом. Классово-партийного врага коммунист должен немедленно уничтожить. Не задумываясь.

В рассказе Левана Метревели «Большевик» друг другу противопоставлены большевик Свимон и меньшевик Чачано (альманах «Арифони» № 1).

Они друзья детства. И революционной деятельностью занялись вместе. Им пришлось вынести немало испытаний, из-

бежать немало опасностей. Словом, они плечом к плечу боролись против царизма. Но потом их пути разошлись.

В Грузии установилась Советская власть. **Меньшевики** потерпели поражение. Чачано бежал, но спустя какое-то время вернулся в Грузию и занялся нелегальной антибольшевистской деятельностью. Чачано разыскивает ЧК.

Однажды, переодетый угольщиком, Чачано случайно попадает во двор дома, где живет Свимон. Свимон покупает у него уголь и вдруг признает в угольщике старого друга и нынешнего врага. Естественно, и Чачано узнал Свимона, но бежать уже поздно. Чачано вынужден последовать за Свимоном в дом.

А Свимон не знает, что ему делать — арестовать Чачано или нет, выдать его ЧК или нет. Вот такая дилемма, пишет Метревели, стояла перед Свимоном. Сам Свимон вспоминает: «Когда его схватили на улице с компрометирующими материалами, кто его спас? Разве не Чачано, сам находящийся в опасности! Он, как гром среди ясного неба, обрушился на полицейских, смертельно ранил обоих и вызволил его из беды. А кто переправил его за границу? Кто собирал по копейкам деньги? А за границей, когда он голодал, разве не тот же Чачано явился к нему ангелом-спасителем?.. А будучи заместителем министра при меньшевиках, разве не он, Чачано, приютил его у себя?»

Большевик Свимон колеблется — выдавать Чачано или нет. Чачано замечает это, выходит, спускается во двор, но у ворот ему преграждают путь чекисты. Оказывается, чекисты следили за ним, и Свимон тут ни при чем. Он не выдавал Чачано, однако Чачано уверен в обратном. Наверняка Свимон позвонил в ЧК, когда выходил в другую комнату. Арестованный Чачано строит планы, как отомстить Свимону за предательство. Ему удастся передать весть о себе на волю, своим партийным товарищам, и потребовать наказания Свимона.

Ночью товарищи Чачано по партии подстерегли на улице Свимона, схватили и спрятали в подвале. Если хочешь жить, сказали они ему, назови всех меньшевиков, тайно сотрудничающих с вами, а также кто кого предал и по какому делу. Свимон не выполнил их требования. Меньшевики убивают его. Перед смертью Свимон напишет: «Большевики не умеют предавать. А смерти они не боятся».

Как видим, на большевике Свимоне нет вины. Он только чуть-чуть раздумывал, когда оказался перед необходимостью

стью ареста друга. И, несмотря на колебания, все же принял решение в пользу его ареста.

«Разве это годится, что он не успел арестовать Чачано? Он ведь обязан был выдать изменника и предателя ценой стольких жертв завоеванной власти трудящихся. Отпусти он его с миром, он совершил бы тягчайшее преступление против трудового народа, не выполнил бы святейшего долга перед страной».

Л. Метревели был уверен, что создал образ нестигаемого большевика, но он ошибся. Коммунистической литературной критике Свимон не понравился. Вот, что писал публицист Григол Мушишвили:

«Для читателя очевидна беспомощность автора. Дружба или революция? Конечно же, революция! Разве можно здесь колебаться или раздумывать?! Для большевика тут нет двух мнений, большевик никогда не поставит так вопроса. Метревели тянет с этим вопросом, развивает, мусолит, читаешь сентиментальные, небольшевистские монологи Свимона и берет злость, к чему эти «бессмысленные шатания». Чувство дружбы подрывает большевистскую твердость... Большевик Свимон утрачивает большевистскую решительность. «Друг юности» готовит восстание. Свимон знает об этом, но почему-то раздумывает, он не по-большевистски бесхребетен. Ему недостает твердости мысли, решительности действий. Мещанское чувство дружбы берет верх над революционным чувством. И мы заявляем прямо: Свимон — не тип большевика (разбивка автора — А. Б.). Свимон — это сам Метревели, и у него нет ничего общего с истинным большевиком» (журн. «Мнатоби», 1928, № 3).

Г. Мушишвили четко формулирует принцип партийности литературы: писатель должен создавать образы механических людей, без слов и без раздумий выполняющих требования и постановления КПСС.

Вспомним эпизод из кинофильма «Мичман Панин». Панин связан с большевиками и принимает участие в спасении тринадцати революционеров, приговоренных к смертной казни. Ему удается поднять их на военный корабль и переправить за границу. Укрывая революционеров, мичман убивает боцмана. После прихода корабля в Гавр революционеры покидают его.

Капитану корабля становится все известно. Он обязан арестовать Панина, но знает, что каторги мичману не избе-

жать. Капитан прощает ему даже убийство боцмана и дает возможность бежать. «Я моряк, а не жандарм», — говорит он.

И здесь человеческое достоинство и солидарность поставлены над законом и долгом.

Можем ли мы представить себе капитана советского корабля, который сказал бы: «Я моряк, а не работник КГБ» и позволил бы бежать не разделяющему коммунистической идеологии мичману? Нет, не можем. Советская литература долж- функционера ставит над человеческим долгом.

В грузинском фильме «Тепло твоих рук» есть такой эпизод: меньшевики-гвардейцы приходят арестовывать большевика-революционера. Мать революционера не знает, как спасти сына, и в конце концов решается на единственное, что ей остается — раздевается в комнате донага. Она надеется, что среди гвардейцев не найдется человека, который так унизит себя, так оскорбит свое мужское достоинство, что войдет в комнату, где стоит голая женщина. Расчет матери оправдался. Гвардейцы оказались на высоте, не совершили недостойного их поступка. Революционер-большевик был спасен.

Можно ли представить, что работники КГБ или советской милиции, пришедшие арестовывать человека, не войдут в комнату потому, что там находится его голая мать? Нет, нельзя. И все по той же причине — долг функционера превышает всего.

Советская литература воспекает недостойных функционеров, которых называет положительными героями, совершая тем самым роковую ошибку. Но похоже, ее это не волнует. КПСС постоянно требует от советской литературы создать образ, достойный подражания. Но смогут ли недостойные люди быть достойными подражания? Конечно, нет. Человек сохраняет достоинство тогда, когда не является рабом расового, национального, религиозного, классового или партийного начала, когда для него превышает всего общечеловеческое. А советский человек выше всего (выше даже собственного достоинства) ставит классово-партийное начало. Достойный человек в литературе может появиться только в том случае, если литература будет рассматривать, изучать его натуру, поступки, действия с точки зрения общечеловеческого.

Человек создает литературу самого различного характера — религиозную, социал-политическую, философскую, юридическую и т. д. Но нигде не проявляется так общечеловеческое, как в литературе художественной.

И религия проповедует любовь к человеку, но к такому человеку, который исповедует ту же веру. Для христиан мусульмане — неверные, для мусульман — христиане. Между ними бывают острые столкновения, хотя теоретически и та, и другая религия призывают к любви к ближнему.

Одна из главнейших заповедей христианства — не убий. Но во имя распространения его было пролито море крови. То же можно сказать и о других религиях.

То или иное социал-политическое учение ставит своей целью благосостояние человека и человечества в целом, но сколько раз оно утверждалось огнем и мечом.

Русский социализм обещал человечеству: царство труда может быть установлено силами самих трудящихся, царство труда должно быть установлено на земле, а не на небесах¹, но для установления этого «царства труда» миллионы трудящихся пытали в тюрьмах и гноили в Сибири.

Между прочим, Анатолий Франс в свое время полностью разоблачил сущность революционного фанатизма в романе «Боги жаждут».

В Тюильрийском саду беседуют Эварист Гамлен и его возлюбленная Элоди. Эварист Гамлен по профессии художник, а по политическим убеждениям якобинец. Он член революционного трибунала, пославший на гильотину немало людей. Подобную жестокость он считает необходимой для спасения революции. Во время беседы Гамлена и Элоди ребенок лет восьми-девяти, кативший обруч, с разбегу уткнулся в колени Гамлену. Гамлен подхватывает ребенка, обнимает, прижимает к груди. Испуганная мать, поспешившая к ребенку, с надменным видом уводит его. Гамлен поворачивается к Элоди и жестко произносит: «Я расцеловал этого ребенка, а его мать, быть может, отправлю на эшафот». А до того, лаская ребенка, он говорил ему: «Я свиреп, так как хочу, чтобы ты был счастлив. Я жесток, так как хочу, чтобы ты был добр».

Вот так фанатизм уверен, что если во имя какой-то абстрактной революционной доктрины у человека убить родителей, жену, ребенка, брата с сестрой, его можно будет сделать счастливым.

Ничего не поделаешь, глупость людская не знает границ.

То или иное философское учение возникает опять же из

¹ Из речи Сталина, произнесенной 26 января 1924 года («Литературули Сакартвело», 1939, 20 января).

благородных устремлений принести благо человеку и человечеству, но сколько тут жестоких противоречий. Идеалисты уверены, что материалисты губят мир, а материалисты убеждены в обратном. Потому-то их взгляды односторонни и однообразны. Многокрасочный мир они пытаются подогнать к одноцветной, единообразной рамке и провозгласить это истиной.

Любого рода учение — религиозное ли, философское, социал-политическое или какое другое — рассматривает человека, жизнь, мир с точки зрения определенной доктрины или догмата. И только этот взгляд считается истинным, все противоположное — ложно. Игнорируется мысль мудрого человека: и соображение против любой истины истинно (Герман Гессе).

На протяжении всей своей истории человечество придумало массу «измов», но, по существу, дальше двух моделей построения общества не пошло. Если рассмотреть эти модели в чистом виде, можно увидеть, что общество в религиозном отношении либо теистично, либо атеистично, в политическом — либо демократично, либо в нем царит диктат, в социал-экономическом — либо частная собственность, либо коллективная; либо оно классовое, либо нет, а в философском — либо оно исповедует материализм, либо идеализм... Словом, все сводится к двум моделям, и побеждает то одна, то другая. Победа эта дается ценой большой крови, но главное все же остается недостижимым: человек так и не свободен ни от телесных, ни от душевных мук. И в нравственном отношении он вряд ли стал лучше. Его по-прежнему одолевают различные болезни, он по-прежнему боится смерти и по-прежнему совершает аморальные поступки — ненавидит, крадет, блудит, грабит, убивает, расточительствует, халтурит, занимается взяточничеством...

Литература, искусство — единственная область человеческой деятельности, которая пытается представить, нарисовать человека, жизнь, мир такими же многоликими и многокрасочными, какими они являются в действительности.

Естественно, это не означает, что литература не ошибается и всегда по достоинству выполняет свою миссию. Увы, она часто заблуждается. Слепо подчиняется той или иной доктрине. Становится прислужницей того или иного господствующего учения. Тем самым изменяет себе, теряет свою функцию. Если литература хочет сохранить свою независимую функцию, на все явления мира она должна смотреть с общечеловеческой точки зрения.

Открытое письмо

Фазилу Искандеру

«Письмо друзьям», опубликованное Вами в газете «Правда» от 2 и 3 декабря 1990 года, стало доступно миллионам читателей, среди которых имеются как многочисленные поклонники Вашего писательского таланта, так и лица, незнакомые с Вашим творчеством.

Вы задаетесь благородной целью — разобраться в том, что происходит в СССР, куда мы идем, откуда хаос, что делается в Абхазии, откуда националистическая ярость, что следует делать, и так далее, то есть разобраться в том, что нас всех волнует... Нельзя не согласиться с Вами, что «сегодня, пока не поздно, надо проявить взаимное благородство, отбросить старые обиды и начать жизнь с чистого листа», что «только безумные честолюбцы и преступники жаждут вражды. Первые хотят прославиться, а вторые надеются, что за общей свалкой забудут об их преступлениях».

Вы — тонкий психолог и в целом ряде случаев делитесь с читателем своими мыслями об оценке эпохи и о деятельности той или иной исторической личности, стараетесь разобраться в вопросах национальной психологии, высказываете свои интересные наблюдения. Нельзя не разделить Вашу точку зрения, что «чем меньше народ, тем большая ответственность за его судьбу ложится на каждого интеллигентного представителя народа. Каждый народ, даже самый маленький, — неповторимый узор на ковре человечества. Поэтому малость народа не должна порождать никаких комплексов. Наоборот, из самой малости народа вытекает предрасположенность к развитию собственной личности и личной ответственности». Да, хорошо сказано!

Конечно, при рассмотрении сложнейших проблем оценки нашей эпохи, нашего былого и настоящего, нами пройденного

и пережитого у Вас сложились свои взгляды и выработались свои подходы, с которыми, однако, не всегда и не во всем могут согласиться другие. Это вполне естественно. Я вовсе не собираюсь обсуждать, в чем Вы правы и в чем нет. Я хотел бы лишь поделиться с читателями впечатлением только от приведенных в Вашей статье сведений по истории Абхазии и грузино-абхазских взаимоотношений, так как в ряде случаев они способствуют формированию некоторых ошибочных представлений, что определенно не входит ни в Ваши и ни в чьи бы то ни было интересы.

Начну в той последовательности и в том порядке, как это представлено в Вашей статье.

Останавливаясь, как это Вы подчеркиваете, подробнее на абхазских делах, Вы говорите сперва о событиях, имевших место во второй половине XIX века, в частности, пишете о том, что правительство царской России осуществило переселение абхазов в Турцию в большом количестве, то есть касаетесь процесса, известного под названием «махаджирства». Однако материал подаете так, что у неосведомленного читателя может сложиться впечатление, будто бы на территории Абхазии грузинское население появилось именно тогда, во второй половине XIX века, в результате заселения опустевших земель, тогда как в действительности царское правительство не разрешало грузинам переселяться в Абхазию и способствовало заселению края представителями других национальностей. Что касается грузин, то они с древнейших времен проживали и проживают на данной территории и, равно как и сами абхазы, составляют коренное население этого края. Это во-первых. А во-вторых, поскольку Вы коснулись трагедии махаджирства в истории абхазского народа, то следовало бы подчеркнуть и то обстоятельство, что грузинская пресса того времени и вообще вся грузинокая интеллигенция во главе с И. Г. Чавчавадзе активно выступала против выселения абхазов в Турцию. Кстати, все эти вопросы соответствующим образом освещены в книге известного абхазского историка Г. А. Дзидзария «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия», изданной в г. Сухуми в 1975 году, однако, несмотря на ее наличие, к сожалению, широкой общественности даже в самой Абхазии о вышеотмеченных фактах мало известно.

Не совсем понятна Ваша позиция, вернее, Ваше отношение к вопросу причастности абхазского народа к антиколониальному движению, развернувшемуся в Российской империи.

Так, например, говоря о махаджирстве, Вы совершенно справедливо подчеркиваете, что главным виновником этой трагедии являлось царское правительство, а далее пишете: «Но тут я думаю, совиновниками являются и абхазские князья, которые обязаны были проявить гуманистическую гибкость и найти, подчиняясь ходу истории, общий язык с царской властью ради сохранения своего народа». Затем, отмечая, что по отношению к абхазам правители Российской империи стали употреблять формулу «виновного народа», Вы пишете, что лишь «позже Николай Второй снял с абхазцев этот странный выговор — за неучастие абхазцев в волнениях 1905 года». Как это все понять? Неужели Вы противник антиколониальной борьбы, имевшей место в Российской империи?

Далее Вы говорите о факте «закрытия абхазских школ» в 1945—1946 годах, отмечая, что позже, в 1954—1955 годах, после смерти Сталина и расстрела Берия, абхазские школы вновь были открыты. И в связи с этим совершенно справедливо подчеркиваете: «Но я всегда говорил и повторяю: нельзя путать действия администрации с народом, который она якобы представляет».

Действительно, реорганизация, осуществленная в 1945—1946 годах в системе народного образования Абхазии, вызвала возмущение среди определенной части абхазского населения. Воистину это трагическая страница в истории абхазского народа. Многие грузины говорили об этом не раз с большой болью и сожалением. Однако, полемизируя по вопросу существования абхазских школ, Вы явно ошибаетесь. Ведь по существу абхазских школ, как таковых, то есть средних школ с преподаванием всех предметов на абхазском языке, начиная с первого по выпускной класс, тогда не было, нет их и сейчас. Поскольку речь зашла об этом, следует, как говорится, расставить все точки над «и». До 1945—1946 годов абхазскими школами называли те, где преподавание на абхазском языке велось только в начальных четырех классах, а затем весь процесс обучения осуществлялся на русском языке, то есть преподавание всех предметов с пятого по выпускной класс велось на русском языке. При этом продолжалось преподавание абхазского языка и литературы. В 1945—1946 годах по предложению ряда абхазских педагогов и некоторых представителей абхазской интеллигенции, среди которых находились М. Буава, Б. Кациа, А. Марганиа, К. Гериа, А. Чочуа, М. Делба и другие, и была осуществлена ре-

форма в школах Абхазии. В первых четырех классах преподавание продолжало оставаться на абхазском языке, а в следующих — процесс обучения наряду с русским стали осуществлять на грузинском языке. Преподавание абхазского языка и литературы в старших классах отменили. В 1955 году восстановили прежнее положение. Подробнее обо всем этом заинтересованный читатель может узнать в статье В. Карчава «Чтобы доверие восстановилось», опубликованной в сухумской газете «Золотое руно» (№ 5 за 1990 год) на грузинском языке. Таким образом, абхазских школ в прямом смысле этого слова нет и сейчас. А ведь при желании за прошедшие несколько десятилетий абхазскими учеными и педагогами могли быть созданы учебники и учебные программы для преподавания предметов в средней школе на абхазском языке, то есть можно было создать действительно абхазские школы. Но, как говорится, принуждать их к этому тоже не следует, ведь это тоже было бы ошибкой... Во всяком случае, следует понять и грузин. Выслушивать постоянные упреки и напоминания об ошибке, допущенной властями, которая незаслуженно приписывается грузинскому народу, согласитесь, тоже оскорбительно и, в свою очередь, опасно, так как может повлечь за собой нежелательную обратную реакцию.

Говоря о грузинизации абхазов бериевской администрацией, которая, как Вы подчеркиваете, происходила на глазах Вашего поколения, Вы очень образно описываете эпизод Вашего пребывания в гостях у двоюродной сестры в Очамчире: Естественно, Вы с чувством большого сожаления говорите о том, как десятилетний сын Вашей двоюродной сестры, которая была замужем за грузином, провожая Вас на вокзал, просил говорить с ним не по-абхазски, а по-русски, чтобы другие дети над ним не смеялись. Оказывается, то же самое произошло и с Вашей тетушкой в этом доме.

Конечно, это сам по себе печальный факт. Но спрашивается, в чей огород этот камень? Разве это свидетельствует о грузинизации, или скорее говорит о русификации абхазов?

Далее Вы пишете о том, что рана в грузино-абхазских отношениях начала было залечиваться, как в Тбилиси появилась книга П. Ингорюва (а было это в 1954 г.), в ответ на которую, как Вы справедливо подчеркиваете, «взбурлила вся Абхазия». Да, действительно, абхазы «взбурлили». Но ведь все дело в том, что никто из протестующих (в том числе и Вы лично) этой книги не читали и толком не знали, что в ней

написано. Я вовсе не собираюсь выгораживать и в чем-либо оправдывать П. Ингороква. Многие из грузинских ученых высказали свою точку зрения по поводу этой книги, многие подвергли ее острой критике по целому ряду вопросов. Но, согласитесь, кому-то особенно захотелось из-за нее среди абхазов раздуть пожар, и, к сожалению, это удалось сделать. А ведь куда разумнее было бы подвергнуть книгу П. Ингороква научно обоснованной, аргументированной критике.

Кстати, следует отметить и то обстоятельство, что «бурлящие» в Абхазии, бросая необоснованные упреки в адрес грузинских ученых, почему-то обходят молчанием тот неоспоримый факт, что именно грузинским языковедам, грузинской школе языкознания принадлежит большая заслуга в области научного изучения абхазского языка.

Не буду более распространяться и перечислять все остальные неточности и спорные положения, высказанные Вами по вопросам истории грузино-абхазских отношений. История взаимоотношений грузин и абхазов с достаточной глубиной освещена в целом ряде специальных трудов грузинских ученых С. Н. Джанашиа, Н. А. Бердзенишвили, Г. А. Меликишвили, М. Д. Лордкипанидзе, Д. Л. Мухелишвили и других. Позиция грузинской историографии по проблемам древней истории Грузии и, соответственно, Абхазии, а также история периода раннего средневековья четко и ясно представлена в опубликованных в 1988 и 1989 годах на русском языке двух томах «Очерков истории Грузии». Первый том охватывает период с древнейших времен до IV века нашей эры, а второй том — период IV — X веков. Грузинский текст этих томов был опубликован еще в 1970 и 1973 годах. Так что заинтересованный читатель, в том числе и не владеющий грузинским языком, может познакомиться с результатами исследований грузинских историков непосредственно. Тем же, кого интересует история Абхазии, а равно и история грузино-абхазских отношений периода средних веков и XIX века, рекомендую обратиться к фундаментальным трудам абхазских историков З. В. Анчабадзе и Г. А. Дзидзария. Грузинскими и абхазскими учеными сделано очень много ценного и позитивного. А главное, сама история с древнейших времен до нашего времени наглядно свидетельствует об общности исторических судеб, тесном сотрудничестве грузинского и абхазского народов. И лишь в наше время, начиная с 50-х годов стали неимоверно разжигать-

ся страсти и нагнетаться атмосфера, что равно тревожит се-
годня всех нас.

Я бы не стал писать этого письма, если бы не ^{одно} об-
стоятельство. А именно то, что, к сожалению, у некоторых,
судя по абсолютно беспочвенным волнениям кем-то взбудо-
раженной толпы, сложилось ложное представление о том, буд-
то абхазы ущемлены и в чем-то притеснены грузинами, что
совершенно не соответствует действительности. Это легко до-
казать статистическими данными и множеством конкретных
жизненных примеров.

Да, Вы, уважаемый писатель, абсолютно правы, когда
пишете об огромной роли интеллигенции (особенно малых на-
родов) в формировании национального самосознания и урегу-
лировании межнациональных отношений. Да, это истинная
правда. Так пожелаем же и абхазской и грузинской интелли-
генции благотворной деятельности на благо абхазского и гру-
зинского народов.

Георгий ПАЙЧАДЗЕ,
доктор исторических наук, профессор

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ «МЕРАНИ»

ЦЕРЕТЕЛИ А. Избранное. Перевод с грузинского. Тби-
лиси, 1990, 316 с. 10 000 экз. 2 р.

В юбилейное издание к 150-летию со дня рождения клас-
сика грузинской литературы Акакия Церетели вошли лучшие
образцы лирики, получившие широкое признание, а также
поэмы «Торнике Эристави», «Натэла», «Наставник» и вос-
поминания автора.

**МАНДЕЛЬШТАМ О. Стихотворения, переводы, очерки,
статьи.** Тбилиси, 1990. 414 с. 100 000 экз. 6 р.

ПИЛЬНЯК Б. Человеческий ветер. Романы, повести, рас-
сказы. Тбилиси, 1990. 476 с. 100 000 экз. 6 р.

Рэм ДАВИДОВ

„Жертвовать всем, даже жизнью, для блага отечества“

165 лет отделяют нас от того студеного дня, когда лучшие сыны России вышли на Сенатскую площадь в Санкт-Петербурге, чтобы ценою жизни своей разбудить крепостную Россию. «Жертвовать всем, даже жизнью, для блага Отечества», — призывал участников декабрьского восстания 1825 года М. И. Муравьев-Апостол. Многие декабристы, как их нарекли в народе, были сосланы в Грузию, сроднились с этим краем, подружились с представителями грузинской литературы, общественной мысли, активно сотрудничали с ними, сделали много добрых дел для дальнейшего экономического и социального развития Грузии. Некоторые из них, как А. Корнилович, И. Бурцев, А. Сутгоф, Д. Искрицкий нашли в Грузии вечный покой, похоронены в Тбилиси, Гори, Боржоми, Цители Цкаро, другие, как М. Нарышкин, породнились с грузинскими семьями. Были и такие, чьи дети остались жить в Грузии. К сожалению, о многих декабристах, их женах, потомках, которые были связаны с Грузией, мало что известно, еще меньше написано и опубликовано. А ведь одно перечисление их фамилий, кратких биографических данных займет не один десяток страниц. Были среди них и рядовые солдаты, и мичманы, и офицеры, и генералы. О них, к сожалению, ничего или поч-

ти ничего не сказано и в трудах глубоко мною уважаемого Вано Семеновича Шадури, посвятившего декабристам несколько книг. По всей вероятности, смерть помешала ему продолжить работу над этой темой. По справедливому замечанию профессора М. Гернета, «о пребывании декабристов на Кавказе нам известно очень мало». Между тем в рядах Отдельного Кавказского корпуса в 1827 году насчитывалось не менее 2.800 солдат-декабристов. Кавказ слыл тогда «теплой Сибирью», так окрестил его Александр I.

Цель данной статьи восполнить пробел, допущенный отдельными учеными, вспомнить забытое, воскресить прошлое.

1. «ВСЕ ЗДЕСЬ ДЫШИТ ГРУЗИЕЙ...»

На моем столе два портрета. На одном — барон Андрей Евгеньевич Розен, член Северного тайного общества декабристов. На другом — его жена Анна Васильевна Малиновская, дочь В. Ф. Малиновского — первого воспитателя А. С. Пушкина в Царскосельском лицее. Она, подобно М. Волконской, А. Муравьевой, Е. Трубецкой и другим женам декабристов, последовала за мужем в Сибирь, оставив малолетнего сына на попечение своей сестры — жены генерал-майора, начальника штаба Отдельного Кавказского корпуса Владимира Дмитриевича Вольховского, который служил в Тбилиси. Находилась А. В. Малиновская-Розен в камере без окон в Петропавловском каземате, изображенном на одном из рисунков декабриста Николая Бестужева.

Рядом с портретами, на том же столе — книга А. Е. Розена «Записки декабриста», которая вышла в свет лишь спустя двадцать лет после смерти автора. Две значительные главы в этой книге посвящены Грузии. Они называются «От Кургана до Тифлиса» и «Грузия в 1836 году».

Андрей Розен — человек интересный, талантливый, пользовался в свое время заслуженным авторитетом, но в наше время, к сожалению, забыт.

...Вернемся мысленно в тот далекий декабрь 1825 года, когда русские дворянские революционеры первыми в России подняли вооруженное восстание против царского самодержавия. Был среди них и Андрей Розен. Он родился в Эстляндской губернии (нынешняя северная часть Эстонии) в 1800 году. В 1818 году окончил первый кадетский корпус и начал слу-

жить в лейбгвардии финляндском полку, где в чине поручика в 1825 году командовал взводом. В день восстания декабристов 14 декабря 1825 года поднял первый батальон своего полка, чтобы присоединиться к восставшим. Хотя Розену это не удалось, он все же помешал использованию батальона на стороне царских войск и поставил его на Исакиевском мосту, намереваясь поддержать восставших на Сенатской площади в момент решительной атаки. По процессу декабристов был приговорен к 10 годам каторги и последующему поселению в Сибири. В 1837 году был переведен рядовым солдатом на Кавказ, где находился до 1839 года. Вместе с А. Розеном на Кавказ была «переведена» последняя группа декабристов — И. Н. Одоевский, Н. Н. Лорер, Н. А. Загорецкий, М. А. Назимов, М. М. Нарышкин, А. Н. Черкасов и В. Н. Лихарев.

До них, во второй половине двадцатых годов XIX столетия, на Кавказ было выслано еще 65 «государственных преступников» и «прикосновенных» к восстанию, более трех тысяч солдат — участников декабрьского восстания и много других «неугодных» власти лиц.

Главная заслуга А. Розена состоит в том, что он первым довел до широких масс сведения о пребывании декабристов на Кавказе, в частности в Грузии; в 1884 году (в год своей смерти) опубликовал в журнале «Русская старина» (том 41) отрывки из кавказских воспоминаний Михаила Ивановича Пущина с собственным небольшим предисловием «Декабристы на Кавказе в 1826—1850 годах», 19 сентября 1878 года А. Розен писал, что работает над брошюрой под названием «Декабристы на Кавказе».

К сожалению, о жизни А. Розена в Грузии, его связях с представителями грузинской общественности известно крайне мало, а если и известно, то только узкому кругу историков и литературоведов. Между тем барон Розен оставил заметный след в истории Грузии, он всей душой полюбил грузин, старался оказывать помощь в разрешении их проблем. Прибыв 9 ноября 1883 года в Тифлис, А. Розен остановился в небольшой гостинице «Матассо», а не у своих родных. В книге «Одиссея недалеких дней» он писал: «Я не должен был остановиться у родных, в доме начальника главного штаба (имеется в виду В. Д. Вольховский.—Р. Д.), не потому, что он занимал второе место в краю, а я как рядовой стоял на низшей ступени чинов. Родство этого не разбирает; но еще в Чите я узнал, что генерал Н. Н. Раевский, командир Ниже-

городского драгунского полка, был арестован и послан на гауптвахту за то, что пригласил к себе на обед бывшего моего товарища З. Г. Чернышева — рядового. Вот почему я не смог остановиться у родных».

В Тбилиси в это время жил не только В. Д. Вольховский с женой Марией Васильевной (сестрой жены А. Е. Розена), но и родная тетя, другие родственники декабриста, члены их семей.

В главе «Грузия в 1836 году» А. Е. Розен с высоким художественным мастерством, документальной точностью и правдивостью описывает жизнь тифлисских горожан того периода, их нравы, обычаи, восхищается пейзажами Грузии. «Мне случалось видеть изображения некоторых мест кавказских гор, даже мастерской кисти, — пишет он, — но все это не удовлетворяет, оттого что представляет только отрывок или осколок красоты. Не всем суждено побывать там, но побывавшие все согласятся со мною, что этот край действительно чудный по природе своей...»

По его словам, «все здесь дышит югом, дышит Грузией». В другом месте сказано так: «При таких величественных видах, как на Кавказе, душа тенится, умалывается, смиряется и вместе с тем, сознавая свое назначение, возносится гораздо выше Кавказа — до небес! Она постигает видимое, но ощущений своих не может выразить словами».

Подробно рассказывает А. Розен и о тбилисских караван-сараях, серных банях, в которых купался «с большим наслаждением», об особом даре терщиков «освежать и укреплять здоровье людей», описывает грузинских девушек, тбилисских торговцев.

Намного расширяют познания о жизни декабристов в Грузии описания посещений А. Розеном семьи генерала В. Д. Вольховского, которая «жила в большом инженерном доме на Эриванской площади». Здесь А. Розен и встретился впервые со своим старшим сыном после суровых лет, проведенных в Сибири. В этом доме, по словам автора, собирались княгиня Долгорукая, урожденная графиня Надежда Григорьевна Чернышева, младшая сестра «нашей незабвенной А. Г. Муравьевой (жены известного Никиты Михайловича Муравьева — капитана Гвардейского генерального штаба, члена Северного общества декабристов), другие.

А. Розен рассказывает и о грузинском гостеприимстве, восторгается Ниной Чавчавадзе, ее преданностью памяти му-

жа, с умилением говорит о том, как Александр Одоевский вместе с другими выдающимися людьми России, сосланными в Грузию, «часто хаживал на могилу своего Грибоедова», чувствуя непреодолимую потребность почтить память погибших друзей. Подробно повествует он и о капитане А. А. Добринском, члене Петербургской ячейки Южного общества, женатом на грузинке, в доме которого не раз «заставал офицеров, презревших смерть».

«Кроме родных. — пишет А. Е. Розен, — имел утешение видеть у себя моих товарищей М. М. Нарышкина и М. А. Назимова. С этими товарищами делил я испытания жизни затворнической, изгнаннической, поселенческой в Сибири и солдатской на Кавказе».

Особое место отведено военной службе А. Розена в Белом Ключе (нынешнее Тетри Цкаро), где размещался Мингрельский егерский полк. Приводится интересный эпизод. Однажды во время инспекторского смотра полковой командир приказал: «Разжалованные, вперед! К дивизионному начальнику!» И тогда вышло вперед человек пятьдесят. Этот эпизод свидетельствует о том, как много в Грузии находилось в те годы и декабристов, и людей, причастных к событиям на Сенатской площади.

В Тбилиси, затем в Белом Ключе (Тетри Цкаро) вместе с А. Розеном жили его жена, их двенадцатилетний сын, новорожденная дочь. В декабре 1837 года к ним приехали родная тетка, другие родственники. По этому поводу он писал: «Мое семейство было все налицо, я наслаждался этим счастьем. На праздниках приходили к нам наряженные солдаты, мы хотели купить домик, в котором жили, перестроить его».

Но судьба сложилась иначе. «Никто не может определить заранее, где придется жить и умереть» — эти его слова сбылись. В марте 1839 года вся семья покидает Тбилиси, едет на Северный Кавказ, а затем получает разрешение проживать в родной Эстляндии. После «крестьянской реформы» 1861 года, в течение шести лет А. Розен был мировым посредником в Харьковской губернии.

А вот еще информация. Его сыновья, Кондратий и Василий, рожденные в Сибири, на Кавказе были определены в Грузинский дворянский батальон военных кантонистов под фамилией Розеновых, выпущены офицерами в 1851 году. Владимир два года спустя стал прапорщиком 4-й легкой конной ро-

ты. 26 августа 1856 года по амнистии детям возвращены фамилия и титул отца.

В Киеве живет правнучка сестры А. Розена Ольга Николаевна Жуковская. Она — фармацевт, ее брат Ю. И. Волков был известным изобретателем, муж — профессором ботаники Киевского государственного университета. Вот все, что известно о потомках декабриста.

Возможно остались реликвии, документы, письма, которые смогли бы пролить свет не только на биографию А. Розена, но и на историю всего декабрьского восстания. Продолжим эти поиски.

2. «Я В ВОСХИЩЕНИИ ОТ ТИФЛИСА...»

Сведения о декабристе Александре Осиповиче Корниловиче, который последние годы жизни провел в Грузии, в частности в Тбилиси, где и похоронен, были и остаются весьма скудными. Многочисленные его высказывания, статьи, письма с Кавказа и о Кавказе, который он назвал «чудной страной», о Кахети, где служил рядовым солдатом в Ширванском пехотном полку как «государственный преступник», о Тбилиси, где, по его же словам, хотел «употреблять свои познания с пользой для себя и других», не собраны, не систематизированы, не изданы на грузинском языке, и не то что подробно, но и вообще не изучены.

Наряду с такими прославленными поэтами и писателями-декабристами, также сосланными в Тбилиси и проживавшими здесь, как А. А. и П. А. Бестужевы-Марлинские, А. И. Одоевский, В. С. Толстой, причастными к делу декабрьского восстания, В. Н. Григорьев, автор этнографических очерков и стихотворений о Грузии, В. Я. Зубов, написавший о ней большой цикл замечательных стихотворений, опубликованных в альманахах «Денница», «Московский наблюдатель» и почему-то не переведенных на грузинский язык, назову и А. О. Корниловича, чье имя необходимо восстановить, а могилу его в Тбилиси привести в надлежащий вид.

Декабрист А. О. Корнилович был не только офицером, он больше известен как литератор и историк. Его исследовательские работы по истории эпохи Петра I привлекли внимание А. С. Пушкина и были использованы им при написании романа «Арап Петра Великого» и поэмы «Полтава». Ему принадлежат и «Записки...», в которых поднимаются крупные

экономические и внешнеполитические, литературные и общеобразовательные проблемы. Интересовался он и географией, преподавал в генеральном штабе экономическую и физическую географию для военных топографов и офицеров. В возрасте 22 лет был произведен в штабс-капитаны Гвардейского генерального штаба.

В свое время его исторические повести «Татьяна Болтова», «Утро вечера мудренее», «Андрей Безыменный» пользовались большой популярностью. В книге известного литературоведа М. В. Нечкиной «А. С. Грибоедов и декабристы» читаем: «Корнилович один из значительных писателей-декабристов, историк, выдающийся по дарованию и образованности человек». Другой литературовед и историк М. К. Азадовский сожалеет о том, что «в лице загубленного Николаем I Корниловича русская культура понесла великую утрату». Он же высказывает предположение, что Корнилович — автор опубликованной в «Московском телеграфе» за 1825 год статьи без подписи «Об изобретении подводных лодок в 1721 году».

Корнилович свободно владел польским, немецким, голландским, английским, шведским, испанским, латинским и греческим языками, переводил с оригиналов древних классиков Тацита и Ливия, изучал восточные языки, увлекался грузинским языком, историей и литературой Грузии. «Он обладал обширными сведениями, — свидетельствует известный в свое время генерал Шумнов, служивший вместе с Корниловичем в Грузии, — чему много помогло его знание почти всех европейских языков».

Однако успехи по службе и популярность в литературных кругах далеко не удовлетворяли его: он жаждал более широкой и живой деятельности. Войдя в Южное тайное общество вместе с Трубецким и Рылеевым, он принимает активное участие в событиях 14 декабря 1825 года и становится жертвой деспотизма. Корнилович был схвачен и посажен в Петропавловскую крепость, откуда отправлен в Читу. Работал в Нерчинских рудниках, затем вновь был переведен в Петропавловскую крепость, куда его везли в течение многих дней в закрытом экипаже с крепко завязанными глазами.

В ноябре 1832 года разжалованного из офицеров в рядовые А. Корниловича отправляют служить на Кавказ в пехотный полк графа Паскевича в Царских Колодцах (ныне Цитли Цкаро). «Участь моя, правда, незавидна, но и не так горька, как ты воображаешь, — писал он своему брату Михаилу.

— После того, где я побывал, Царские Колодцы покажутся раем... Кахетия, в коей селение это находится, страна, чудная климатом и славящаяся виноградом...»

Некоторое время он жил в одной избе вместе с другим декабристом — В. М. Голицыным. В письме от 18 мая 1833 года к брату есть такие строки: «К счастью, нашел здесь товарища в несчастье, Голицына, пострадавшего вместе со мной по одному делу, хорошего, умного человека, с которым вместе тянем горе. Без него я совершенно бы зачерствел».

Находясь в Кахетии, Корнилович мечтает о Тбилиси, стремится в столицу Грузии, где проживают другие декабристы, где жизнь кипит, где, как ему становится известно, в доме Александра Чавчавадзе общаются передовые прогрессивные силы Грузии и России. А в 1834 году уже сообщает брату о том, что «после четырнадцатимесячного сидения в Царских Колодцах и я, наконец, счутился в Тифлисе».

Здесь он возвращается к своим старым проектам о развитии торговых сношений России с Азией. Проект этот обратил на себя особое внимание царя, о чем свидетельствует сохранившаяся у Корниловича записка шефа жандармерии Бенкендорфа, объявляющая «каторжному Корниловичу благоволение его величества» за исполненную работу (по всей вероятности составление проекта). «Город Нижний-Новгород, центр нашей торговой промышленности, сообщается Волгой, Каспийским морем и Курой с Тифлисом, который может сделаться складочным местом для наших товаров», — говорится в проекте. Далее его автор указывает: «Морская торговля может быть еще важнее. Кура с Араксом и Риони с незапамятных времен до конца XV века, то есть до открытия мыса Доброй Надежды, были одним из главных Азиатских торговых путей». Корнилович выдвигает идею о том, чтобы вместе с русскими товарами завозить в Азию и богатую русскую культуру, утверждает, что культурная отсталость отдельных народов объясняется не их «неполноценностью», а лишь историческими условиями. «Науки не суть исключительное достояние одного какого-нибудь народа и племени: они равно доступны и жителям полюсов и обитателям знойных степей Африки».

Из Тбилиси в Петербург им была направлена записка о положении дел в Грузии, во всем Закавказье. В ней содержатся довольно резкие высказывания против политики разжигания национальной розни, против насилия и «терроризма» (по словам А. Корниловича), которые применяются царскими властями к кавказским народам.

Русско-кавказский вопрос, по его мнению, можно успешно разрешить лишь в том случае, если будет ликвидирована политика насилия и угнетения, если ее заменят другой, более приемлемой политикой «справедливого обращения» с местным населением.

В Тбилиси и в Царских Колодцах Корнилович писал воспоминания по истории политической мысли в России первой четверти XIX века и собирался изучить и описать Грузию. Восторженно описывал природу Грузии, жизнь в Тбилиси. «В Тифлисе я приищу способы, как употреблять свои познания с пользой для себя и других», — заверяет он брата. В другом письме вновь речь о том, что «попади я только в Тифлис, то заживу припеваючи. Там можно заняться литературой, можно писать...». Встречи в Тбилиси с А. А. Бестужевым-Марлинским, В. М. Голицыным, другими сосланными сюда декабристами называет «самыми радостными». «Я в восхищении от Тифлиса», — пишет он 9 мая 1834 года брату.

Осенью 1833 года в местечке Карагач в Алазанской долине Корнилович встречается со старым знакомым, поручиком Н. А. Райко, личностью весьма интересной и судьбою и своими интеллектуальными качествами. Внук Екатерины II, он порвал со своим обществом, уехал за границу, вступил в греческую освободительную армию, командовал греческой артиллерией. После поражения вновь вернулся в Россию, оказался в Грузии, жил в Тифлисе. Райко снабжал Корниловича книгами, вдвоем они разрабатывали планы, направленные на поддержку народа в его стремлении к знаниям. Но и этим планам не было суждено сбыться.

1 августа 1834 года полк, в котором служил Корнилович, выступил в поход. Получив задание следовать в Дагестан, чтобы соединиться с другими частями, он спешно пересекает реку Алазань в сторону Азербайджана. «Сколько времени мы еще пробудем здесь, — пишет он брату, — и куда отсюда двинемся — пока неизвестно. Пиши ко мне, если будешь иметь досуг, прямо в Тифлис». Корнилович всей душой тянется к Тбилиси, мечтает здесь жить и трудиться.

К сожалению, это его письмо оказалось последним. 29 августа 1834 года он скончался от лихорадки вдали от родины и от Тбилиси, куда так стремился. Ему так и не удалось изучить и описать «чудную страну» Кавказ. Он был похоронен где-то в степи. В. Голицын сообщал Михаилу Корниловичу: «В отношении памятника я советую вам поспешить, покину-

тые камни на его могиле могут легко изгладиться, либо быть растасканы жителями, и тогда трудно будет найти место. Оно по правую сторону дороги, ведущей из Дербента в Тюрки, и на самом берегу Самура, где переправлялся отряд».

Позже останки Корниловича были перевезены в Тбилиси и преданы земле грузинской. На Петропавловском кладбище я помню небольшой каменный памятник с надписью «А. С. Корнилович». Он не был ухожен, зарос бурьяном, почти весь разрушен. Дальних потомков декабриста время разметало по белу свету, и некому обиходить могилу.

Кто же позаботится о сохранении для потомков этой и других исторических святынь?..

3. «НАЧИНАЛ ПИСАТЬ ИСТОРИЮ ГРУЗИИ...»

В 1829 году, путешествуя по Кавказу, А. С. Пушкин встретился с Василием Дмитриевичем Сухоруковым. «Вечера проводил я с умным и любезным Сухоруковым, — говорится в «Путешествии в Арзрум» (глава VI) — сходство наших занятий сближало нас». В другом месте «Путешествия» есть такие строки: «Он (Сухоруков—Р. Д.) говорил мне о своих литературных предположениях, о своих исторических изысканиях, некогда начатых им с такой ревностью и удачей. Ограниченность его желаний и требований поистине трогательна. Жаль, если они не будут использованы».

Сохранилась и записка Пушкина о сотнике Сухорукове на имя шефа жандармов Бенкендорфа, в которой сообщается: «Сухоруков имеет отличные дарования и сведения. Доказательством тому служит то, что все бывшие начальники принуждены были употреблять его, даже не доброжелательствуя ему». Когда Пушкин приступил к изданию журнала «Современник», то предложил Сухорукову сотрудничать в нем. Тбилиси был городом, где тот не только жил, но и работал, принимал активное участие в создании первой русской газеты на Кавказе «Тифлиссские ведомости», был заместителем ее редактора.

По имеющимся биографическим данным Василий Дмитриевич Сухоруков происходил из обер-офицерской семьи Черкасского округа Войска Донского. Дата его рождения точно не установлена — в различных биографических очерках это то 1794, то 1798 год. В послужном списке за 1830 год отмечен его 35-летний возраст. Закончив Новочеркасскую гимназию, он в 1812 году поступил в Харьковский университет, где в 1815

году окончил курс по отделению правоведения со степенью кандидата прав. В октябре того же года зачислен в штат войсковой канцелярии, а в следующем — произведен в хорунжие для службы в казачьих войсковых учреждениях.

В ноябре 1819 года в Комитет по выработке положения о Войске Донском прибывает полковник (впоследствии генерал-майор) Иван Федорович Богданович, в ведение которого поступили все чиновники, занимавшиеся статистическими работами относительно Войска. Через год, когда были представлены описания всех округов, потребовалась их обработка. Тогда же было признано необходимым и составление истории Войска Донского. Для исполнения этой трудоемкой работы в марте 1821 года Богданович «из всех донских чиновников», находившихся под его начальством, избрал Сухорукова.

В том же году вместе с членом Комитета об устройстве Войска Донского генерал-адъютантом, графом Александром Ивановичем Чернышевым он уехал в Петербург, где по 1824 год работал над «Историей...» В 1823—1824 годах им напечатано по этому вопросу несколько работ, в том числе в таком популярном историческом журнале, как «Русская старина». Здесь он познакомился и подружился с А. Д. Корниловичем, стал сотрудничать с ним.

В начале 1825 года Сухоруков сопровождал А. Чернышева в его поездке в Таганрог, но обратно в Петербург отказался ехать и остановился в Новочеркасске. Здесь он, как член «Вольного общества любителей российской словесности», как друг К. Рылеева и А. Бестужева, предлагает свою помощь всем тем, кто позже был обвинен в восстании против самодержавия. В первых числах декабря 1825 года получает предписание Чернышева срочно возвратиться в Петербург для продолжения работы над историей Войска Донского.

Связи его с руководителями декабрьского восстания не вызывают сомнений. После подавления восстания декабристов Сухоруков, как «прикосновенный к заговору», был отправлен на Дон под секретный надзор, а в 1827 году определен сотником в Кавказский отдельный корпус. Тогда же ему было предписано сдать «при подробной описи без утайки и с полной откровенностью» все находившиеся у него документы, другие материалы, чтобы «ни одной из бумаг и никакого с них списка или копии не выданными не оставалось».

На Кавказе, можно сказать, для Сухорукова начинается новая жизнь. Здесь, временно прекратив работу над историей

Войска Донского, он, участник русско-турецкой войны 1828—1829 годов, приступает к сбору материалов по истории этой войны, которые затем были использованы адъютантом генерала Паскевича Н. Н. Ушаковым и изданы им же в 1836 году без указания имени Сухорукова.

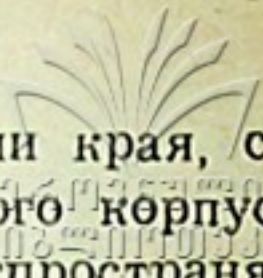
На Кавказе Сухоруков познакомился сперва с Виссарионом Григорьевичем Белинским, а позже и с А. С. Пушкиным. Приехав в Грузию, он встретился с А. С. Грибоедовым, с которым был знаком еще по Петербургу, а также с другими лицами, причастными к декабрьскому восстанию. Поддерживал связи с А. Корниловичем, с которым был знаком по «Обществу любителей российской словесности».

Как пишет Д. Завалишин, «Грибоедов в Петербурге жил у Александра Ивановича Одоевского... и находился постоянно в том же кругу декабристов, как и Сухоруков». Именно по рекомендации Грибоедова он был зачислен на службу к начальнику штаба Кавказского корпуса барону Дмитрию Ерофеевичу Остен-Сакену для особых поручений, а затем, после его отставки, закреплен за генералом (впоследствии фельдмаршалом) графом Паскевичем для составления военных реляций.

В это же время он начинает сотрудничать в «Тифлисских ведомостях», которые были задуманы в 1827 году. (До этого в 1819 — 1821 годах, в Грузии выходила лишь «Картули газеты» («Грузинская газета»). Это было первое в грузинской прессе периодическое издание, заполнявшееся в основном официальными сообщениями. Газета выходила один раз в неделю на четырех страницах обыкновенного газетного формата. Первый номер вышел 4 июля 1828 года (последний — в марте 1832) на русском и грузинском языках. Редактором был П. С. Санковский. Заместителями — по грузинской части Соломон Додашвили, по русской — Василий Сухоруков.

Разжалованные декабристы, культурнейшие люди России и Грузии заняли руководящее положение в «Тифлисских ведомостях» и использовали газету для борьбы с реакционной прессой. На ее страницах публиковались произведения самого Санковского, Евдокима Лачинова, Ивана Бурцева, Александра Бестужева-Марлинского и других.

Сухоруков, по условиям договора, заключенного с Санковским, снабжал каждый номер литературными статьями, но публиковались они в подавляющем большинстве без подписи. Только две-три подписаны инициалами «В. С.» и только одна — полным его именем.

В своих статьях он ставил вопросы о развитии края, сообщал о военных действиях Отдельного Кавказского корпуса, полемизировал с журналом «Северная пчела», распространявшим провокационные слухи о событиях на Кавказе. Это — «Поправка статьи, напечатанной в «Северной пчеле» и «Русском инвалиде» под заглавием «Письма из Кавказского корпуса» Ив. Раджицкого». Статья — полемика, статья — опровержение была опубликована в № 4 «Тифлиских ведомостей» от 1829 года.

Читая эту газету, Паскевич доносил, что на Кавказе между декабристами «дух сообщества существует». Этот «дух» не только существовал, но и действовал, и действие его проявлялось в различных формах: в борьбе с персидско-турецкой агрессией, в сотрудничестве с «Тифлискими ведомостями», «предосудительных сходках» и в многочисленных художественных и публицистических произведениях, появившихся в те годы в Тифлисе. Ведь, как указывает Ван Шадури, «среди русских вольнодумцев, побывавших на Кавказе в 1816—1825 годах, было немало литераторов. Достаточно назвать такие имена, как Грибоедов и Пушкин, Кюхельбекер, Шишков и Якубович, Лачинов и Муханов...» К этой плеяде я причислил бы и Сухорукова.

По всей вероятности он ездил и в главный «центр свободомыслия» Карагач (в Кахети) — место стоянки Нижегородского драгунского полка, в котором служили Якубович, Розен, Ван-Гален, Александр Чавчавадзе, Чилиев и другие, а также в Цинандали, где располагалось имение А. Чавчавадзе. Встречи с грузинской общественностью, сотрудничество в «Тифлиских ведомостях», работа над историей русско-турецкой войны натолкнули Сухорукова на мысль написать историю Грузии. В сохранившихся в его фонде (дело № 7) исторического отдела Азово-Черноморского краев архивного управления «Материалах для биографии В. Д. Сухорукова», составленных Х. И. Ионовым, есть указание о том, что он «начинал писать историю Грузии» и собрал для этого соответствующие материалы. В подтверждение этого прилагается письмо Селивановского — отца, где подробно говорится об интересе, проявляемом Сухоруковым к истории Грузии. Само письмо, к сожалению, до нас не дошло.

Генерал-фельдмаршал князь Паскевич высоко ценил дар Сухорукова — историка и военного. По его представлению за отличие в военных действиях Сухоруков был награжден

крестом святого Владимира 4-й степени с бантом — за кампанию 1828 года, а за штурм Ахалцихе — золотой саблей с надписью «За храбрость».

Но в Петербурге о Сухорукове думали иначе. 13 января 1830 года в Тифлис из Петербурга специально прибыл фельдъегерь с приказом арестовать Сухорукова и вывезти его из Тифлиса, опечатав при этом все его бумаги. «Начальник Главного штаба гр. Чернышев, — сообщает автор пятитомной официальной истории жизни и деятельности Паскевича князь Щербатов, — отношением несколько инквизиторского направления спрашивал: почему Сухоруков состоит при фельдмаршале и почему у него имеются записки по персидской, (вернее, турецкой — Р. Д.) кампании». («Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность. По неизданным источникам составил генерального штаба генерал-лейтенант князь Щербатов». СПб, т. III, 1891 г., с. 328).

Узнав об этом, Паскевич взволновался. Он уже чувствовал, что над ним сгущаются тучи, что он постепенно впадает в опалу. Вызвав к себе Сухорукова, граф предупредил его о предстоящем обыске и спросил, нет ли у него чего-либо предосудительного.

Все бумаги Сухорукова были опечатаны, и он в сопровождении фельдъегеря и двух конвоиров отправился в путь. 16 января 1830 года Паскевич доносил Чернышеву: «В числе бумаг, опечатанных у сотника Сухорукова, находится историческое описание войны 1828—1829 годов, составленное им по моему приказанию. Употребление Сухорукова к такому поручению, когда он, как известно, замешан в происшествии 14-го декабря и находится под секретным надзором, не должно удивлять вас, милостивый государь, ибо в одинаковом с ним разряде находились многие, служившие при мне, как генерал-майор Бурцев, полковник Леман, поручик Пуцин, Искрицкий и полковник Вольховский были в замечании. Не имея других, которые бы с пользою употреблены быть могли, я, по малому числу людей в сем корпусе способных, принужден был давать поручения мои сего рода чиновникам. Таким образом и Сухоруков употребляем был сначала генерал-майором бароном Остен-Сакеном по канцелярии начальника штаба, а потом, год тому назад, я поручил ему составление исторических записок кампании 1828 и 1829 годов».

Интересно отметить, что после перечисления фамилий — Бурцев, Леман и других Паскевич сделал приписку, которую

затем зачеркнул: «Они оправдали доверие на службе, но многие из них не оставили прежних мыслей».

Сухоруков был доставлен в Новочеркасск, а через две недели был подписан приказ о его переводе в Финляндию, где размещался казачий полк Фомина.

Творческая деятельность Сухорукова и в Грузии и вне ее развивалась довольно широко. Это «Замечания на некоторые места статьи, помещенной в 41 номере «Отечественных записок», «Дорога от Дона до Георгиевска» («Сын Отечества», 1823 г., кн. X, отд. 4), «Записки о достопримечательностях в Донской области» («Донские войсковые ведомости», 1865 г.), «Историческое описание Земли войска Донского», «Краткое историческое известие о бывшем на Дону городе Черкасске» («Северный архив», 1823 г., ч. VIII, № 20), «Общежитие Донских казаков в XVII и XVIII столетиях» («Русская старина», 1824 г., отдел II) и другие.

Опальное положение Сухорукова обусловило невозможность своевременного выхода в свет его работ, многого он не мог опубликовать за своей подписью. Конечно, большой интерес представляют и его работы, созданные во время пребывания в Тбилиси.

В 1831 году им было получено разрешение вернуться из Финляндии на Дон, но в 1834 году он снова отправляется на Кавказ, где и увольняется в отставку. Умер В. Д. Сухоруков в 1841 году в Новочеркасске.

4. «ЖЕНЩИНЫ ВОЗВЫСИЛИСЬ ДО ИДЕАЛА ГЕРОЙСТВА»

В ледяные глубины Сибири, в страну бичей, рабов и пут, вслед за «государственными преступниками» отправились их жены и сестры, и это было не только подвигом любви, но и актом протеста против колониального режима, это была демонстрация сочувствия идеям декабристов. «Вы стали поистине образцом самоотвержения, мужества, твердости, при всей юности, нежности и слабости вашего пола. Да будут незабвенны имена ваши!» — писал Екатерине Трубецкой, Марии Волконской, Александре Муравьевой, Наталье Фонвизиной, Праксодье Анненковой и другим женам декабристов А. П. Беляев. А поэт Николай Некрасов восклицал:

Пленительные образы! Едва ли
В истории какой-нибудь страны
Вы что-нибудь прекраснее встречали.
Их имена забыться не должны.

Многое известно о жизни жен и сестер декабристов-офицеров, выходцев из дворянских семей. А история, о которой я хочу рассказать, еще мало кому известна, она не описывалась ни в одном из научных и художественных произведений, посвященных декабристам. О ней мне стало известно от журналиста из города Орла Владимира Воробьева, который собирает материалы, связанные с Отечественной войной 1812 года и восстанием декабристов в 1825 году.

...Московский полк, сформированный в канун Отечественной войны из рекрутского набора 1809—1811 годов, был одним из прославленных. Он героически боролся с Наполеоном на подступах к Москве под Бородиным, в нем служили герои сражений под Смоленском, Тарутиным, Малоярославцем, участники «битвы народов» под Лейпцигом и при взятии Парижа. «За отличие при изгнании неприятеля из пределов России» полку было пожаловано Георгиевское знамя.

Утром 14 декабря 1825 года около 800 солдат и 23 унтер-офицера под командованием ротных командиров штабс-капитанов Дмитрия Александровича Щелина-Ростовского, братьев Александра и Михаила Александровичей Бестужевых (их было пять братьев) вышли на улицы Петербурга и построились в боевой четырехугольник-каре. Когда император Николай I начал подавление восставшей армии, полк этот более пяти часов сопротивлялся и наконец был подавлен силами артиллерии.

Оставшиеся в живых солдаты и унтер-офицеры были сосланы в «теплую Сибирь» — на Кавказ. 27 февраля 1826 года под бой барабанов полк начал свой пеший поход на Кавказ. Следом за полком двинулась группа женщин. Никто на это не обратил внимания: обычные проводы. К вечеру женщины отстали, а полк продолжал свой тысячеверстный путь. В апреле он прибыл в Рыбинск, где остановился на несколько дней в ожидании барж. Солдатам во время вынужденной остановки разрешили самим зарабатывать на пропитание. Вот тогда женщины, шедшие из Петербурга, вновь появились и стали передавать ссыльным узелки с едой. Они вели себя тихо, скромно, помогали им приготовить горячую еду, написать пись-

мо. Здесь и выяснилось, что это жены декабристов, сосланных на Кавказ, что они по примеру своих подруг, отправившихся с мужьями в Сибирь, Волконской, Грубецкой, Муравьевой, других, решили до конца быть с изгнанниками. В дороге они продали свои шубы, драгоценности, серебряные ложки и, несмотря на то, что по социальному положению и материальной обеспеченности, по характеру и уровню культуры отличались от ссыльных, нашли с ними общий язык, вместе делили все нужды и горести.

Когда баржи должны были отправиться, то на пристань вновь прибыла группа из 20 женщин с письмом от рыбинского полицмейстера, в котором он просил доставить их до Астрахани — «на заработки».

Сорок шесть дней длилось это плавание, а 10 июля полк покинул Астрахань, вновь в пешем порядке взял курс на Моздок, а затем и на Тбилиси. Полковник Шипов, сопровождавший полк из Петербурга на Кавказ, лишь в Моздоке узнав об этом своеобразном подвиге, сжалился над женщинами и разрешил им следовать за мужьями.

16 августа 1826 года в Тбилиси, на главной площади, главнокомандующий на Кавказе, генерал А. Ермолов принял рапорт полковника Шипова и приступил к знакомству с полком. Во время осмотра он случайно встретился с унтер-офицером Петром Федоровым, которого хорошо знал еще с Бородинского сражения.

На вопрос Ермолова «Какую помощь он может оказать своему старому боевому другу?» Федоров ответил, что ему помощь не нужна, а вот о женщинах, следующих пешком из холодного Петербурга до Кавказских гор, просил позаботиться. Федоров чистосердечно рассказал обо всем Ермолову. Отдавая должное мужественным женщинам, главнокомандующий растрогался и на свой риск распорядился разместить их в пригороде Тбилиси, назначив определенные часы для свиданий с мужьями, а спустя некоторое время приказал «семейным ночевать при женах».

Так и остались 20 декабристок в добровольном изгнании на грузинской земле. Они свыклись с нравами и обычаями населения, были причастны к деятельности своих мужей, которую те развернули на Кавказе. А она была весьма разнообразна, охватывая сферу производства, просвещения, здравоохранения. В Тбилиси, устроившись на частных квартирах, они и ждали своих мужей, которые чуть позже участвовали в рус-

ско-персидской войне и первыми привезли в столицу Грузии 17 трофейных орудий, отлитых персами в Тавризе. Эти орудия долго стояли на центральной магистрали города (ныне проспект Руставели) перед храмом Славы русского оружия, а затем были отправлены в Петербург.

Это и о них писал А. Бестужев-Марлинский: «И не стыдно ли было нам падать духом, когда слабые женщины возвысились до прекрасного идеала геройства и самоотвержения? Поистине, когда я думаю об этом, проникаюсь чистым и умиротворяющим душу восторгом. Это освещает мой дух и примиряет с человеческим родом, подчас таким надменным и низким».

5. «ЛИЧНОГО УЧАСТИЯ В СОБЫТИЯХ» НЕ ПРИНИМАЛ?..

Передо мной уникальная книга, ее сейчас достать почти невозможно, может быть, осталось всего несколько экземпляров. Она называется «Нумизматические факты грузинского царства» и издана в Петербурге в 1844 году на русском языке. Ее автор — известный историк, археолог, нумизмат, общественный деятель, член Парижской академии наук, член Королевского Датского общества антиквариев Севера, член Грузинского статистического общества, сенатор, князь Михаил Петрович Баратаев (Бараташвили). Его биография, труды почти не известны, а было время, когда он находился в апогее славы; к мнению М. Бараташвили прислушивались, с ним считались не только в России, но и во многих европейских странах.

Обратимся к отдельным историческим фактам и историческим лицам, носившим эту фамилию. В 1724 году князь Мелкиседек (Михаил) Бараташвили вместе с царем Вахтангом выехал в Россию. Он имел четырех сыновей — Петра, Ивана, Семена и Андрея. Особенно были известны генерал-поручик Петр Бараташвили, который с 1780 по 1784 год был губернатором Симбирской губернии, и Семен Бараташвили — генерал-майор, кавалер многих орденов и медалей, в том числе ордена Святого Георгия третьей степени, с 1789 по 1796 годы губернатор Казанской губернии. У Семена было пять дочерей. Наиболее известны Елисавета — жена действительного статского советника царского двора Бориса Александровича Мансурова и Александра — жена известного сенатора Михаила

Николаевича Мусина-Пушкина. У Петра был сын Михаил, который родился 25 января 1784 года в Симбирске. В юношеские годы он был на военной службе, юнкером в 11-м артиллерийском батальоне, подпоручиком, активно участвовал в военных действиях против Наполеона, награжден орденом Владимира 4-й степени, золотым крестом. После войны, уволенный по случаю серьезного ранения в чине штаб-ротмистра, уехал в Симбирскую губернию и приступил к мирной службе. Его очень любили, уважали и ценили в Симбирске, о чем свидетельствует и факт единогласного тайного избрания в течение трех выборов предводителем Симбирского русского дворянства (1820—1835 годы).

В Симбирске М. Бараташвили организовал ложу масонов «Ключ к добродетели», благодаря которой сблизился с некоторыми членами тайной революционной организации «Соединенных славян», причастных к восстанию декабристов 14 декабря 1825 года.

В программных документах Общества содержалась идея добровольного соединения славянских народов и требование борьбы против крепостничества и деспотизма. Конечной целью общества было создание республиканской федерации славян и соседних с ними народов. Каждый народ должен был иметь конституцию, основанную на демократических принципах, с учетом его национальных особенностей.

Идеи декабристов волновали М. Бараташвили, он всецело признавал их программу и не скрывал этого. После подавления бунта его арестовали по доносу коллежского асессора Рейнеке, на квартире в Симбирске произвели тщательный обыск, а самого доставили в Петербург на следствие. Спустя три недели Бараташвили был освобожден за недоказанностью «личного участия в событиях на площади».

Таким образом, декабрист, поручик лейб-гвардии Измайловского полка Александр Семенович Ганглебов (Ганглебидзе), который считается единственным грузином—участником восстания на Сенатской площади, имел прекрасного брата по духовному родству в далеком Симбирске.

С декабристами, и особенно с братьями А. и П. Борисовыми, И. Горбачевским, М. Спиридоновым, А. Кузьминым и другими М. Бараташвили поддерживал контакты и впоследствии, хотя продолжал оставаться «предводителем дворянства». Таким образом, его можно считать еще одним грузином, явно причастным к движению декабристов.

В 1838 году М. Бараташвили производится в тайные советники, становится сенатором, а в 1839 году его назначают управляющим таможенным округом в Грузии, куда он переезжает вместе со всей семьей: женой Александрой Николаевной Чоглоковой (Чолокашвили), сыновьями Михаилом и Александром, дочерьми Елисаветой, Александрой, Екатериной, Анной, Софьей и Аделаидой. Это было типичное для Грузии семейное гнездо интеллигенции, где понятие долга и чести при всех превратностях судьбы было священным, где добродетель считалась естественным проявлением духовности, как и религиозные чувства, а труд для своего народа и отчизны — наиглавнейшим назначением жизни.

Вот здесь, на родине своих предков, Михаил Бараташвили начинает заниматься сбором грузинских монет и составляет коллекцию, единственную по полноте и богатству. В 1844 году он, первый грузинский нумизмат, издает свой капитальный труд по истории монет Грузии почти в 1000 страниц, за который избирается членом Парижской Академии наук. Это был первый специальный труд, посвященный грузинской нумизматике. М. Бараташвили первым дал классификацию грузинских монет, расположил их в хронологической последовательности и тщательно изучил.

В этом сочинении автор подробно описал и изобретенный им способ изготовления точных снимков с монет. Способ этот, которым до сих пор пользуются коллекционеры всего мира, состоит в том, что на монету накладывают листок фольги соответствующего цвета и путем штамповки получают точный отпечаток всех выпуклостей монеты.

Значительное место в книге отведено истории Грузии, преимущественно вопросам ее археологии и культуры.

«Нумизматические памятники Грузинского царства, — пишет М. Бараташвили, — никогда еще не были описаны ни на грузинском, ни на русском языках. Самое даже существование серебряных денег царей Багратиони, предшественников царицы Тамары, не было известно ни на родине их, ни иноземным описывателям монет».

Первые монеты, которые описывает автор, появились в Грузии во время царствования Стефаноса I в 639—663 годах. Далее он сообщает, что одна из них, как единственная, была описана академиком Петербургской Академии наук Х. Френсом еще в 1838 году. Стефанос I Мтавари (владетельный князь), сообщает М. Бараташвили, значится по списку ца-

рей Грузии 40-м, вступил на престол после отца своего Гурама I в 600 году на Рождество Христово, владетель Грузией 19 лет... Стефанос II в списках грузинских царей значится 42-м, преемником его был царь Мир. Стефанос II царствовал 24 года. Скончался в 663 году. Копии монет времен царствования Стефаноса I и II, как и копии монет других эпох и других царей, в книге имеются.

Лицевая сторона самой древнейшей грузинской монеты изображает царя. Его лицо обращено в правую сторону. Нижняя часть короны, представленной на голове, украшена драгоценными камнями, изображенными двумя рядами точек. По обе стороны короны — по звездочке. На монете заглавными буквами (асомтаврули) грузинского церковного алфавита (хуцури) в две стороны по левую и в три — по правую от изображения царя написано: Стефанос.

На оборотной стороне изображен древний подсвечник. На верхней части его крест, под которым полумесяц. По обе стороны воины, опирающиеся на мечи. На полях монеты четыре полумесяца со звездочками в них.

При описании монет времен царствования Джуаншера (718 год) М. Бараташвили сообщает, что в издаваемом Петербургской Академией наук бюллетене исторических, филологических и политических наук в томе I (№ 3) за 1843 год эти монеты приписываются царю Грузии Вахтангу I Гург-Аслану, царствовавшему в 446—499 годах.

Интересны и монеты с изображением Давида IV и Баграта III, Георгия I, Георгия II, Давида III, Георгия III...

Описывая монеты эпохи царицы Тамар, на которых, к сожалению, нет ее изображения, М. Бараташвили восторженно отзывается о ней. Он пишет: Тамара «вступила в единоедержавное правление Грузинским царством в 1174 году и с того времени, уважаемое веками, благословляемое Грузиею, имя Тамар живет, можно сказать, вечною жизнью в грузинском народе, воспоминающем всегда с восторгом о дивных деяниях этой царственной жены, под мудрым и благотворным правлением которой благоденствовали предки его, не называя иначе как царем, великим царем всей Грузии». Он подробно описывает ее военный, политический талант, красоту, женственность, восхищается развитием наук, литературы, всей духовной жизни грузинского народа при ее царствовании.

Затем семейство Бараташвили (Баратаевы) вновь выезжает в Россию. М. Бараташвили умер и похоронен в своем родовом имении близ Симбирска.

Александр ЧХЕИДЗЕ

ПИРОСМАНИ ГЛАЗАМИ ПИКАССО

В 1972 году, через три года после выставки картин Пиросмани в Лувре, Илья Зданевич издал в Париже книгу-альбом под названием «Пиросманашвили», составленную из гравюрного композиционного портрета Пиросмани работы Пикассо и статьи Ильи Зданевича, опубликованной в тифлисской газете «Восток» в 1914 году. Портрет был исполнен по просьбе И. Зданевича, который, будучи другом Пикассо, сотрудничал с ним в выпуске редких изданий. Книга была издана на японской бумаге очень ограниченным тиражом — всего 78 экземпляров. Портрет Пиросмани размером 15,8×9,8 см выполнен на меди в технике «сухая игла». Все экземпляры были подписаны автором, поэтому каждый пользовался правом оригинала. Необычность этой книги большого формата и объема в том, что она содержала всего полторы страницы печатного текста и один рисунок, располагавшиеся между чистыми страницами. Цена, соответственно, была очень высокой.

Изображение темы «художник и его модель» у Пикассо знакомо нам по его графическим портретам «Женщина и Рембрандт с палитрой» и «Рембрандт и молодая женщина». Здесь также имеются пучки прямых линий, но только как дополнение, а не основной прием изображения. Постоянно разрабатывая тему «художник и его модель», Пикассо создал серию графических работ, в которых передал свое отношение к творчеству различных художников. Очевидно, в Пиросмани он ощутил новое, своеобразное художественное мышление, которое и выразил в необычной форме композиционного портрета.

Портрет Пиросмани резко отличается от всех других графических работ Пикассо, в которых он обычно старался быть общедоступным и общепонятным. В графике художник пользовался чаще всего контурной линией, по очертаниям которой мы узнаем предметы. Эта же работа решена необычно: в данном случае контурная линия фигуры часто пересекается, что нарушает восприятие ее целостности.

Фигура стоящего с кистью в руке Пиросмани «геометрическая», она выполнена множеством прямых линий разной длины, пучков и точек. Художник стоит перед мольбертом, на котором расположен подрамник с чистым холстом, на стене слева, у головы, висит второй чистый холст. Образ Пиросмани сразу трудно воспринимается как портрет, особенно зрителем, воспитанным на традициях реалистического искусства, но постепенно, при внимательном рассмотрении, перед нами выступает фигура в грузинском национальном костюме, широкополой шляпе, бурке, «каламани» (крестьянская обувь), а в грузинских чертах мы узнаем лицо Пиросмани — с усами и бородой, челкой и глубоко посаженными глазами. В одной руке он держит кисть, в другой — палитру с красками, художник рисует. На палитре — три пятна, подразумевающих три цвета: красный, желтый и синий, комбинацией которых так виртуозно владел Пиросмани. Фигура движется (здесь применен особый прием), это движение постоянно пребывающего в размышлении художника, без чего нет творчества. Портрет двуликий, его можно воспринимать в двух ракурсах — в профиль и анфас, в зависимости от того, как его рассматривать.

Художественная манера Пикассо в этом произведении уникальна, а эмоциональный диапазон огромен. Девятнадцатый столетний художник, знавший творчество Пиросмани по рассказам Ильи Зданевича и познакомившийся с его картинами в Париже, не случайно избрал технику гравюры для его портрета. (По словам французского специалиста по гравюрам Пикассо Бриджит Баэра, это его последняя работа в технике «сухая игла»). Он считал, что в гравюре большая культурная традиция ощущается не только благодаря виртуозной технике, но и построению цветовой и линейной композиций, внутренней ритмике, красоте силуэтов, а также широте воздействия и демократичности. Пикассо создал очень сложный, но в то же время близкий к оригиналу композиционный портрет своего собрата по кисти, передав философию его творчества. Очевидно, для большинства зрителей это произведение покажется абстрактным, а

потому и непонятным, между тем, как нам представляется, автор создал художественный образ, используя данные популярной ныне древней теории, и мы попытаемся обосновать его замысел с этой позиции.

Основная идея картины Пикассо — показать Пиромани художника в момент творческого процесса. Линии, создающие портрет, пересекаются чаще всего в области головы и груди, то есть в очагах мысли и чувств, а точки на портрете вызывают ассоциации с биологически активными точками тела, известными из народной медицины древнего Востока. Эмпирически найденные древними медиками в течение двухтысячелетней практики биологически активные точки организма человека нашли широкое признание в Европе с начала XX века по мере внедрения в медицинскую практику иглорефлексотерапии (акупунктуры) — лечения путем воздействия на эти точки. Эти БАТ, называемые также «жизненными», «китайскими», представляют собой проецируемые на кожу участки наибольшей активности системы взаимодействия: покровы тела — нервная система — внутренние органы.

Восточные медики, изучая функции организма, выявили определенные взаимодействия между органами, которые выразили в виде системы линий, называемых каналами или меридианами. Понятие «меридиан» определяется как функциональный путь, связывающий определенные точки. На двенадцати основных меридианах выделяется группа точек. К первой, дистальной группе, относятся точки, расположенные ниже локтевых и коленных суставов, ко второй — проксимальной — все остальные точки меридианов; всего выделяется 309 точек воздействия.

Учение о меридианах является основной частью иглотерапии и, хотя не вполне соответствует нервной и сосудистой системам, в настоящее время принято многими советскими и зарубежными специалистами. Современными исследователями был обнаружен биоэнергетический потенциал в БАТ и разница между их потенциалами и внутренними органами. В частности, было установлено, что потенциал, определяемый электропроводимостью, меняется от функционального состояния нервной системы (сон, бодрствование), а также при эмоциональном напряжении. (По материалам книги Д. М. Табеевой «Руководство по иглорефлексотерапии». Изд. «Медицина». Москва, 1982).

Сочетанием линий и точек Пикассо передает процесс восприятия действительности (глаза), осмысление ее (мозг), пере-

живание и взрывное действие идей (мозг, сердце), посредством нервных импульсов, побуждающих к активному творчеству. Итак, сигнал получен, идея сформулирована, решение принято, уверенная рука готова нанести первый штрих.

Пикассо, обнаружив в Пиросмани родственную душу и восприняв самое сокровенное, нашел оригинальный способ выразить процесс творчества художника, проиллюстрировав невидимые глазом движения линиями и точками, заимствованными из теории меридианов. (Проследим последовательность: в 1967 году в Париже проходил XIV международный конгресс по акупунктуре. В 1969 году в Лувре состоялась выставка картин Пиросмани. В 1971 году был написан его портрет).

Творческий процесс невидим: это механизмы стресса, оттенки мыслей и переживаний, противоречивых чувств и настроений. Магическое воздействие идеи пластического рисунка, напряженность ритма линий создают неожиданный эффект бесконечности движения и размышления творца в сочетании с борьбой ума и сердца. Как бы во внутреннем зеркале демонстрирует художник активно действующий мозг и сердце, показывает скрытые движущие силы, которые регулируются силами ума и души.

Способ проникновения в сущность явления, возможность демонстрации сложности его противоречивого характера, показа процесса творчества — подобный подход Пикассо к выражению художественного процесса уникален в практике мирового искусства.

Интерес Пикассо к народному творчеству — негритянским скульптурам, французскому примитивисту Анри Руссо, к Пиросмани был не случаен. Он «первым понял, что наша эпоха требует прямоты, непосредственности, силы» (И. Эренбург. «Графика Пикассо». Изд. «Искусство», Москва, 1968, с. 12). Художник обнаружил в Пиросмани ту непосредственность, чистоту и красоту, к которой сам стремился в своем творчестве и которой могло бы следовать человечество в будущей жизни без убийства, грязи и насилия. Для него Пиросмани представлялся носителем заветов Христа.

На закате жизни великий художник виртуозно и артистично выразил свое философское отношение к другому великому художнику. Портрет Пирссмани, созданный Пабло Пикассо, является апогеем его признания в мире.

Диалог

Заслуженный художник Грузии Георгий Шхвацабая стал одним из новых лауреатов премии Совета Министров Республики Грузия. Скульптор получил ее вместе с архитектором Теймуразом Микашавидзе за создание памятника Галактиону Табидзе, установленного осенью минувшего года в Кутаиси. Публикуем диалог Георгия ШХВАЦАБАЯ и литературоведа Михаила БУЯНОВА.

СКУЛЬПТУРА ВСЕГДА ЧЕЛОВЕЧНА

М. Б. На проходившем в Тбилиси не так давно VI Международном симпозиуме по грузинскому искусству работало четыре секции, одна из которых была посвящена современному искусству. Я участвовал в ее работе. В ходе обсуждений докладчики (в основном московские и ленинградские) упоминали Георгия Шхвацабая как одного из наиболее талантливых скульпторов нашей страны.

Г. Ш. То, что на симпозиуме говорили обо мне, конечно, приятно, но думаю главное, быть всегда честным перед собой, перед своим народом, не фальшивить.

М. Б. Скульптор — самая древняя профессия в мире...

Г. Ш. Скульптура — особый вид искусства. Она любит тишину. Обладая трехмерностью, существует в пространстве и во времени как бы независимо от людей. И в то же время — это единственный вид искусства, способный войти в контакт с любым человеком (например, со слепоглухонемым). Скульптуре все равно, как ее называют — «Давид», «Писта» или «Портрет А. Хорава». Она способна выражать сразу несколько разнородных идей, а всякие определения, названия отражаются от нее как солнечный свет от яркой поверхности.

М. Б. Каковы взаимоотношения скульптуры и архитектуры? Этот вопрос по сей день дебатруется искусствоведами,

мнений тут много, и на всякий аргумент имеется свой контр-аргумент.

Г. Ш. Я думаю, что дискуссии по этому поводу во многом надуманы, хотя многое, безусловно, спорно. Есть какой-то порог восприятия, за которым скульптура превращается в архитектуру. Это еще не самое плохое, если в архитектуру, а то большей частью она уже перестает быть скульптурой, но еще не превращается в архитектуру. Примеры: московский монумент Юрию Гагарину, сталинградский мемориал, киевский мемориал и некоторые другие... При решении масштаба монумента главное сохранить соотношение «человек—скульптура—среда». В последние десятилетия мы порой забывали о первом звене в этой триаде — о человеке. Поэтому возникают колоссальные сооружения, масштабно решенные и привязанные к городской архитектуре или среде, но никак не привязанные к человеку. Я часто наблюдал реакцию детей на монументальные сооружения: ее либо вообще не было, либо они просто пугались этих сооружений.

М. Б. На симпозиуме высказывалась мысль, что Тбилиси — город камерный, уютный, лирический, поэтому громоздкие скульптуры, чересчур монументальные здесь не очень уместны.

Г. Ш. Для грузина монумент это не только скульптура, это еще и воплощение мечты о справедливости, о светлом будущем, это символ самоутверждения и свободы. Открытие скульптуры не только факт установки и открытия памятника. Это всегда событие национального масштаба, далеко выходящее за рамки культуры, праздник, в котором участвуют все слои населения, событие, консолидирующее нацию, событие политическое.

М. Б. Это связано с психологическими особенностями грузинского национального характера или вытекает из той политической атмосферы, в которой пребывает Грузия последние два столетия?

Г. Ш. Много факторов создают такую картину. Например, итальянцы совсем иначе воспринимают такое событие как создание и открытие скульптуры. Лет тридцать назад в Италии был объявлен конкурс на создание монумента Леонардо да Винчи, в котором победил болгарский скульптор. А большинство крупных мастеров Италии даже не посчитали для себя интересным участвовать в этом конкурсе.

М. Б. В Италии открытое общество, люди путешествуют сколько позволяют им средства, они лишены многих комплек-

сов, тревог, ожиданий, свойственных нам. У них не было февраля 1921 года, не было кровавого воскресенья 9 апреля...

Г. Ш. Разве можем мы представить себе, чтобы в результате конкурса на памятник, скажем, Руставели иностранец создал произведение, наиболее выражающее грузинский характер и историю Грузии, и такой памятник психологически был бы единодушно принят населением Грузии? А ведь все объясняется просто: у итальянцев, коли мы о них говорим, отсутствует всякая закомплексованность на национальной основе, они свободны и независимы, им не нужна скульптура для удовлетворения национальных чувств или амбиций. Этому служит весь спектр жизни итальянского общества — начиная с театра Ла Скала и кончая футболом. Они видят в скульптуре в основном произведение искусства, а не символ политический и психологический. У них иная жизнь и иное восприятие.

М. Б. Будем надеяться, что со временем и у нас исчезнут те проблемы, которые так мучают народ, и мы тоже освободимся от тех комплексов, которые сформировались за многие десятилетия.

Хочу спросить еще вот о чем: для всякого художника его творение — собственный ребенок, которого хочется оградить от бед и которого с опаской выпускают в жизнь без родительского присмотра. Я, например, счастлив, когда пишу книгу, но когда она попадает в руки редакторов, а потом читателей, мне иногда бывает не по себе.

Г. Ш. Такое состояние относится ко всем художникам и ко мне тоже. У меня есть несколько скульптур, которые я держу дома, они мои любимые и мне хочется, чтобы их судьба сложилась хорошо. Но ведь всякий художник творит для людей, поэтому рано или поздно даже самое любимое произведение должно предстать перед людьми. А они все разные. И воспринимают мир тоже неодинаково.

М. Б. Есть ли в современной скульптуре какие-то новые тенденции? Ведь и скульптура — не застывшее в своей неподвижности явление, хотя многие полагают, что со времен детства человечества — со времен Древней Греции — скульптуры различаются главным образом по степени таланта художника.

Г. Ш. В последние годы наметилась тенденция приближения скульптуры к человеческим масштабам, развивается станковая скульптура, портрет. В связи с этим особо хочу упомянуть недавно проведенный во Мцхета Международный симпозиум, который продемонстрировал несколько великолепных

композиций в камне. Тут мне вспоминается один эпизод из моей жизни. В 1969 году в Тбилиси на набережной устанавливали мою скульптурную композицию (женская фигура, абстрагированная). Я был счастлив, ведь в это время в Москве такую композицию не то что установить — показывать было опасно. Но моя скульптура простояла на месте всего пять месяцев: ее сняли, увезли за город и... закопали в землю. Часть ее и сейчас торчит среди деревьев у дороги, ведущей в Окрюкани, — как символ отношения некоторых «руководящих и направляющих деятелей» к искусству.

Из моих осуществленных в камне работ хочу выделить одну — это базальтовая «Стена расстрела», она открыта в 1981 году в Александровском саду (парк Коммунаров). Не мне судить о ее достоинствах. Но думаю, что наша группа (архитекторы: Т. Тевзадзе, Г. Джапаридзе и Т. Султанишвили) победила в конкурсе, проводившемся в 1979 году, благодаря правильно выбранному масштабу, который не нарушил небольшое пространство парка, не «задавил» зрителя.

М. Б. В своем творчестве, как и многие художники, ты исходишь из того, что красота и милосердие спасут мир, что задача художника — вызывать добрые чувства, а не мщение, злобу, высокомерие. И в то же время ты создал скульптуру, которая меня потрясла, испугала, вызвала страх, желание подалее бежать от этого безжалостного, жестокого, агрессивного мира, жертвой которого становятся самые незащищенные, наиболее уповающие на доброту — я имею в виду детей и женщин. Это фигура некоего бездушного робота-солдата, олицетворяющего тупую силу и жестокость, а у его ног лежит убитая им прекрасная женщина. ...Я бы поставил эту скульптуру возле Дома правительства — там, где произошла трагедия 9 апреля.

Г. Ш. На следующий день после тбилисской трагедии я вошел к себе в мастерскую... и был поражен: оказывается, еще в 1985 году я уже сделал композицию на эту страшную тему, она просто-таки иллюстративна. А увидел ее по-настоящему только после кровавой ночи в апреле...

Что же касается ее установки у Дома правительства, то я принципиальный противник таких решений. И вот почему. Ни один памятник древнегрузинского искусства не отражает, не увековечивает трагедии и страдания народа. Наоборот, они несут в себе громадный заряд надежды и оптимизма, несмот-

ря на тяжелые, порой кровавые времена, в которые создавались.

М. Б. А мемориал Хатыни или Бабьего Яра?

Г. Ш. Мне не нравится, когда люди плачут у мемориала, связанного с трагедией. Кстати, в Роттердаме уже сняли (и перенесли, кажется, в музей) памятник жертвам бомбардировки города. Мне ближе слезы благоговения перед ангелом Кинцвиси или «Страшным судом» в Сикстинской капелле, чем слезы сострадания персонажам этих произведений.

М. Б. Но скульптура, о которой мы говорим, не мемориал, не плач по убитым, а ненависть к тупой силе, к подавлению человека, ко всему тому, что отрицает свободу и самую жизнь.

Скульптура делается долго, порой годами. Поэтому она должна быть отточена, совершенна, иметь идеальную, адекватную форму. Каковы взаимоотношения формы и содержания в скульптуре?

Г. Ш. Мне не кажется, что тема (содержание) может иметь давящее (над формой) значение. Деление на форму и содержание, по-моему, в принципе неверно, это устаревшее, неточное, приблизительное деление. Современные физики, например, давно уже не рассматривают массу и энергию как нечто противоположное, неединое, разъединенное. Физики говорят о «массе-энергии». То же самое следует говорить и о связи формы и содержания, они едины, их противопоставление абсурдно. В скульптуре главный вопрос не в том, что делать, а как делать. Вечная тема поэзии — любовь, а вечная тема скульптуры — человек как символ совершенства природной формы.

М. Б. Это и тема всякого искусства. Ведь оно рождено примирить человека с его жизнью, поднять его над суетой, соединить поколения, создать образ человека. А всякий реальный человек менее интересен, чем его образ. Вот ты создал памятник Галактиону Табидзе...

Г. Ш. В 1974 году был объявлен конкурс, с тех пор я работал над этим памятником, установленным в Кутаиси осенью минувшего года. Эта двухфигурная композиция — поэта с Музой — отлита в бронзу на скульптурном комбинате. Меня часто спрашивают, отчего так долго шла работа. Причин много, не все зависит от меня... Но я счастлив, что форма моей любви к Галактиону совпала с народной — за этот памятник мне присуждена премия Совета Министров Республики Грузия. Кстати, я убежден, что любой конкурс лучше, объек-

тивнее, демократичнее прямых авторских заказов (особенно на крупные монументальные произведения). Что, к сожалению, нередко делается у нас и, безусловно, мешает выявлению потенциала молодых скульпторов, которым я посоветовал бы побольше работать с натурой. Вспомним, какие художники до конца жизни своей работали с натурой (с Природой): Рембрандт, П. Сезан, А. Майсль, А. Матвеев, Н. Пиросмани, Н. Канделаки. Их разделяют века, но у них одинаковое благоговение перед Природой и никто из них не старался быть «современным» — они давно стали современниками будущих поколений.

М. Б. На парижской Триумфальной арке есть один шедевр, который мне очень нравится и является для меня символом скульптуры. Я имею в виду «Выступление в поход волонтеров в 1792 году», более известный под названием «Марсельеза». Автор этой скульптуры Франсуа Рюд (1784—1855).

Г. Ш. Ника Самофракийская еще динамичнее.

М. Б. Конечно. Вот это и важно: динамика, гармоничность, одухотворенность, а в некоторых авангардистских скульптурах этого нет, хотя никто против авангардизма не выступает, среди авангардистов очень много замечательных мастеров.

Г. Ш. Скульптура похожа на балет; свободный и уверенный танец приходит после огромного, порой адского труда.

Анджей ФУРИЕР

«ПОЛЬСКИЙ ДОМ»

в Тифлисе

В конце XVIII века, распространяя свою имперскую политику на Европу, Екатерина II захватила большую часть Польши с ее столицей — Варшавой. Стремясь восстановить утраченную независимость родины, поляки поднялись на борьбу, которая в XIX веке главным образом была направлена против Российской империи. Начиная с восстания Тадеуша Костюшко в 1794 году, все события двух последующих самых крупных восстаний — 1830 и 1863 годов — происходили на польских землях, захваченных Россией. Патриотическое движение поляков царизм подавлял силой. Участники восстаний, заговорщики ссылались в Сибирь и на Кавказ.

Так тысячи поляков оказались в Грузии. Процесс этот, продолжавшийся целое столетие, как бы распадается на два периода.

До конца шестидесятых годов прошлого столетия среди ссыльных поляков здесь больше было тех, кто служил в армии, чиновники и священники встречались крайне редко. Но положение коренным образом изменилось, когда Кавказ был окончательно покорен русскими войсками, что снимало необходимость в увеличении их количества в крае, а польское народное восстание 1863 года потерпело поражение, в связи с чем насильственная ссылка в армию была заменена призывом.

К тому же конец XIX века для Грузии был периодом интенсивного культурного и экономического развития. Строительство новых железных дорог, шахт, портов, промышленных и иных предприятий требовало все больше специалистов разных

профессий — инженеров, учителей, врачей, а также чиновников, торговцев и т. д. Среди них было много поляков.

Что же касается политических ссыльных, служивших в армии, находившихся до революции 1917-го по два и три года под гласным надзором полиции, им уже не вменялось в обязанность носить солдатскую форму. А по истечении срока ссылки они могли вернуться домой.

Тем не менее (по переписи 1897 года в Тифлисской губернии 3192, а в Кутаисской — 865) в Грузии конца прошлого века было немалое число поляков-военнослужащих, большинство из которых составляли призывники, а остальные являлись профессиональными военными-офицерами.

Всего же, как видно из упомянутой выше переписи населения, в Тифлисской губернии проживало тогда 6282 поляка, в Кутаисской — 1938, а в самом Тифлисе 4433 (3142 мужчины и 991 женщина)¹. Другие источники подтверждают эти цифры. Изданный в 1893 году Свод статистических данных, опираясь на посемейные списки с 1886 года, дает информацию, согласно которой в Тифлисе в 1876 году жили 1592 поляка, в 1886 — 849. По сведениям тифлисского полицмейстера, в 1891 году их число увеличилось до 4900 человек². В издаваемом в начале XX века Закавказским Статистическим Комитетом «Обзоре Тифлисской губернии», к сожалению, не содержится сведений о населении города с учетом национального состава.

Поляки, проживавшие в Грузии в XIX веке, были лишены возможности национального развития. С самого начала минувшего столетия они попадали в места, далекие от их родины, как, например, в Грузию, за борьбу с царизмом и поэтому не могли рассчитывать на какие-либо льготы со стороны властей. Объединяла этих людей лишь общая для большинства из них католическая вера. Местами, где они собирались, были костелы и часовни. И, в первую очередь, костел Святых Петра и Павла, построенный в Тифлисе в семидесятые годы прошлого столетия на добровольные пожертвования верующих, главным образом, поляков. А при костеле, находившемся на улице Николаевской (ныне — Иванэ Джавахишвили, 55), было основано Благотворительное общество под названием «Dobroczyunos'c» «Доброчинность», что означает «Благотворительность», объединявшее поляков, стремившихся к сохранению своей культуры и языка.

Именно стараниями «Доброчинности» 19 февраля

1893 года в Тифлисском музыкальном кружке была осуществлена любительская постановка на польском языке. При этом было продано 298 билетов на сумму 451 рубль, прибыль от которых составила 257 рублей³.

Проект учреждения этого общества, задачей которого было культурное развитие польского населения Тифлиса, возник в самом начале XX века, но окончательно сформировался в начале 1907 года, когда восемь его учредителей — Игнацы Росонца, Францишек Ленцки, Антони Келлер, Алекс Асланович, Юзеф Жолтовски, Стефан Хжоновски, Бронислав Мельчарски и Отто Бруно Теде, составив окончательный вариант устава, послали его в Канцелярию тифлисского губернатора для утверждения. 19 июля того же года он был там рассмотрен и со ссылкой на 21-ю статью «Временных правил об обществах и союзах» поступил отказ в утверждении и регистрации общества, так как в качестве культурной единицы оно было лишено права для основания чайной, столовой, общества взаимопомощи.

Кроме того, предъявлялось требование точно определить территорию (подразумевался Тифлис), на которой ему предстояло функционировать, а также уточнить уровень членских взносов и порядок отчетности.

Кроме точных адресов учредителей говорилось также о необходимости указать их «правильные звания» в связи с тем, что двое из них называли себя «гражданами Царства польского» (Б. Мельчарски и О. Б. Теде), а один — «варшавским гражданином» (Алекс Асланович). Звания эти Присутствие признало «несуществующими»⁴.

А. Келлер получил этот ответ 24 июля 1907 года, а почти месяц спустя проект устава общества «Польский дом» города Тифлиса с изменениями, снова став предметом обсуждения в Присутствии по делам об обществах, в том же составе (председатель — вице-губернатор А. Т. Чернявский, члены: Н. В. Брандорф, В. Ф. Островский и князь Н. В. Черкесов) был утвержден.

Кроме вышеупомянутых изменений (также званий: Б. Мельчарски — дворянин, О. Б. Теде — без звания, А. Асланович — крестьянин), утвержденный устав был расширен за счет одного параграфа (§ 14), касавшегося обязанностей общества, цель которого — объединение своих членов, а также оказание помощи в проведении культурных мероприятий для них в свободное время.

Одновременно общество намеревалось «способствовать культурному развитию возможно более широких слоев населения города Тифлиса» (§ 1,б)⁵, устраивая «музыкальные и литературные вечера, драматические представления, библиотеки, книжные лавки, школы для детей и взрослых, общеобразовательные курсы», издавая книги, организовывая уроки музыки и пения (§ 2). Этот перечень указывает на то, как много возможностей представляло общество своим членам, которыми по уставу «могут быть лица, считающие себя поляками, без различия пола, вероисповедания, состояния, занятия, кроме лиц, которым участие в общественных законах запрещено» (§ 3). И никаких документов, заявлений, указания своих званий от них не требовалось. Достаточно было просто «считать себя поляком».

Кроме членов-учредителей в состав общества принимались лица, утвержденные его Советом, которые должны были затем уплатить вступительный (не менее одного рубля) и членский взнос, размер которого определяло общее собрание членов. Этот Совет из 12 человек (ежегодно менялись 3 члена, так называемые кандидаты), избравший своего представителя, его товарища, казначея, бухгалтера и секретаря, ведал всеми делами общества.

Средства поступали от взносов, пожертвований, доходов с устраиваемых увеселительных мероприятий и других дозволенных законом источников. Наряду с правом приобретать движимость и недвижимость, а также продавать ее, Общество имело печать и бланки со своим названием (печати было две).

Подчиняясь Министерству внутренних дел, о всех своих действиях оно обязано было информировать полицмейстера.

В случае сокращения числа членов менее пяти, или по решению их общего собрания, общество закрывалось.

Принятый устав, состоявший из 32 параграфов, был напечатан в типографии до конца 1907 года⁶.

13 октября того же года в реестр существовавших в Тифлисе обществ было внесено и это под № 59, о чем газета «Кавказ» сообщила через неделю — 21 ноября: «Определением тифлисского губернского по делам об обществах присутствия 12.10.1907 внесено в реестр обществ и союзов под № 59 общество «Польский дом» в Тифлисе»⁷ (здесь допущена опечатка — день 13-го октября указан как 12-ое).

Две недели спустя — 28-го октября 1907 года — в помещении упомянутого выше Благотворительного общества при

костеле Святых Петра и Павла было проведено первое собрание новой организации. Состоялось избрание первого Совета общества. Очередное собрание было назначено на 4 ноября на том же месте. Заметку об этом поместила газета «Тифлисский листок»⁸.

Первым председателем был избран Бронислав Мельчарски — купец, проживавший в доме № 53 по Михайловскому проспекту. Именно благодаря его усилиям, еще в начале декабря 1907 года в помещении общества «Польский дом» (тогда впервые в письме № 22 от 5-го декабря 1907 года в Канцелярии Тифлисского губернатора появилось название общества на польском языке), которое размещалось на улице Николаевской, № 59, были открыты библиотека и читальный зал. Не исключено, что временное предоставление им Благотворительным обществом⁹ площади и привело к составлению позднее в Канцелярии губернатора списка просветительных обществ, действовавших в Тифлисской губернии, где под номером 26 значится также «Польский дом»¹⁰.

Его торжественное открытие планировалось на 9-ое декабря 1907 года, но по неизвестным причинам было отложено на 16-ое. Следовательно, уже к Рождеству и Новому году общество могло организовать свои первые мероприятия. 27-го декабря силами любителей была поставлена пьеса известного польского писателя Александра Фредро «Единственная наследница» и водевиль В. Анчыца «Лобзовяне». Вечер завершился танцами. Эта же программа была повторена для гостей 30-го декабря, о чем информировали афиши и объявление в «Тифлисском листке»¹¹.

Новый, 1908 год начался елкой для детей.

Однако общество «Польский дом» не ограничивалось лишь развлекательными мероприятиями. В воскресенье, 20-го января 1908 года в его помещении были прочитаны доклады на темы — «Ст. Крауз. «О происхождении человека» (лектор Трцелло) и А. Сьвентоховски «Хава Рубин» (лектор Хжановски)¹². Александр Сьвентоховски был одним из основоположников польского позитивизма. Его общественная и литературная деятельность в Польше, без преувеличения, может быть сравнима с деятельностью в Грузии Ильи Чавчавадзе. Тем отраднее, что его сочинения и идеи оказались в сфере внимания общества поляков в Тифлисе.

С начала 1908 год очень хорошо работал театральный кружок, ежемесячно готовя новые постановки (главным обра-

зом одноактных пьес). В августе и сентябре было даже две премьеры, повторенные в октябре. Тогда же состоялись два музыкально-литературных вечера (4-го и 10-го октября), а 18-го была представлена программа со стихами, музыкой, живыми картинами и танцами¹³.

Однако продолжать действовать столь планомерно и насыщенно становилось невозможным в рамках старого помещения. Поэтому 28-го октября 1908 года Совет общества созвал чрезвычайное собрание членов, на котором, кроме организационных вопросов (отчета за 1907 год, размера взносов, избрания новых членов Совета, библиотечных дел, кружков и комиссий) рассматривалась и эта проблема.

Интересной была программа детского вечера с пьесой «Малый Фанфарон» в молодежном исполнении, елкой и танцами.

Для взрослых, помимо музыкально-театрального вечера, был организован маскарад.

Новый, 1909 год, который члены общества встречали на танцевальной вечеринке¹⁴, оправдал надежды на дальнейшую активизацию его деятельности и улучшение помещения.

В течение этого года газета «Тифлисский листок» поместила целиком или частично на польском языке более двадцати объявлений о разного рода культурных мероприятиях, организованных обществом.

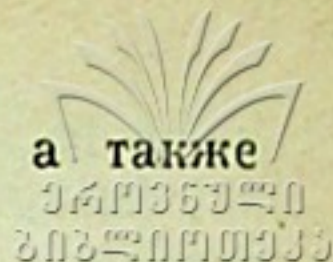
Театральным кружком, кроме кратких пьес в одном действии — «Два немых», «Калоши», «Золотой теленок», «Подозрительная особа» и других, — 31-го января была поставлена комедия Абрамовича «Муж по вежливости» в трех действиях, 17-го мая — «Мастера и ученики» Коженевского в двух действиях и «Жабенка» Т. Запольского в трех.

Представленные после летнего перерыва (31-го октября и 11-го ноября) «Сходка» Пшысошевского и «Тетка Кароля» Томаса свидетельствовали о более высоком художественном уровне в деятельности театрального кружка.

Настоящим праздником для польских театралов был приезд из Познани актеров «Польского театра», который выступал в новом, снятом летом, помещении общества на Николаевской (№ 105).

15-го сентября шли оперетта «Варшавянки» Сливинского в четырех действиях и «Заваруха на Саской у Кемпе» в трех действиях¹⁵. Два дня спустя состоялся прощальный вечер. Тогда же артисты из Познани вместе с тифлисскими любителями

сыграли пьесы — Б. Торчинского «Интеллигент», а также «По телефону», хорошо принятые зрителями¹⁶.

Больше стало и концертов.

В работе музыкального кружка принимал участие приехавший из Варшавы скрипач В. Поржицкий.

22-го февраля 1909 года здесь отмечалось приближавшееся 100-летие со дня рождения Фридерика Шопена. Весь вечер звучала музыка великого польского композитора в исполнении Т. Янчевского¹⁷.

Среди литературных программ следует отметить вечер, посвященный 100-летию со дня рождения Юлия Словацкого. Кроме доклада о творчестве этого великого польского поэта, собравшихся познакомили с одной из самых его выдающихся трагедий — «Балладина»¹⁸.

Для детей 27-го декабря была устроена, уже ставшая традиционной, рождественская елка и показана пьеса.

Наряду с достижениями 1909 год принес также немало проблем. Стал вопрос об изменении устава. В раздел «средства общества» предлагалось внести пункт об игре в карты и продаже спиртных напитков в помещении общества. Прибыль полностью должна была поступать в его кассу. Присутствие по делам об обществах и союзах на своем заседании 17-го марта 1910 года (просьба поступила еще в ноябре 1909 года!) выразило согласие на внесение пункта, разрешающего игру в карты.

Но получил устав с этой поправкой Т. Мулярски лишь 2-го декабря 1913 года¹⁹. Возможно, одной из причин такой задержки было кризисное положение самого общества.

Первая половина 1910 года ознаменовалась еще несколькими мероприятиями, наиболее значительным из которых стал вечер, посвященный литературной деятельности Леманского (24-го апреля)²⁰.

Со второй половины того же года по конец 1913-го заметна определенная пассивность в деятельности «Польского дома». Избранный в 1913 году председатель общества — инженер Тадеуш Кжижановски в своем отчете за период с 26-го октября 1913 по 1-ое января 1914 года, написанном в феврале того же года, отмечал: «Со второй половины 1909 года деятельность Общества, вследствие различных причин, главным образом, недовольства членов и вообще польской колонии г. Тифлиса, отдаленностью помещения (Николаевская, 105), стала ослабевать и, наконец, в 1910 году ограничилась

лишь выдачей книг из библиотеки оставшимся членам в числе 11, которые и поддерживали существование Общества до 1913 года»²¹.

Судя по этой выдержке, ситуация, действительно, была кризисной. Однако выход из этого трудного положения все же нашелся. Помещение на Николаевской в доме № 105 было отдано в найм Училищу Министерства народного просвещения и Первому Тифлисскому ссудо-сберегательному товариществу. Деньги от этой аренды в сумме около 500 рублей позволили возобновить деятельность общества. Этому способствовало также избрание нового совета в составе инженера Тадеуша Кжижановского (председатель), Франца Арашкевича (его заместитель), Георгия Мулярского (секретарь), Александра Скуневского (казначей), Мечислава Тодлевского (бухгалтер) и членов — Эдуарда Негребецкого, Игнатия Рхжонца, Михалины Курманович (впервые была избрана женщина) и Франца Наконечникова²².

Новое руководство «Польского дома» быстро нашло более подходящее помещение в доме Сливицкой (№ 54) на Великокняжеской за 1500 рублей в год. Позаботилось оно также об увеличении числа членов, которых в январе 1914 года было уже 66. В единственном в 1913 году объявлении в «Тифлисском листке» сообщалось о собрании членов общества, назначенном на 26-ое октября, а также делалось напоминание об уплате членских взносов²³.

В 1914 году были организованы три кружка: сценический, по устройству вечеров и мероприятий для детей.

Библиотека работала ежедневно с шести до восьми: читальный зал был постоянно открыт. 11-го января 1914 года состоялся первый показ кинематографа — сначала для взрослых, потом для детей.

Доходы общества за период с 26-го октября 1913 по 1-ое января 1914 года составляли около двух тысяч рублей. Среди расходов в размере приблизительно 1400 рублей наиболее обременительной была плата за наем помещения (418 рублей) и его содержание (206 рублей)²⁴.

С целью увеличения доходов в последний раз был изменен устав общества. 28-го апреля 1914 года оно было внесено в реестр под номером 140. Новый устав включал 31 параграф. Он являлся повторением старого, кроме параграфа 4, где уровень членского взноса был определен от 3 до 10 рублей в год. «Члены, которые могли сразу заплатить 100 рублей, вносились в число пожизненных»²⁵.

Кроме этого, введено название «почетного члена» и внесено несколько изменений в параграф 23 (об управлении общества).

С 1914 года, после длительного перерыва, театральный кружок поставил 22-го января пьесы Ст. Выспянского «Судьи» и «Золотой теленок» в постановке Т. Орда. Вечер завершился танцами, которыми руководил Л. Оверло, а в перерывах показывали дивертисмент.

8-го февраля, 8-го и 16-го апреля там же были организованы маскарады.

Успешное функционирование общества нарушило начало первой мировой войны. Помещения «Польского дома» были заняты полевым контролем 2-го корпуса. А так как новое помещение на улице Крылова, № 12 (в доме Алхазовой) было меньшим по размеру, проведение крупномасштабных мероприятий стало затруднительным. Наконец по решению членов с сентября 1914 года был основан в рамках общества Комитет помощи жертвам войны в Польше. Разрешенный наместником, он широко развернул свою деятельность, которую и вел до конца войны в 1918 году при участии всех членов «Польского дома». Но это, как говорится, особая статья.

В этот период особенно активизировалась работа библиотеки, в которой на 1-е января 1915 года насчитывалось 1710 томов разных книг, большинство из которых было на польском языке²⁶.

Прибыль общества за 1914 год составила свыше 5000 рублей. 412 из них были переданы как пожертвование Тифлисскому центральному комитету помощи жертвам войны и Тифлисскому римско-католическому благотворительному обществу. Комитет помощи жертвам войны в Польше, как пишет один из его членов — председатель «Польского дома» Тадеуш Кжижановски, «(...) открыл сбор пожертвований по всему Кавказу, публикуя в газетах воззвания, а также прибегая к помощи уполномоченных лиц. Списки пожертвователей публиковались в газете «Тифлисский листок». Для прибывших в Тифлис беженцев из... занятых неприятелем мест в помещении Римско-католического благотворительного общества был открыт приют, в котором по 1-ое января (1915 года — А. Ф.) были размещены 24 человека, из коих 9-ти Комитет нашел работу, а 5-ти помог выехать в другие города. Собранные деньги пересылались Варшавскому центральному комитету, так же как и теплые вещи, белье же посылалось Польскому санитар-

ному комитету в Варшаве». Из общих расходов, составлявших 7045 рублей, в Варшаву было послано 706 рублей²⁷

Представителем Комитета была женщина — Ц. Эмерик.

Сбор денег продолжался, так что в конце 1915 года в Центральный гражданский комитет в Варшаве было передано 10400 рублей. Суммы поменьше направлялись другим организациям²⁸.

В 1915 году было оборудовано также второе убежище на 50 человек на улице Реутовской. Заботой Комитета был уход за поляками, которые находились в разных больницах города.

Кроме вышеупомянутого сбора денег, для получения средств Комитет организовывал разные мероприятия. Так, в 1915 году была поставлена опера великого польского композитора Ст. Монюшко «Галька», устраивались различные вечера и так далее.

С 1917 года «Польский дом» стал чаще проводить собрания для обсуждения «текущих событий», чем культурные мероприятия. Связано это было с общей политической обстановкой — приближением революции.

Общество принимало участие во всех крупнейших событиях. 6-го мая 1917 года оно избрало делегатов в Исполнительный комитет польских организаций города Тифлиса. В июне был избран новый Совет общества, а 18-го августа того же года представители на съезд польских организаций на Кавказе, проходивший в помещении Тифлисского кружка с 20-го августа. Делегация «Польского дома» приняла активное участие в его работе.

После митинга 23-го июня, организованного Польским исполнительным комитетом в здании 2-ой мужской гимназии на улице Великокняжеской, № 52, где рассматривались проблемы, связанные с «поездкой поляков на родину», большая часть деятелей «Польского дома» решила уехать в Польшу. Реализация этого решения началась в конце 1918 года. С этого времени в течение нескольких лет большинство поляков покинуло Грузию, и «Польский дом» прекратил свое существование в Тифлисе.

Самое длительное время продолжала работать библиотека. Ее книги и по сей день хранятся в фондах Республиканской публичной библиотеки и в архиве при костеле Святых Петра и Павла.

Общество «Польский дом» в Тифлисе за несколько лет своего существования немало потрудились на пользу польского

населения города. Разного рода культурные мероприятия служили не только развлечением, но и напоминали о таких великих поляках, как Шопен, Выспянский, Запольский, Монюшко и другие.

Необходимо подчеркнуть, что общество было основано по инициативе снизу, исходящей от людей, которые остро нуждались в общении на польском языке. Доступность для гостей этих мероприятий, проводимых, как правило, по воскресеньям и вечером, служила популяризации здесь польской культуры. Поэтому было бы неправильным считать сбор доходов от продажи билетов на подобные мероприятия — самоцелью. Отчеты показывают, что они составляли незначительную часть доходов (не меньше 5 процентов). Даже небольшое количество членов общества, которое насчитывало более 100 человек, не играло такой важной роли. Все они вместе с семьями работали не только для себя, но также и для других. В актив общества следует отнести и деятельность Комитета помощи жертвам войны в Польше. Размеры его добрых дел и их многообразный характер дают понять, насколько сильны и прочны были связи поляков, живущих в Грузии, со своей родиной.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Первая всеобщая перепись населения Российской империи, проведенная в 1887 году, СПб, 1905, L XIX, L XVI.

2 Тифлисская губерния, свод статистических данных о населении Закавказского края, Тифлис, 1883.

3 Архив костела Св. Петра и Павла, фонд костела Св. Петра и Павла.

4 Центральный Государственный Исторический Архив ГССР [далее ЦГИА] ф. 17, оп. 1, д. 5604, листы 8 и 9.

5 ЦГИА, Там же.

6 «Кавказ», № 257 от 21.11.1907, с. 1.

7 «Тифлисская листовка» № 237 (опечатка, должно быть № 236) от 1.11.1907, с. 1.

8 ЦГИА, ф. 17, оп. 1, д. 5604, листы 22 и 24.

9 ЦГИА, ф. 17, оп. 1, д. 6337.

10 «Тифлисская листовка», № 282 от 25.12.1907, с. 2.

Повторно № 283 от 26.12.1907 — впервые в газете на польском языке «DOM POLSKI». Таким образом, ошибочно указывалось начало деятельности общества в 1910 году, как это сделано в

«Заре Востока», № 245 от 19.10.1987, с. 3 в статье «Давным —
давно» Т. Бухникашвили.

11 ЦГИА, ф. 17, оп. 1, д. 5604.

12 «Тифлисский листок», №№ 191, 202, 208 от 1905 года.

13 Там же, № 268 от 21.12.1908, с. 1.

№ 275 от 31.12.1908, с. 1.

14 Там же, № 209 от 15.09.1909, с. 1.

15 Там же, № 211 от 17.09.1909, с. 1.

16 Там же, № 40 от 20.02.1909, с. 1.

17 Там же, № 277 от 4.12.1909, с. 1.

18 ЦГИА, ф. 26, оп. 2, д. 10263.

19 «Тифлисский листок», № 92 от 24.04.1910, с. 1.

20 ЦГИА, ф. 26, д. 10263, лист 36.

21 Там же.

22 «Тифлисский листок», № 235 от 17.10.1913, с. 1.

23 ЦГИА, ф. 26, оп. 2, д. 10263, лист 37.

24 ЦГИА, ф. 36, оп. 1, д. 8, лист 10 об.

25 ЦГИА, ф. 26, оп. 2, д. 10263, лист 39 об.

Архив костела Св. Петра и Павла.

26 Там же, лист 40.

27 ЦГИА, ф. 520, оп. 1, д. 191.

28 «Тифлисский листок», № 18 от 22.01.1917, с. 1.

ЛИЛЯ

Смерть всегда оказывается неожиданной — даже тогда, когда окружающие знают: она неизбежна. Может быть, потому, что живые не хотят уступить жизнь. Не хотят смириться со смертью. Не хотят расстаться с близким человеком — навсегда.

Мы знали, что Лиля очень тяжело больна, в ее случае — неизлечимо. И все же это было неожиданно!

От нее всячески скрывали правду. Знала ли она эту правду? Как бы то ни было, несмотря на все страдания, она мужественно отстаивала свою жизнь. И держалась стойко и мужественно. До последнего участвовала в жизни редакции и так интересовалась всем происходящим — сквозь непреходящую мучительную боль. В декабре, в январе она все еще лелеяла надежду поправиться, сесть за свой письменный стол в редакции и работать. Она даже была дежурным редактором по десятому номеру! — читала верстку. Утро 21 февраля 1991 года оказалось последним в ее такой, в сущности, недолгой жизни. Жизни, которую прожила, неизменно увлеченная делом, которому посвятила себя.

Окончив филологический факультет Тбилисского университета, Елизавета Иосифовна Браиловская, Лиля, как звали ее все мы, активно сотрудничала в редакции газеты «Заря Востока», затем продолжила работу в только что открывшемся тогда журнале «Литературная Грузия». Здесь она приобщается к особой сфере журналистики, тесно связанной с литературой. Работа с известными грузинскими писателями открывает новые творческие возможности талантливой молодой журналистки. Е. И. Браиловская — литературный сотрудник отдела критики и публицистики, затем — редактор этого отдела, в дальнейшем — редактор отдела очерка и публицистики, и в этой должности она проработала до конца.

Инициативная по натуре, Лиля Браиловская была умелым организатором и тактичным, доброжелательным и внимательным редактором. Трудно перечислить, сколько интересных, острых, проблемных материалов было организовано и подготовлено Лилей! Сколько душевного тепла, горения сердца вкладывала она в свою работу!

Уже одолеваемая недугом, она организовала сложную и интересную публикацию воспоминаний Наты Чхеидзе о ее отце, известном политическом деятеле Карло Чхеидзе, и публикацию речей самого К. Чхеидзе. Последней ее работой была подготовка публикации текста лекции замечательного грузинского философа Мераба Мамардашвили (которую сам он, к сожалению, не успел увидеть в печати!).

Автор многих статей, очерков, публиковавшихся в «Литературной Грузии», а также книжки очерков, Лиля умело сочетала журналистскую деятельность с обязанностями хозяйки большой семьи: супруга известного журналиста Роберта Златкина, она была достойной матерью троих детей.

Трудно свыкнуться с мыслью, что Лили Браиловской нет среди нас...

**РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ»**

Главный редактор Роман МИМИНОШВИЛИ

Редакционная коллегия:

Чабуа АМИРЭДЖИБИ, Элисбар АНАНИАШВИЛИ, Реваз АСАЕВ, Хута БЕРУЛАВА, Анаида БЕСТАВАШВИЛИ, Игорь БОГОМОЛОВ, Тенгиз БУАЧИДЗЕ, Хута ГАГУА, Марк ЗЛАТКИН, Камилла КОРИНТЭЛИ (ответственный секретарь), Сергей СЕРЕБРЯКОВ, Лия СТУРУА, Георгий ЧАРКВИАНИ (заместитель главного редактора), Серги ЧИЛАЯ.

Технический редактор И. Зурабашвили

Корректор Е. Сопромадзе

Сдано в набор 12.02.91 г. Подписано к печати 10.04.91 г. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Печать высокая. Печ. л. 7,0. Усл. печ. л. 11,97. Уч.-изд. л. 14,0. Тираж 5.000. Заказ 320. Цена 1 р. 30 к.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

При перепечатке ссылка на «Литературную Грузию» обязательна.

При обнаружении полиграфического брака просим обращаться в типографию Издательства «Самшобло» по вопросам подписки и доставки журнала — в «Союзпечать».

Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Костава, 5.

Телефоны: Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редактора — 93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59, отделы — 93-31-43 и 93-65-19.

Типография Издательства «Самшобло», Тбилиси, ул. Костава, 14.

1 руб. 30 к.

672/43

ИНДЕКС 76117

საქართველოს
საბჭოთავო
ბიბლიოთეკა

ყოველთვიური ლიტერატურულ-მხატვრული და
საზოგადოებრივ-პოლიტიკური ჟურნალი

ლიტერატურისა და კრუზია
(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის ორგანო
გამოდის 1957 წლის ივნისიდან

1001 № 2. 1-224